

ПОВОЛЖСКИЙ
ИНСТИТУТ
УПРАВЛЕНИЯ
имени П.А. СТОЛЫПИНА

ВЕСТНИК

ПОВОЛЖСКОГО
ИНСТИТУТА
УПРАВЛЕНИЯ

Научный журнал

№ 6 (51)

2015

Саратов

Научный журнал

Учредитель

***Российская академия народного хозяйства
и государственной службы
при Президенте Российской Федерации***

Главный редактор — **В.А. Чепляев**
Зам. главного редактора — **О.Н. Фомин**
Ответственный секретарь — **Д.В. Акаев**

Редакционная коллегия:

В.В. Герасимова, д-р экон. наук;
В.М. Долгов, д-р ист. наук;
Э.Г. Липатов, д-р юрид. наук;
О.А. Лиценбергер, д-р ист. наук;
А.В. Рязанов, д-р филос. наук;
Е.Ю. Сидорова, д-р экон. наук;
Ю.И. Тарский, д-р социол. наук;
О.И. Цыбулевская, д-р юрид. наук;
С.Е. Чаннов, д-р юрид. наук;
Э.В. Чекмарев, д-р полит. наук;
Т.И. Черняева, д-р социол. наук

Свидетельство о регистрации средства массовой информации – журнала «Вестник Поволжского института управления» ПИ № ФС 77 – 61170 от 30 марта 2015 года выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций.

Свидетельство о регистрации средства массовой информации – журнала «Вестник Поволжской академии государственной службы» ПИ № ФС 77 – 52425 от 28 декабря 2012 года выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций.

Подписной индекс в Роспечати 20432.

Научный журнал «Вестник Поволжской академии государственной службы» входит в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук.

Материалы журнала размещены по адресу: <http://vestnik.pags.ru/vestnik>

№ 6 (51)
2015

B U L L E T I N
OF THE VOLGA REGION INSTITUTE
OF ADMINISTRATION

Science journal

Founder:

*The Russian Presidential Academy
of National Economy
and Public Administration*

Editor-in-chief: *V.L. Chepliaev*
Deputy editor-in-chief: *O.N. Fomin*
Executive secretary: *D.V. Akaev*

Editorial board:

*V.V. Gerasimova, Doctor of Sciences (Economics);
V.M. Dolgov, Doctor of Science (History);
E.G. Lipatov, Doctor of Science (Law);
O.A. Litsenberger, Doctor of Sciences (History);
A.V. Ryazanov, Doctor of Sciences (Philosophy);
E.Yu. Sidorova, Doctor of Science (Economics);
Yu.I. Tarsky, Doctor of Sciences (Sociology);
O.I. Tsybulevskaya, Doctor of Sciences (Law);
S.E. Channov, Doctor of Science (Law);
E.V. Chekmarev, Doctor of Science (Politology);
T.I. Chernyaeva, Doctor of Sciences (Sociology)*

© Stolypin Volga Region Institute of Administration, 2015

ЧЕТВЕРТЬ ВЕКА ПОЛИТИЧЕСКОЙ НАУКИ В РОССИЙСКОЙ ПРОВИНЦИИ

All-Russian Research-to-Practice
Conference
“A Quarter-Century of Political
Science in the Russian Province”
(Saratov, Stolypin Volga Region
Institute of Administration
of the Russian
Presidential Academy
of National Economy
and Public Administration,
May 14–15, 2015)

**ВСЕРОССИЙСКАЯ НАУЧНО-
ПРАКТИЧЕСКАЯ
КОНФЕРЕНЦИЯ
«ЧЕТВЕРТЬ ВЕКА
ПОЛИТИЧЕСКОЙ НАУКИ
В РОССИЙСКОЙ
ПРОВИНЦИИ»**
(г. Саратов, Поволжский
институт управления
имени П.А. Столыпина —
филиал Российской академии
народного хозяйства
и государственной службы
при Президенте РФ,
14–15 мая 2015 г.)

В Поволжском институте управления имени П.А. Столыпина 14–15 мая 2015 г. состоялась Всероссийская научно-практическая конференция «Четверть века политической науки в российской провинции». Основная задача конференции заключалась в анализе современного состояния политической науки в российских регионах и оценке проблем ее дальнейшего развития. Открыл конференцию заместитель директора института по научной работе доктор политических наук, профессор О.Н. Фомин, отметивший важную роль крупных региональных научных центров в развитии современной политологической науки. Директор

института В.А. Чепляев подчеркнул важную роль политологии в подготовке управленческих кадров, формировании общественно-политического сознания современной молодежи. Приветственные телеграммы участникам конференции прислали председатель Российского общества политологов, декан факультета политологии МГУ профессор А.Ю. Шутов и доктор политических наук, заведующий кафедрой политологии и политического управления РАНХиГС, президент Академии политической науки О.Ф. Шабров.

На пленарном заседании прозвучали доклады докторов политических наук Я.А. Пляйса и А.Г. Чернышова (Финансовый университет при Правительстве РФ), А.И. Соловьева (МГУ), А.А. Вилкова (СГУ), доктора философских наук А.И. Демидова (СГЮА), доктора исторических наук В.М. Долгова (РАНХиГС). Их выступления создали масштабную картину развития политической науки в России, ее достижений и недостатков, современного уровня научного осмысления политического процесса, идейного оснащения российской политики, взаимоотношений ученых с властными структурами. В обсуждении приняли участие ученые Саратова, Балакова, Волгограда, Самары, Тамбова, Уфы, Ульяновска — в целом более тридцати докторов наук. Рефлексии подверглись вопросы современного положения политической науки в обществе и государстве, соотношения зарубежных и отечественных знаний в теоретическом багаже российской политологии, практики ее преподавания в вузах, взаимодействия политологов со структурами региональной и федеральной власти.

В течение четверти века политическая наука развивалась весьма динамично. Диссертационные советы по политическим наукам функционировали в Санкт-Петербурге, Ростове-на-Дону, Саратове, Казани, Краснодаре, Калининграде, Нижнем Новгороде. В вузовском образовании политология утвердилась в качестве дисциплины, обеспечивающей общественно-политическое обучение и воспитание студентов, формирование их сознательного отношения к политическим явлениям и процессам. Вместе с тем в учебных курсах по политологии преобладают зарубежные теории, концепции, аналитические оценки, которые часто не соответствуют общественно-политическим условиям России. Научные исследования политологов не всегда актуальны, порой формальны, слабо влияют на модернизационные процессы страны. Практическая политология характеризуется низкой эффективностью взаимодействия с властями.

Все эти проблемы освещаются в статьях участников конференции, публикуемых в данном номере журнала. Среди авторов — авторитетные представители российского политологического сообщества: Я.А. Пляйс — доктор исторических и политических наук, заведующий кафедрой общей политологии Финансового университета при Правительстве РФ; А.И. Соловьев — доктор политических наук, заведующий кафедрой государственной политики МГУ; А.И. Демидов — доктор философских наук, заведующий кафедрой теоретической и прикладной политологии СГЮА; А.А. Вилков — доктор политических наук, заведующий кафедрой политических наук СГУ, а также профессора Поволжского института управления имени П.А. Столыпина: О.Н. Фомин, Г.Н. Долгова, В.М. Долгов, занимающиеся актуальными научными исследованиями в сфере политологии и активно участвующие в образовательном процессе.

Организационный комитет конференции

Ya.A. Plyais

Contemporary Political Science Field of Russia: Condition and Problems

The condition and problems of the contemporary political science field of Russia are considered. The analysis of reforms in the scientific sphere is drawn. The condition and prospects of the Russian science in general and the political science in particular are estimated.

Key words and word-combinations: political science, Russian science, reforms of the scientific sphere, Russian Academy of Sciences, Higher Attestation Commission.

Рассматриваются состояние и проблемы современного политологического пространства России. Проводится анализ реформ научной сферы. Даются оценки состояния и перспектив российской науки в целом и политологии в частности.

Ключевые слова и словосочетания: политология, российская наука, реформы научной сферы, РАН, ВАК.

УДК 32.001
ББК 66.0

Я.А. Пляйс

**СОВРЕМЕННОЕ
ПОЛИТОЛОГИЧЕСКОЕ
ПРОСТРАНСТВО РОССИИ:
СОСТОЯНИЕ И ПРОБЛЕМЫ**

Анализируя состояние и проблемы современного политологического пространства России, следует иметь в виду, как минимум, следующие обстоятельства и факторы: во-первых, состояние всей российской науки и основные проблемы, какие она сегодня решает; во-вторых, достижения и нерешенные задачи российской политологии за 25 лет ее развития; в-третьих, что необходимо предпринять, чтобы сохранить то, что было создано за последние четверть века и двинуться дальше.

Рассматривая первый из обозначенных аспектов, необходимо акцентировать внимание на том, что, несмотря на постоянное внимание к отечественной науке, ее состоянию и проблемам со стороны высшего руководства страны, а также на значительное увеличение ее финансирования, она переживает не лучшие свои времена, а по оценке президента РАН академика В. Фортова, самые тяжелые за свою почти 300-летнюю историю. Связано это не только с недофинансированием, но и со многим другим.

После принятия Закона о реформе Российской академии наук прошло больше года, и главное, что ученые если и почувствовали какой-то переход, то в малой степени. Однако оценки и суждения президента РАН не столь мажорные и оптимистичные. Отметив, что «только сейчас начинается самое трудное», он сказал: «Диагноз нашей науки хорошо известен. Как делать науку

мирового уровня, соперничать с ведущими странами по публикациям и цитируемости, если у нас изношенность основных фондов 80 процентов, если сильно устарел парк приборов, если нищенская зарплата — 20—35 тысяч рублей. Если ученый даже не может мечтать купить жилье. Напомню, что Россия выделяет на науку 1,12 процента ВВП, а ведущие страны мира более двух процентов. Словом, перефразируя нашего известного сатирика, можно сказать: “У российской науки все хорошо — ей никто не завидует”» [1]. Далее академик Фортвов остановился на некоторых более конкретных проблемах. Речь идет, в частности, о том, что спустя год после начала реформы все еще юридически и фактически не решен главный вопрос о разделении функций ФАНО и РАН: «РАН — это наука, а хозяйственные, имущественные вопросы — ФАНО. Так вот, мы просим очень простую вещь. Чтобы это очевидное, логическое разделение было оформлено юридически. Ведь у ФАНО не было ясности, где кончается хозяйство и начинается наука. Отсюда периодически возникали различные непонимания, разногласия, трения» [1].

Другая важная проблема современной российской науки: определить, в чем состоит ее приоритет? В прикладных исследованиях или в фундаментальных? «Сейчас существует большая востребованность именно на прикладную науку. Академия наук — с самого своего рождения 300 лет назад — была заточена на фундаментальные исследования, хотя никогда наши ученые не чурались прикладной части, работали в тесном контакте с отраслевыми институтами. В СССР было около 130 министерств, и в каждом имелся свой главный институт и много прикладных. Они, кстати, были прекрасно оснащены, гораздо лучше академических. В кризисе 90-х годов все это, по сути, исчезло, а академия выстояла. И вот теперь ей предлагают взять на себя многие функции по внедрению разработок. Здесь есть вопросы к Минобрнауке. Ведь это не Министерство науки в образовательных учреждениях. Оно должно отвечать и нести ответственность за всю науку в России. А что в реальности? У нас сегодня, так или иначе, наукой и техникой занимается около двух десятков разных организаций. По сути, нет единого органа управления этой важнейшей сферой». Учитывая принципиально новые задачи, стоящие перед страной, президент РАН предложил «создать организацию, аналогичную Госкомитету по науке и технике, который эффективно действовал в СССР» [1].

К обозначенному и процитированному необходимо добавить, что оценки состояния и перспектив российской науки, а также мер, необходимых для исправления ситуации, значительно различаются у разных ответственных лиц: от почти мажорных до откровенно минорных. Однако все они солидарны в том, что реформа науки нужна и давно назрела, но то, как ее проводить, вызывает у них серьезные противоречия и разночтения.

Рассматривая второй вопрос: чего добились российская политическая наука за 25 лет своего развития и чего не смогла добиться — необходимо отметить следующее. Всякая наука в своем развитии после институционализации преодолевает несколько важных этапов. Первый из них — инфраструктурный, во время которого создаются все наиболее важные для науки и связанной с ней системой образования структуры и институты. В России этот этап занял в

целом, как представляется, лет 15, а именно с конца 1980-х годов (точнее говоря, с самого начала 1990-х) и до середины первого десятилетия 2000-х годов. Нельзя, конечно, уверенно утверждать, что этот этап был окончательно преодолен и все его проблемы полностью решены. Создание устойчивой научной инфраструктуры за Уралом, например, по-прежнему остается актуальной задачей. Вообще любая инфраструктура (в том числе, разумеется, научная), нуждается в постоянном совершенствовании, изменении, дополнении. Но в целом инфраструктурный этап был достаточно успешно и весьма быстро (по международным меркам) преодолен примерно за 15 лет. Кроме всего прочего, думаем, достигнутый результат свидетельствует о том, что проблема формирования политической науки в то время не только назрела, но и оказалось достаточно много специалистов-энтузиастов, искренне стремившихся решить задачу быстро и качественно. Примеров, подтверждающих это, более чем достаточно — и в Москве, и в Санкт-Петербурге, и в Ростове-на-Дону, и в Саратове.

После решения задач инфраструктурного этапа неизбежно приходится решать не менее (а то и более) сложные задачи создания собственной теоретической базы, формирования научных школ, различных исследовательских центров и т.д. Ранее нами указывалось, что в отличие от естественных и точных наук, которые, несмотря на существование различных национальных научных школ, имеют универсальную международную основу, общественные и гуманитарные науки нуждаются в развитой, национально ориентированной *собственной* теоретической базе. Для этого необходимо много, начиная с ученых теоретиков, способных не только выдвинуть оригинальную концепцию своей научной школы, но и организовать ее реализацию [2].

Не развивая далее эту тему, отметим, что для любой науки, но особенно молодой, к какой относятся и политическая, важно, чтобы развитие было поступательным, непрерывным и устойчиво шло по восходящей линии, хотя в любом деле случаются, разумеется, и спады, и подъемы, а также кризисы, которые желательно минимизировать. Такой спад или даже кризис современная российская политическая наука, по нашему твердому убеждению, как и вся российская наука, переживает в последние полтора-два года. Однако задача любого аналитика видится не только в том, чтобы, условно говоря, диагностировать болезнь и определить ее причины, но и предложить рецепт и методику ее лечения.

Обобщая содержание данного тезиса, подчеркнем, что за 25 лет политическая наука в России добилась немало, и прежде всего это связано с ее инфраструктурой. Но то, что еще предстоит сделать, значительно сложнее и важнее. Речь идет о формировании национальной теоретической базы, для чего потребуются научные центры и школы, теоретики с оригинальными концепциями и т.п. Кроме того, предстоит продолжить заниматься инфраструктурой, как новой, так и воссозданием того, что было разрушено в последние годы и что не привело нас к цели, а, наоборот, сильно затормозило и даже отбросило назад.

Чтобы аргументированно ответить на последний из поставленных вопросов, необходимо сначала определиться в том, верно ли проводится реформа

научной сферы, о которой говорилось в первом тезисе. На наш взгляд, эта реформа и концептуально, и организационно осуществляется неверно.

По первому, *концептуальному, аспекту* необходимо отметить следующее: научная сфера — особая сфера. Переходя из сферы образования в сферу науки, человек должен и почувствовать и понять, что в новой области он призван систематически заниматься приращением знания. Наиболее значимое из этого приращения, достойное передачи следующему поколению и изучения в сфере образования, выявленное и отфильтрованное временем, находит отражение в учебниках, изучается, запоминается и, таким образом, превращается не только в базу знаний человека, но и в определенной мере в его мировоззрение, то есть в систему его жизненных координат. Из этого вытекает исключительное значение всего нового, что генерирует наука. Не каждому дано создавать такое новое. Иначе говоря, каждый способен учиться, но не каждый способен создавать значимое новое знание. Оставаясь в сфере образования, пусть даже на третьей ступени, человек может и не почувствовать, что перешел в новую жизненно важную сферу деятельности, в которой он должен генерировать новое знание. Именно поэтому перевод аспирантуры из сферы науки в сферу образования, несмотря на тесную связь между этими сферами, — принципиальная концептуальная ошибка. Именно поэтому не каждому следует включать зеленый свет для поступления в аспирантуру, а только тем, кто уже проявил способность заниматься научной деятельностью. Поэтому реформу в сфере науки следовало бы начать именно с этого, а также с создания нормальных условий (прежде всего финансовых) для занятия в аспирантуре. Требовать от вынужденного работать аспиранта, чтобы он все делал в срок, по меньшей мере нереально.

Что касается ошибочности *организационной* стороны реформы науки, то состоит она, на наш взгляд, в разделе на РАН и ФАНО. Организаторы этого размежевания руководствовались тем, что ученые должны заниматься научными исследованиями и не «заморачиваться» при этом всевозможными материальными и финансовыми вопросами, которыми должна заниматься ФАНО. С нашей точки зрения, это усложнит, а поэтому и затормозит развитие науки. Время покажет, кто прав.

Сегодня политическая наука, так же как и все другие, оказалась в сложном положении. Резкое сокращение числа диссоветов (примерно в три раза) поставило многих соискателей и кандидатских, и докторских степеней в затруднительное положение. Не случайно поэтому число защитивших кандидатские и докторские диссертации сократилось очень резко. Если, например, в 2007 г. кандидатская степень была присуждена 386 соискателям, а докторская 41, то в 2011 г. соответственно 285 и 43, а в 2014 г. — 83 и 18. Вопрос стоит: оправдано ли такое резкое сокращение и научной инфраструктуры, и числа защищающихся? Особенно болезненно этот процесс отзывается на регионах, где точки роста либо заморожены, либо сильно подморожены. В совокупности с тем, что делается в сфере политологического образования, это производит не только эффект застоя, но и во многих случаях ситуацию отката. Данное состояние можно, на наш взгляд, охарактеризовать как политологическую

стагфляцию. Выбираться из этой ситуации, восстанавливать разрушенное придется долго и не без потерь. Некоторый оптимизм вселяет то, что созданные за прошедшие годы точки роста уже достаточно окрепли, пустили корни и дали плоды. Фактически появилось новое, молодое поколение политологов, которое, стоит надеяться, достаточно подготовлено, профессионально и активно, чтобы развивать созданную базу.

Библиографический список

1. Лечение РАН: Владимир Фортов дал эксклюзивное интервью // Российская газета. 2015. 23 марта.
2. Пляйс Я.А. Политология в контексте переходной эпохи в России. М., 2009.

A.I. Soloviev

**Russian Political Science
in the Modern Context:
Subjective Notes**

The period of modern evolution of the home political science is evaluated. The author proves that, despite the problems of institutionalization and internal restructuring, the Russian science of politics has proved its viability and has prospects for its further development.

Key words and word-combinations: political science, institutionalization, home science, contemporary condition.

Оценивается период современной эволюции отечественной политологии. Автором доказывается, что, несмотря на проблемы институализации и внутренней перестройки, российская наука о политике доказала свою жизнеспособность и имеет перспективы дальнейшего развития.

Ключевые слова и словосочетания: политология, институализация, отечественная наука, современное состояние

УДК 32.001(470)

ББК 66.0(2Рос)

А.И. Соловьев

РОССИЙСКАЯ ПОЛИТОЛОГИЯ В СОВРЕМЕННОМ КОНТЕКСТЕ: СУБЪЕКТИВНЫЕ ЗАМЕТКИ

Хорошо известно, что свой исторический «старт» российская политология приняла чуть позже своих европейских соседей. Впрочем, она смогла быстро и органично встроиться в этот интеллектуальный мейнстрим, доказав свою состоятельность и способность к зрелому научно-теоретическому взгляду на современную действительность. Ретроспективно оценивая небольшой по историческим меркам период ее современной эволюции, можно утверждать, что отечественная политология всегда стремилась отвечать на вызовы времени. На разных этапах это получалось по-разному, но упрекнуть российских политологов в застойности мышления невозможно.

Представляется, что, несмотря на проблемы институализации и внутренней перестройки многочисленных отрядов «марксистов-ленинцев», российская наука о политике все-таки состоялась и доказала свою жизнеспособность. Однако даже короткая фаза ее постсоветской истории показала отнюдь не линейную траекторию эволюции, сопряженную с трансформацией школ и направлений, стилей и методов исследований, с достижениями и неудачами. За сравнительно короткий срок в стране появились авторитетные университетские центры, осуществлены многочисленные исследовательские проекты, в ряде регионов возникли точки роста, формирующие вокруг себя сообщества молодых ученых. Конечно, нельзя не признать, что, по замечанию А.Ю. Мельвиля, таких политологических «бургорков» и «возвышенностей» на ее интеллектуальном ландшафте по мировым меркам все еще немного. Но видимо, трудно требовать большего от страны, где профессиональных политологов начали готовить всего лишь полтора десятилетия назад. Нельзя не признать и того, что развитие отечественной политической науки все еще демонстрирует догоняющий тип эволюции. По меткому выражению А.Д. Богатурова, сегодня еще не закончился «этап переводчиков», то есть тот период развития науки, когда большинство российских ученых основывают свои исследования на доступных для перевода (или переведенных) фрагментах теоретического наследия Запада (что не исключает механической, а временами и догматической интерпретации классического наследия).

Впрочем, в этой констатации современного этапа развития науки не должно быть ничего обидного для российских политологов, если вспомнить не только социально-политические условия, в которых наука поднималась и обретала свои институциональные очертания, но и современные обстоятельства развития научного знания. Ведь независимо от желания или реальных способностей ученых тематическое разнообразие и характер развития политической науки напрямую зависят и от позиции властей (усматривающих в политологии не столько экспертный потенциал, сколько инструмент легитимации), и от контактов с мировым профессиональным сообществом, и от качества той части образованного класса, которая практикует эту разновидность научной рефлексии. Понятно также, что и с чисто хронологических позиций на протяжении двух поколений невозможно освоить все современные методы изучения мира политики, которые на протяжении столетий складывались в лоне мировой науки. В связи с этим можно констатировать, что наряду с несомненными достижениями в области институализации политической науки (профессиональной подготовкой политологов в высшей школе, интенсификацией публикационной активности политологов, расширением контактов с зарубежными школами, деятельностью профессиональных ассоциаций и т.д.) здесь все еще сохраняется множество проблем. Взять хотя бы повальное сокращение в вузах преподавания политологии; сохранение униженного для университетского образования уровня профессиональной мобильности ученых; упразднение единственного академического института сравнительной политологии; стремительное сокращение численности диссертационных советов по политологии и т.д. Одним словом, такая ситуация показывает, что институциональная среда развития политологии в стране крайне слабо коррелирует с возможностями ее развития.

Развитие научного знания обладает и собственной, достаточно автономной (в том числе и независимой от институциональной среды) логикой эволюции. В конечном счете науку делают ее носители — ученые, теоретики, подвижники и популяризаторы знания. В этом смысле у российской политологии огромный потенциал. Однако следует признать, что отечественная наука все еще страдает многими «детскими болезнями», свойственными не вполне зрелым отраслям знания. В связи с этим представляется необходимым коротко остановиться на проблемах, касающихся не тематических, а содержательных аспектов эволюции науки о политике и влияющих на ее когнитивный профиль и эпистемологические основания, включая вопросы, которые относятся к носителям научного знания, то есть представителям образованного класса, вовлеченным в изучение политики.

На наш взгляд, следует прежде всего оттолкнуться от констатации того фундаментального факта, что отечественная политическая наука является формой национальной саморефлексии и инструментом объяснения социальных, властно значимых процессов. Ее практические источники заключены в особенностях функционально-ролевого поведения россиян, специфике массового смыслонаделения политических явлений, взаимосвязях сообщества граждан с властью и его взаимоотношениях с государственными институтами. Не требует особых доказательств то, что промежуточным идейным мостиком между национальным политическим менталитетом россиян (а также формами их активности в сфере государственной власти) и корпусом научных знаний является отечественная политическая мысль. Именно в этом интеллектуальном потоке первоначально выкристаллизовываются представления, влияющие на осмысление предельных аксиологических, онтологических и гносеологических оснований политики как формы особой деятельности [1, с. 20], что, в свою очередь, способствует выработке методологических позиций при ее интерпретации, а также когнитивных оснований, влияющих на отношение политологии к юриспруденции, административным и организационным наукам, философии, этике, антропологии, праксеологии, а также ряду других дисциплин.

Истоки идейного толка политической мысли России теряются в глубине веков. Однако очевидно, что временем консолидации политических представлений российских мыслителей стал XIX в., произведший буквально «взрыв» в духовной жизни общества и создавший неисчерпаемый интеллектуальный фундамент для дальнейшего развития науки о политике. Эта колыбель российской политологии, синтезируя утопии и протонаучные представления, теорию и эвристику, связала политическое знание с еще более широким полем гуманитаристики, обогащающей ее догадки и прозрения, но и подвергающей рискам беспредметного умозрения, жертвующего строгостью разума и какими-либо доказательствами.

Ретроспективный взгляд на политическую мысль России позволяет увидеть в ней явные историософские начала, общинные чувства, склонность к морализаторству, ориентацию на будущее устройство человечества (и даже «всего космоса»), постоянное недовольство сложившимся положением дел и высокую ответственность за все несовершенства жизни. Свойственные русским мыслителям восторженные поиски социальной гармонии и гносеологический оптимизм всегда сочетались с болезненными переживаниями будущего, пес-

симистической саморефлексией и даже иррационализмом. Практически через все стадии становления политической мысли прошли и извечные расколы отечественной культуры на два «враждебных склада жизни» (В.О. Ключевский): противостояние европеизированного и старомосковского стилей жизни, идей западников и славянофилов, этических коллизий свободы и справедливости, плюрализма и единоначалия, власти и подвластности, а в политическом плане еще и противостояние «красных» и «белых» или в целом «наших» и «не наших». Заложенные в этих максимах социальная и интеллектуальная энергия, креативность философического порыва передавались и передаются всем последующим поколениям политических мыслителей, ученых и интеллектуалов.

По сути, все эти корневые, ментальные и даже архетипические установки существенно повлияли на специфику *национального видения политики*, придав русской политической мысли несомненную оригинальность и показав способность отечественных ученых создавать образы политики, как выразился Ю.С. Пивоваров, «без чрезмерного подражательства и ученичества» [2] (и даже история российского марксизма по-своему подкрепляет эту тенденцию). Глубокая связь основных потоков политической мысли с отечественным менталитетом непременно сказывается и на характере многих современных исследований, на ценностных предпочтениях ученых, их интерпретационных картинах мира политики. Однако эти интеллектуальные цепочки, соединяющие прошлое и настоящее, сегодня имеют явно неоднозначные последствия. С одной стороны, неизбывность традиций философической политической рефлексии обуславливает повышенную чуткость к национальным формам политической активности, ментальным основаниям функционирования институциональных структур, особенностям позиционирования власти и взаимоотношений государства и гражданского населения. Не случайно многие теоретические модели — и в прошлом, и в настоящем — постоянно воспроизводят классические художественные образы, философско-религиозные искания, утопии и мифы, холистские и упаднические настроения, а также иные экзотические интеллектуальные построения, которые усложняют видение политической реальности, но в большинстве своем остаются в рамках рациональной формы познания. С другой стороны, внутренняя установка на воспроизводство особого типа политической рефлексии, традиций и специфики Российского государства провоцирует множественные aberrации научного знания, прежде всего связанные с желанием привести власть в государстве к «должной» моральной норме, кардинальным образом исправить общественную (политическую) систему и в особенности утвердить специфический путь исторического развития России.

В результате такого **искажения гносеологических оснований анализа** многие современные теоретики переполняют свои работы мессионерскими и имперскими проектами, демонстрируют рецидивирующую склонность к идеализации и сакрализации неконвенциональных политических практик, формулируют непререкаемые политические аксиомы, гиперболизирующие «особый» (третий) путь отечественного развития и обосновывающие готовность Российского государства преподавать «уроки» остальному миру. В русле таких установок **идеологически продвинутые «политологи» стремятся превратить признание «цивилизационных кодов» отечественного развития в признак полити-**

ческой благонадежности ученых, а «евразийскую» школу в единственный и непререкаемый идеал научного знания. Впрочем, их идейные оппоненты столь же напористо предлагают модели, исполненные в жанре остро критического и часто нерационального отношения к власти. В свою очередь, идейный синтез идеологических противников нередко проявляется в интенсивном развитии криптологических и конспирологических моделей, уже успевших завести себе «классических» представителей в российском дискурсе.

Уже упоминавшаяся интерференция общественного сознания и культурный раскол общества провоцируют ожесточенность теоретического дискурса, жесткое противостояние сторонников одних позиций (с их желанием «давить и не пущать») и их оппонентов (не скрывающих своей приверженности к «революции» и «пугачевскому бунту»). В практическом измерении все это подпитывает в идейной среде неизживаемые традиции большевизма с его максимами — «прежде, чем объединяться, надо размежеваться» — или требованиями поражения «своего правительства» в тех или иных конфликтах. Приходится признавать и то, что жесткость теоретического соперничества непременно ведет к выходу оппонирования за академические рамки, к перманентному использованию уловок и лжи, наветов на конкурентов и прочих инструментов околонучного дискурса. Все это свидетельствует о самом массовом и зловредном для отечественной науки заболевании, а именно — о ее идеологизации.

Строго говоря, в основе этой интеллектуальной деформации лежит *трансформация* естественного для политического знания *вербального (оценочного) компонента* в источник одностороннего профилирования суждений и представлений (что невольное или намеренно искажает результаты отражения мира политики). Другими словами (даже если мы возьмем традиционные физикалистские модели), вместо соотнесения объективных диспозиций общественных сил и оценки их властно значимых интересов (стратегий, ресурсов, а также связанных с ними мотивационных, ориентационных и аффективных компонентов, действующих в определенной внутренней и внешней среде) сторонниками околонучных дискуссий предлагаются теоретические схемы и доводы, заранее отдающие приоритет определенным политическим игрокам и их позициям.

Понятно, что идеологические подходы и настроения не только подрывают достижение — даже не консенсуса, а — сугубо теоретической конвенции по определенным вопросам политического развития общества. И это неудивительно, ибо сторонники таких подходов пытаются защищать те или иные *позиции*, а не искать *истину*. Поэтому **пафос противостояния врагам и противникам рассматривается как органический признак профессиональной деятельности ученого**, предполагающий неприятие и отчуждение неприемлемых (любых других) взглядов оппонентов. Не случайно в тогу политологов рядятся сегодня и пропагандисты, и чиновники, и карьеристы, и откровенные проходимцы, и даже религиозные проповедники, которые, втаптывая в грязь своих оппонентов, одновременно выступают в качестве экспертов, «знающих» подлинные пути достижения верных результатов. Представляется, что глубинная причина такого положения — в травматическом характере *профессиональной идентичности политологов*, многие из кото-

рых до сих пор искренне считают себя «проводниками линии партии» («патриотами», «защитниками правого дела» и т.п.), обязанными сражаться «на баррикадах», защищая подлинную — свою! — правду от «ревизионистов», «оппортунистов», «внутренних иммигрантов», врагов «народного сознания», «национал-предателей» и прочей «нечисти».

Помимо существенных деформаций научного знания, идеологизм (и политическая пропаганда как ее важнейший инструмент) как профиль политического знания существенно влияет и на *качества* многих своих носителей. С прискорбием приходится констатировать, что **этот мыслительный стиль усиливает весьма характерный для отечественного менталитета сервиллизм, угодничество, готовность исследователей политики «обслуживать» любые проекты властей предержащих**, несмотря на их направленность и содержание. В такой атмосфере процветают зависть и недоброжелательство, заставляющие даже усматривать в персональных достижениях или показателях научной активности оппонентов «происки Запада». **К сожалению, можно видеть, как сегодня в ряде вузов целые кафедры отдаются на откуп представителям сервилно-идеологического знания, профанирующих учебный процесс и превращающих академические штудии в элементарную политинформацию.** Ну а тематическим подкреплением такой тенденции можно считать и организацию «просветительских» визитов штатных «патриотов» в высшие учебные заведения.

Нередко нынешние политические интеллектуалы забывают, что задача науки состоит в объективной оценке происходящего, демонстрации интересов и позиций конкурентов за власть независимо от того, нравятся это властям предержащим или же нет. Ведь не боялся же (в жесткие советские времена) профессор А.М. Емельянов ставить вопрос о голоде в СССР, академик Ю.С. Пивоваров (будучи аспирантом) — открыто критиковать брежневский режим, профессор А.С. Панарин — бескомпромиссно отстаивать идеалы свободы. К сожалению, в наше время ученых, стремящихся открыто и корректно говорить о политических проблемах общества, становится все меньше и меньше... Вместе с тем **подлинной вершиной, олицетворяющей идеологизацию научного знания, по праву можно считать деятельность «теле-политологов»,** не брезгующих ни манипулированием, ни дезинформацией (ни элементарной саморекламой). Печально также, что, помимо вымысливания собственно научных подходов из своих политических «истин», эти теоретики в немалой степени способствуют разжиганию напряженности в общественном мнении, снижая тем самым возможности консолидации государства и общества. Одним словом, под давлением идеологии пока еще слабо защищенная от таких наскоков политическая наука (и ее представители) смещается в некую приграничную интеллектуальную зону, подчас торпедирующую даже здравый смысл.

Свое — и тоже отрицательное — влияние оказывает на политическую науку и технократическое мышление. Здесь мы сталкиваемся с той же, по сути, ситуацией: возможность использования количественного инструментария для адекватной оценки ряда политических процессов

превращается в *универсальный* способ отображения и прогнозирования политики. В этом смысле средства урегулирования любого конфликта и даже путь к «светлому будущему», по мнению приверженцев этого подхода, зависит только от найденного и оцифрованного алгоритма действий, качества применяемой аппаратуры, технической оснащенности кадров. Таким образом, к примеру, сложнейшая кооперация действий различных игроков при выработке государственной политики сводится к примитивным шаблонам нормативно регламентированного процесса, оставляя тем самым смысл и загадку этого сложного явления на обочине здравого смысла. И как бы это ни было печальным, но такой примитивизм тоже имеет своих адептов, причем обладающих определенным влиянием на интеллектуальную атмосферу.

Следует отметить еще один особый источник, травмирующий тело политической науки, в качестве которого выступает гражданский дискурс, **предлагающий бытовые версии политики и — при помощи массмедиа — утверждающий вместо аналитических подходов принципы бытования, не заинтересованного в поиске истины.** В результате в научном дискурсе формируется целый конгломерат «пустых» понятий, категорий с неопределенным содержанием, многозначных и противоречивых терминов, то есть тех интеллектуальных фейков, которые мистифицируют и разлагают научное знание.

Под давлением всех этих факторов отечественная наука постоянно воспроизводит некую сумеречную зону интеллектуальных контактов с идеологическими и бытовыми мыслительными конструкциями, с трудом сохраняя свое академическое ядро. **Одновременно такая ситуация порождает и очаги местечковой политологии (не имеющей никакого отношения к территориальному расположению),** демонстрирующей незнание научных положений и проповедующей самодельность как принцип развития интерперсонального знания. В этом контексте в стране складываются даже **«гнезда позора»**, аттестующие принципиальный поворот некоторых структур и фигур к откровенной пропаганде.

Итак, российская наука сегодня — это не только и не столько разнообразие школ, университетских и академических центров, демонстрирующих разные скорости развития политической науки, но во многом и набор тех академических конструкций, которые отчаянно борются с враждебными для нее пропагандистско-идеологическими и мифологическими идеями, противостоя давлению обыденности и пытаясь сохранить свои академические очертания. Даже признавая, что пока социальные инвестиции политологии — и в общественное сознание, и в систему государственного проектирования — весьма и весьма ограничены, можно утверждать, что приток в науку молодых квалифицированных ученых сохраняет надежду на позитивные перспективы и неуклонное развитие науки о политике.

Библиографический список

1. *Миронова Д.* Политическая философия. М., 2014.
2. *Пивоваров Ю.С.* Русская политическая мысль как предпосылка русской политической науки // Политическая наука. 2011. № 3. С. 50–63.

A.A. Vilkov

**Practice of Teaching Political Science
in a Higher Education Institution:
Problems and Prospects**

Topical problems of teaching political science in higher education institutions are considered. Suggestions on modifying political science curricula for all faculties for purposes of its applicative functionality are contributed.

Key words and word-combinations: teaching, political science, higher education institution, academic disciplines.

Рассматриваются современные проблемы преподавания политологии в вузах. Вносятся предложения по изменению программ учебной дисциплины политологии для всех факультетов с точки зрения ее прикладной функциональности.

Ключевые слова и словосочетания: преподавание, политология, вуз, учебные дисциплины.

УДК 378
ББК 74.58

А.А. Вилков

**ПРАКТИКА ПРЕПОДАВАНИЯ
ПОЛИТОЛОГИИ В ВУЗЕ:
ПРОБЛЕМЫ
И ПЕРСПЕКТИВЫ**

Современная российская политология как наука и учебная дисциплина насчитывает два с половиной десятилетия своего существования. Возникла она в период радикальной смены одного общественно-политического строя на другой, поэтому неизбежно несла на себе определенные «родимые пятна» переходного периода, которые были результатом инерционного воздействия советского обществоведения, с накопленными марксистско-ленинскими теоретико-методологическими традициями изучения сферы политики. При этом зарождение политологии неизбежно сопровождалось заимствованиями основ американской и западноевропейской политологии, чему способствовала официальная установка российских либеральных реформаторов, открыто заявивших об использовании западноевропейской модели демократии в развитии России после разрушения СССР. Для ее воплощения нужны были радикальные изменения в системе политической социализации, в том числе и в рамках вузовского образования. Кроме того, важно учитывать, что каких-либо других наработок преподавания политологии в тот период просто не существовало.

В таких условиях учебная литература по политологии представляла собой различные варианты изложения теорий Д. Истона, Т. Парсонса, Г. Алмонда и других американских (в меньшей степени западноевро-

пейских) политологов и социологов. Теории демократии, политических режимов, политических систем, гражданского общества, политической культуры, партийных систем, политической модернизации, политического транзита и другие кочевали из одного учебника в другой в аксиоматическом изложении данных непреложных «классиков».

Однако уже в 1990-е годы обнаружилось, что многие «классические» теории и модели, перенесенные на российскую почву, дают совершенно иные результаты, чем те, которые прописывались и обосновывались в учебниках. Ценности либеральной демократии, политические права и свободы, которые должны были привести к раскрепощению инициативы российских граждан и соответствующему экономическому и социальному подъему, на практике привели к резкому падению производства, к деиндустриализации страны, к превращению ее в сырьевой придаток западных стран, к формированию олигархической компрадорской элиты, не имеющей национальных интересов, к существенному снижению уровня жизни большинства российского населения.

Теории заимствованной модели политической модернизации и транзита стали предметом длительных дискуссий, главный смысл которых сводился к поиску ответов на важнейшие вопросы: то ли реформаторы в стране плохие, то ли модели не соответствуют российским реалиям, то ли Россия не соответствует реформаторским замыслам в силу своей неустранимой самобытности? Сторонники либеральной модели изобретали различные понятия для объяснения неудач ее воплощения («абортивная модернизация»; эффект «колеи»; «маятник» реформ — контрреформ). Тем не менее постепенно в политической науке стало утверждаться понимание необходимости самостоятельного анализа происходящих в России процессов на основе соответствия их внутренним интересам и потребностям, а не на основе формального соответствия западноевропейским теориям и моделям. Появилось большое количество работ, авторы которых исследовали различные аспекты политической и социально-экономической жизни постсоветской России в контексте общемировых тенденций, но имеющих собственную логику, внутренние движущие силы, свои мотивы и интересы.

Однако данная положительная тенденция в отечественной политической науке не в полной мере отразилась на состоянии российских учебников по политологии. Их структура и содержание продолжают нацеливать на изучение основ американской и западноевропейской политологии, хотя и с более или менее развернутыми дополнениями в виде интерпретации данных теорий на основе их соотнесения с российской действительностью.

Как представляется, такое изучение не способствует полноценному пониманию студентами (прежде всего неполоитологических специальностей) социальной значимости изложенных в учебниках теоретических постулатов. Это особенно опасно с учетом общей ситуации преподавания политологии в современном вузе. С 2000-го года по приказу Министерства образования и науки политология в вузах преподается фактически как факультативная дисциплина. Это означает, что на нее отводится 72 часа (2 зач. ед.), из которых, как минимум, половина отводится на самостоятельную работу, а вторая половина — на аудиторные занятия (чаще всего лекционные на больших потоках), что

составляет 9 лекций и 9 семинарских занятий. На значительной части негуманитарных специальностей политология не преподается вообще, и студенты не мотивированы на знание политической системы современной России, понимание смысла своего участия в политической жизни и реализацию своих политических прав и возможностей.

Но и те, кто изучают политологию, делают это в рамках сформулированных в начале 1990-х годов программ, действующих по сей день, на основе существующих учебников, в которых доминирует изложение теоретических концепций М. Вебера, Д. Истона, Т. Парсонса, Г. Алмонда, М. Дюверже, Р. Даля, Р. Арона и т.д. Лишь 15–20% материала посвящены политической системе России и особенностям ее развития. В соответствии с программами распределяется лекционный материал и темы семинарских занятий. В связи с этим объективно возникают определенные проблемы функциональности данной учебной дисциплины: формальное заучивание материала; недостаточный воспитательный эффект; отсутствие прикладной мотивации изучения; отсутствие осмысленного интереса; слабые стимулы самостоятельного расширения знаний о политике.

Например, студенты вряд ли осознают, в чем состоит практический смысл изучения по учебнику теории Д. Истона, в соответствии с которой политическая система представляет собой «черный ящик» с сигналами на входе и выходе? Или в чем состоит смысл изучения теории партий М. Дюверже, особенно если в том же учебнике оговаривается, что открытые им закономерности взаимозависимости партийной и избирательной систем в России не действуют, так как зависят от совокупности иных факторов? Или в том, что они узнают, что классификация политических культур и политических систем, предложенная Г. Алмондом, имеет в России иную, гораздо более сложную конфигурацию? Такая перенасыщенность учебников неактуализированными западноевропейскими теориями не позволяет реализовать заложенный в политологии мощный потенциал возможностей учебной дисциплины по формированию общекультурных компетенций и воспитанию активной гражданской позиции у выпускников вуза, независимо от профиля их подготовки и специальности.

В сложившейся ситуации своя доля ответственности лежит на каждом участнике образовательного процесса: руководстве Министерства образования и науки РФ, разработчиках стандартов, УМО, авторах учебников, преподавателях. Понимая ситуацию, наиболее инициативные преподаватели отходят от программ и учебников и дают вопросы и практические задания о реальных особенностях российской политической жизни, которые вызывают интерес и осмысленное отношение студентов. Тем не менее, как представляется, незрели предпосылки для изменения подхода и к содержанию учебников, и к преподаванию политологии на всех факультетах высших учебных заведений в целом. Этот момент обусловлен не столько конъюнктурой обострения международной ситуации (хотя и этот фактор необходимо учитывать), сколько теоретико-методологическим заделом отечественной политологии, накопленным на основе российских источников с учетом российской специфики.

На совещании заведующих кафедрами политических наук ведущих российских вузов в декабре 2013 г., в котором приняли участие руководители

Администрации Президента РФ, депутаты Государственной Думы РФ, представители общественных организаций и российских аналитических центров, журналисты, обсуждалась особая актуальность патриотического воспитания молодежи. Все сошлись на том, что важнейшая задача каждого вуза состоит не только в том, чтобы готовить грамотных специалистов для различных отраслей и сфер жизнедеятельности современной России, но и в том, чтобы формировать у студентов активную гражданскую позицию, воспитывать патриотов, осознающих свою ответственность за современное состояние страны и за ее будущее. Предполагаем целесообразным принятие госстандарта по политологии в качестве обязательной дисциплины для преподавания на всех факультетах высших учебных заведений.

Суть данного предложения — радикально изменить программу учебной дисциплины для всех факультетов с точки зрения ее прикладной функциональности:

- минимизировать теорию (особенно для негуманитарных специальностей);
- заменить ее конкретными темами о политической системе современной России, ее основных институтах и механизмах;
- в обязательном порядке ввести темы о политическом устройстве региона.

В этом случае переориентация с теоретического на фактический материал позволит студентам (без увеличения учебной нагрузки в целом) узнать и усвоить конкретные особенности политического устройства и функционирования основных механизмов и институтов своей страны и родного региона. Это создает мотивационное преимущество в виде осознания практического смысла изучения политологии.

Кроме того, такая программа позволит более результативно использовать уже имеющиеся у каждого преподавателя политологии достаточно широкие методические и содержательные возможности для активизации интереса к данной дисциплине и повышения ее воспитательной эффективности. Применение традиционных и инновационных методик проведения деловых и ролевых игр, дискуссий, мозговых штурмов на федеральном и местном материале неизбежно вызовет интерес и повысит уровень самостоятельности студентов в поиске, отборе необходимых сведений и источников и их использовании на занятиях.

Хотя поиск новых методов всегда целесообразен, но весьма результативным с точки зрения повышения интереса к политике и политологии является использование традиционных форм обучения: выездных занятий (экскурсий) на заседания городской и областной Думы, Общественной палаты, на гражданские форумы, другие переговорные и дискуссионные площадки. Востребованы также и практические занятия с участием бывших и действующих политиков, региональных партийных лидеров, политических обозревателей. Каждая из этих форм проведения занятий требует особой подготовки и своего методического обеспечения, но главное — вызвать интерес к предмету за счет прикосновения к политике на основе живого общения с ее представителями.

Абсолютное большинство современных студентов имеет свободный доступ к интернет-ресурсам и интернет-коммуникациям. Это обстоятельство важно учитывать при формировании списка используемой литературы и источников

для подготовки к семинарским занятиям и сдаче зачета (или экзамена) по курсу в целом. Кроме того, специфику интернет-ресурсов нужно учитывать и для методического обеспечения различных индивидуальных и групповых заданий. Например, традиционные контрольные работы, доклады и рефераты, выполнение которых было резонно, когда студенты писали их в библиотеках на основе реферирования печатных публикаций, казалось бы, полностью утратили смысл в современных условиях (с учетом того, что через Интернет за несколько минут можно скачать реферат на любую тему). Однако прежнюю форму самостоятельной студенческой работы можно возразить за счет наполнения ее новым смыслом. Например, давать задания о подборе политических биографий региональных политиков в исполнительных, законодательных и судебных органах, партийных лидеров, ведущих журналистов политического жанра. Другой вариант — дать задание составить характеристику ведущим СМИ в регионе, их партийно-идеологической ангажированности или проанализировать информационные возможности официальных сайтов органов власти, институтов гражданского общества, региональных отделений политических партий. В этом случае студенты будут ориентированы на самостоятельную работу по сбору материала, его систематизации и анализу.

Все эти задания можно реализовать в виде сжатых презентаций, в результате чего появляется возможность использовать их в качестве познавательного и воспитательного инструмента для воздействия на всю студенческую группу. Поскольку презентации позволяют сочетать текстовый, графический, фото- и видеоматериал, их подготовка раскрывает творческий потенциал студентов, развивает аналитические способности и умение сжато и системно, ярко и интересно его преподнести. В рамках подготовки презентаций возможно также давать студентам задания по анализу каких-либо важнейших текущих событий политической жизни страны и региона, используя для этого разнообразные интернет-источники: выборы различного уровня, принятие каких-либо региональных программ, различного рода конфликтные ситуации, события на международном уровне и т.д.

Использование студенческих презентаций должно иметь методологическое сопровождение и контроль со стороны преподавателя. Очевидно, что необходимо ввести ограничения по количеству слайдов и продолжительности демонстрации, презентации должны быть грамотно оформлены с точки зрения наличия авторских обобщений, емких и кратких характеристик, выявленных тенденций и прогностики. В слайдах следует разумно сочетать иллюстративные, содержательные, графические и аналитические материалы. Нельзя забывать также об обеспечении визуальной доступности восприятия слайдов.

В совокупности включение рассмотренных направлений повышения интереса к политике и политологии и использование практико-ориентированных форм работы со студентами могут способствовать выработке аналитических навыков и общекультурных и общепрофессиональных компетенций у студентов любых специальностей, воспитанию у них патриотизма и гражданской ответственности. Такой подход позволит избежать формализма в преподавании политологии; вдохнуть новую жизнь в старые формы работы со сту-

дентами; усилит интерес к политике и к политическому участию; принесет практический смысл в изучение дисциплины; сделает возможным показать межпредметные связи политологии с другими дисциплинами различных специальностей, а также будет способствовать выработке аналитических навыков, общекультурных и общепрофессиональных компетенций у студентов любых специальностей, воспитанию у них патриотизма и гражданской ответственности. В этом случае политология имеет шанс отвоевать свое место как обязательная дисциплина для всех студентов, смысл и предназначение которой понятны каждому и не нуждаются в дополнительном разъяснении.

O.N. Fomin

**The Return of the Russian Authority
Ideology into the Framework of the
Traditional Political Culture**

The Russian political space of the post-Soviet period is considered. The content of the contemporary stage of the state ideology formation is analyzed.

Key words and word-combinations: political ideology, political culture, authority, public administration.

Рассматривается российское политическое пространство постсоветского периода. Анализируется содержание современного этапа формирования государственной идеологии.

Ключевые слова и словосочетания: политическая идеология, политическая культура, власть, государственное управление.

УДК 316.75:32

ББК 66.05

О.Н. Фомин

**ВОЗВРАЩЕНИЕ
РОССИЙСКОЙ
ВЛАСТНОЙ ИДЕОЛОГИИ
В РУСЛО ТРАДИЦИОННОЙ
ПОЛИТИЧЕСКОЙ
КУЛЬТУРЫ**

Рассматривая российское политическое пространство постсоветского периода, легко заметить, что происходящие в нем процессы социальных преобразований интерпретируются властью с разных идеологических позиций. Какое общество мы строим? Вопрос о сущности и направленности проводимых реформ не только не снимается с повестки дня представителей политического класса и ученых, но и остается в зоне внимания большинства населения и властвующей элиты. Чьи интересы выражает идеология? Очевидно, что хотя любая идеология апеллирует к поддержке широких масс, но создается она в первую очередь в интересах правящего класса. По определению Ф. Энгельса, «мысли господству-

ющего класса являются в каждую эпоху господствующими мыслями» [1, с. 45]. Безусловно, чем в большей мере эти мысли совпадают или сближаются с мыслями и чаяниями народа, тем меньше оснований для противоречий и взаимного недовольства, тогда как их расхождение порождает нестабильность социума и взаиморастущие претензии. Поэтому можно предположить, что в пространстве власти вопросы идеологического сближения с народом являются одним из центров внимания. Об этом свидетельствуют меняющиеся идеологические ориентиры и пояснения, показывающие намерения власти и предупреждающие о новом направлении политического развития и механизмах его обеспечения. Следовательно, «пространство власти — своеобразная сфера, где принимаются управленческие решения и осуществляется непосредственное руководство государством. Это специфическая область взаимодействия как отдельных личностей, так и целых корпоративных групп или системных институтов; некий ареал, в пределах которого справедливо утверждение: “Власть вершится здесь”» [2, с. 7].

За последние 30 лет, то есть в течение одного поколения, общество пережило смену трех «больших идеологий»: социализма, либерализма и консерватизма. Начало великих перемен связано с избранием М.С. Горбачева Генеральным секретарем ЦК КПСС в марте 1985 г. Как известно, еще при его предшественнике Ю.В. Андропове были разработаны реформы по оптимизации функционирования советского социалистического общества. Именно их инициировал М.С. Горбачев в 1986–1991 гг. На Пленуме ЦК КПСС 23 апреля 1985 г. он предложил меры, целью которых было добиться «ускорения социально-экономического развития страны». Эти меры касались только экономики, носили в основном административный характер и не затрагивали существа «развитого социализма».

В проблемном поле данной статьи интерес представляет идеологический результат этих реформ, а он заключается в том, что в марте 1990 г. на III внеочередном Съезде народных депутатов СССР была отменена ст. 6 Конституции СССР. Это означало, что КПСС перестала быть «руководящей и направляющей силой» в обществе. В декабре 1991 г., после подписания Беловежского соглашения о прекращении существования СССР, М.С. Горбачев сложил с себя полномочия Президента СССР. Так окончилась не просто политическая карьера последнего Генерального секретаря ЦК КПСС, но и судьба великого государства — Советского Союза и официальная гегемония социалистической идеологии.

Новая страна во главе с первым Президентом РФ Б.Н. Ельциным и новым правительством под председательством Е.Т. Гайдара взяла курс на либерализацию, основополагающими ценностями которой являются свободная рыночная экономика, поощрение и охрана частной собственности, устранение административных барьеров и развитие конкуренции, причем внедрять принципы либерализма в постсоветской России приходилось практически с нуля.

Несмотря на то, что большинство населения страны с воодушевлением встречало зарождение нового времени, перемены в экономике и политической системе, в области политики возникло и в течение 90-х годов не ослабевало идеологическое и организационное противостояние между «либералами»

и «коммунистами». Угроза возвращения коммунистов к власти была вполне реальной. Это определяло специфику и характер российского либерализма того времени, главной чертой которого был антикоммунизм. Знаменательно, что его негативная, открыто агрессивная направленность распространялась не только на область коммунистической идеологии как таковой, но и на ее носителей — реальных людей, сформировавшихся в период ее длительного господства и сохранявших приверженность марксизму. Отношение либералов к этому социальному слою было по существу враждебным — как к чужим, «ненужным» людям. Об этом достаточно красноречиво и откровенно высказывались авторы и инициаторы ельцинских реформ и идейные вдохновители президента. Так, «отец российской демократии» Гавриил Попов советовал, что «реставрацию капитализма лучше всего начать путем повышения цен, сокращения доходов, обесценивания сбережений населения и затем — дележа собственности. Население, как говорил «архитектор перестройки» Александр Яковлев, должно полностью лишиться сбережений и привычных гарантий, тогда оно научится жить и работать так, как ему прикажут. Вот такова идеология» [3].

Реальный ход либеральных реформ, их тяжелые для населения страны результаты сделали для поддержания ностальгии по социализму и сохранению коммунистической идеологии значительно больше, чем либералы могли достичь путем целенаправленной идеологической работы. Тем не менее капиталистические отношения начали активно утверждаться в России, появились собственники средств производства и природных ресурсов. Идеологическая победа либерализма была зафиксирована в Конституции РФ, принятой в 1993 г. В ней были реализованы все принципиальные положения либерально-демократической идеологии: признание частной собственности и ее защита, идея народного суверенитета, доктрина правового социального государства, концепция прав человека, теория разделения властей, принцип политического и идеологического плюрализма и т.д. Но реформы шли значительно труднее, чем, по всей видимости, предполагалось. Разрушение советской экономики не сопровождалось ростом нового капиталистического производства. Вместо этого активизировалась тотальная приватизация государственной собственности и борьба за ее перераспределение. На фоне этого продолжалось разрушение социальных связей, размывание национальной идентичности, все более отчетливо обнаруживалась непредсказуемость верховной власти, угроза распада государства. Кредит доверия народа к власти неумолимо снижался.

Все это усугублялось тяжелым экономическим положением населения. В 2000 г. Росстат опубликовал данные, по которым доходы самых богатых и самых бедных граждан отличались в 13,9 раза. По оценкам ВТО, если доходы бедных и богатых различаются в 14,2 раза, в стране возникает реальная опасность социальных волнений. Под руководством либеральных реформаторов уже в 2003 г. Россия вышла за эту опасную границу. Доходы самых богатых и самых бедных стали отличаться в 14,3 раза. Однако и с этими цифрами согласились не все. Так, по мнению зампреда партии «Яблоко» Сергея Митрохина, они были занижены: при расчетах уровня жизни не были учтены в полной мере расходы на коммунальные услуги, поглощающие большую часть доходов граждан, а также уровень инфляции [4].

Реакция населения на либеральные реформы сказалась на результатах избирательных кампаний. Но проблема усугублялась не только негативными экономическими последствиями реформ для основной массы населения (что, кстати, либералы вынуждены были признать и, как следствие, включить в свою риторику, наряду с правами человека, и социальную справедливость). Следует иметь в виду, что либерализм в России, особенно в общественном сознании, никогда не являлся приоритетным, что объяснялось отсутствием его социальной базы (основы) — среднего класса, вытекающей отсюда бедностью и бесправием большинства населения; сакрализацией верховной власти; постоянными внешними угрозами стране и, следовательно, тому минимальному благополучию, которое сохранялось. Проблема для либералов усугублялась еще и тем, что они полностью стояли на позициях западного либерализма, рассматривали себя как представителей мировой культуры цивилизации и требовали открытости перед западной традицией, культурой, опытом. Здесь они, безусловно, расходились и расходятся во взглядах и с представителями современной российской коммунистической идеологии (все еще сохраняющей определенные позиции в политической системе), видящей во влиянии Запада причину большинства проблем сегодняшней России, и со сторонниками консервативной идеологии, отстаивающими самобытность российского пути развития.

С точки зрения либералов, все рассуждения о патриотизме и государственности — это лишь политические технологии их идейных противников для завоевания популярности у населения, игра на его исторической памяти, на трагедии Великой Отечественной войны или успехах покорения космоса. Заметим, что подобные методы, доведенные западными технологами до уровня манипулирования сознанием масс, первыми начали широко применять именно представители правых сил в своей антикоммунистической пропаганде в 1990-е годы. При этом антикоммунизм на деле эволюционировал в антипатриотизм, что заметно и надолго пошатнуло авторитет российских либералов. Учитывая, что именно патриотизм является важнейшей, фундаментальной основой нравственной жизни россиян, из которой вырастает чувство национального достоинства жителей великой страны, ближайшие перспективы либеральных сил в стране малоперспективны.

Конечно, либеральные идеи не исчезнут: они имеют своих сторонников и апологетов, часть из них уже реализована. Многие либералы руководят бизнес-структурами, работают в органах власти, возглавляют вузы и финансовые организации, контролируют СМИ, информационно-коммуникационные сети и учреждения культуры. Тот факт, что либеральная идеология была вынуждена защищаться и отступать, свидетельствует о растущем расхождении в понимании вектора развития страны между либеральной элитой России и ожиданиями основной массы населения страны. Проблема либеральной элиты состояла и в том, что именно она взяла на себя ответственность за страну в постсоветский период и, как уже указывалось, период этот оказался одним из самых драматичных в современной истории нашей страны. Нынешняя правящая элита, конечно, вправе ставить памятники своим правым лидерам, но у

населения данная идеология все более вызывает отторжение. Так закончилось политическое противостояние коммунистов и либералов в России в последнее тридцатилетие, выпавшее на конец XX и начало XXI в.

В новых условиях правящей элите, если она хотела сохранить властные позиции, пришлось скорректировать свой курс и его идеологическое обоснование. Новый капиталистический класс в политическом пространстве и новая капиталистическая элита в пространстве власти должны были заменить тех, кто выполнил задачу по уничтожению социализма и заложил основы капитализма, тем более что мировой капитализм вступил в цикл мировых кризисов, расшатывающих систему капитализма в целом. Россия перестала быть для западного мира классовым врагом, но не перестала оставаться конкурентом в экономической, социальной, политической, идеологической, информационной сферах. Война за передел мира требовала выработки и утверждения внутри России охранительной идеологии. Эта миссия была возложена на сторонников консерватизма. Однако необходимо отметить, что если идеология современных российских либералов практически мало чем отличается от идеологии их западных единоверцев, то идеология наших консерваторов весьма отличается от западных аналогов.

Не будем глубоко вдаваться в историю российского консерватизма, тем более что его ортодоксальные положения не представляются сегодня актуальными. Правильнее, с нашей точки зрения, рассмотреть те направления, которые в большей мере соответствуют реалиям настоящего времени. Речь идет о либерал-консерватизме и социал-консерватизме в определении А.Г. Дутина [5]. Первые систематизированные идеи об охранительстве и развитии России, означавшие по сути сближение консервативных и либеральных позиций, сформулировал крупнейший философ права конца XIX в. Б.Н. Чичерин. Он оперирует понятием консервативного либерализма, который исходит из того, что «...принцип личной свободы и прав человека в обществе может быть осуществлен лишь при условии ограничения “внутренне” (духовно-нравственно и религиозно) и “внешне” (правом, законом, сильной властью)». Определяя сущность охранительного либерализма, Чичерин подчеркивал, что он «состоит в примирении начала свободы с началом власти и закона. В политической жизни лозунг его: либеральные меры... обеспечивающие права граждан... сильная власть, блюстительница государственного единства... охраняющая порядок, строго надзирающая за исполнением закона... разумная сила, которая сумеет отстоять общественные интересы против напора анархических стихий и против воплей реакционных партий» [6, с. 52, 199–200]. Именно такой тип политических отношений наиболее соответствует традиционной российской ментальности. Эту консервативную черту российского народа очень тонко подметил другой русский ученый — историк и философ Г.П. Федотов. Оценивая итоги революции 1917 г., он отмечал, что русский народ предпочел свободе государственную мощь: «Сознательно или бессознательно он сделал свой выбор между национальным могуществом и свободой» [7].

Современный консерватизм на Западе (неоконсерватизм), актуализированный экономическим кризисом 1970-х годов, ростом протестных движе-

ний молодежи, развитием интернет-технологий, сохраняя свои традиционные ценности в меняющемся мире, предложил их обновленный вариант. Он включает и приверженность рыночному хозяйствованию, и привилегии отдельных групп населения, приоритеты семьи, но при этом предполагает сохранение универсальных нравственных устоев и ценностей, взаимответственность гражданина и государства, крепкое государство и стабильность.

Если либеральная модель отношений государства и человека строилась на полной автономности гражданина, то неоконсерваторы провозглашают взаимответственность за сохранение гармоничных отношений в обществе на основе моральных принципов и закона. Такой подход характерен для европейских неоконсерваторов с их склонностью к сохранению социокультурной среды, активизации человека, усовершенствованию нравственности. Американские неоконсерваторы больше озабочены управляемостью обществом со стороны государства и защитой последнего от «социальных перегрузок». Важно, однако, что в обоих случаях «неоконсерватизм, согласовав рациональное отношение к действительности с моральными принципами, дал людям ясную формулу взаимоотношений между социально ответственным индивидом и политически стабильным государством» [8].

Именно этого ожидало от политического класса разочаровавшееся во власти за время либеральных реформ, уставшее население новой капиталистической России. Покоя, гарантий и надежд требовала страна. Люди ждали этого от государства, от лидера страны. Свою консервативную позицию Президент РФ В.В. Путин изложил в ежегодном Послании Федеральному Собранию 2013 г. «Мы знаем, — сказал он, — что в мире все больше людей, поддерживающих нашу позицию по защите традиционных ценностей, которые тысячелетиями составляли духовную, нравственную основу цивилизации, каждого народа: ценностей традиционной семьи, подлинной человеческой жизни, в том числе и жизни религиозной, жизни не только материальной, но и духовной, ценностей гуманизма и разнообразия мира. Конечно, это консервативная позиция. Но, говоря словами Николая Бердяева, смысл консерватизма не в том, что он препятствует движению вперед и вверх, а в том, что он препятствует движению назад и вниз, к хаотической тьме, возврату к первобытному состоянию» [9].

Определяя свою политику как консервативную, президент исходит из прагматических интересов. Новая страна должна «вырастать» из традиций, культуры и истории, а не конструироваться на крови и жертвах, как это было в ходе коммунистической и либеральной революций. «Так, потери населения за 1992—1997 гг. составили свыше четырех миллионов человек. Общие же демографические потери России с учетом умерших и неродившихся в силу неблагоприятных социальных условий превысили 10 миллионов человек. Для сравнения отмечу, — указал в обвинительной речи 1999 г. В.И. Илюхин, — что за время Гражданской войны (1918—1920 годы) численность населения страны сократилась на 2,8 миллиона человек. К 2005 году население России может уменьшиться еще на 9—10 миллионов человек» [3]. Возможен ли этот путь в рамках консервативной (или ее разновидности — неоконсервативной) идеологии, будет зависеть от умелого сочетания интересов носителя власти [2], элиты и народа.

Элитные группы, приближенные к власти и функционирующие вместе с ней в сфере государственного управления, имеют громадный управленческий опыт и компетентность, что позволяет им в некоторые моменты истории становиться доминирующим фактором в пространстве власти, фактически управляя процессами государственного функционирования. Как указывает В.А. Гуторов, российская бюрократия вместе с членами своих семей составляет сейчас более 30% населения России: «Это самый внушительный слой, у нас нет среднего класса, но у нас есть уже сформировавшаяся региональная и общероссийская бюрократия (я уж не говорю о “новых русских”). Добившись определенных успехов, они становятся самыми примитивными консерваторами только потому, что хотят сохранить тот порядок, который они только что создали» [5]. О стабильности и порядке мечтает и большинство населения нашей страны. Однако эти мечтания не имеют под собой материальной основы. Как пишет П.А. Цыганков, «экономические санкции США и подчиненных им стран против России, попытки вытеснения ее с международных торговых и политических рынков, эскалация военной напряженности вблизи российских границ, искажение истории, дискредитация решающего вклада советского народа в победу над фашизмом во Второй мировой войне, информационная агрессия и нагнетание русофобских настроений в мире через глобальные СМИ представляют собой элементы широкого наступления на нашу страну, важная роль в котором придается инструментализации и самого термина «гибридная война» [10, с. 26]. Снижающийся уровень жизни, порожденный ошибками управления, и коррупцией, и тем, что П.А. Цыганков назвал гибридными войнами, лишает Россию социальной основы для идеологий состоятельных классов: либерализма, консерватизма и социал-демократии. Позволить себе это могут только элиты и средний класс. Именно им нужны соответствующие политические партии для системного конкурирования с властью.

Для остального большинства населения остаются либо вера в вожда, лидера — подлинного носителя власти, отвечающего за свой народ (и это лучшая из альтернатив), либо полная свобода от всего в стиле постмодерна, либо участие во внесистемных ультраправых и ультралевых организациях, либо, и это последнее, виртуальный мир Интернета для онлайн-свободы от офлайн-угроз.

Библиографический список

1. Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. 3.
2. Андреев Д.А., Бордюгов Г.А. Пространство власти от Владимира Святого до Владимира Путина: краткий курс, X–XXI вв. М., 2004.
3. Илюхин В.И. Обвиняется Ельцин: речь главного обвинителя – председателя Комитета по безопасности Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации Виктора Ивановича Илюхина в процедуре конституционного отрешения Президента РФ Б.Н. Ельцина от занимаемой должности в мае 1999 года. URL: <http://pomnimvse.com/396pb.html>
4. Гулютин А. Жить стало веселее: Треть всех денег приходится в России на 10% самых богатых людей, 4 мая 2005 г. URL: <http://www.ural.ru/news/business/2005/05/04/news-48808.html>
5. Современный российский консерватизм (круглый стол) // Журнал ПОЛИТЭКС. URL: <http://www.politex.info/content/view/439/30/>
6. Чичерин Б.Н. Различные виды либерализма // Чичерин Б.Н. Несколько современных вопросов. М., 1862.

7. Федотов Г.П. Россия и свобода // Федотов Г.П. Судьба и грехи России. СПб., 1992. Т. 2. С. 276–303.
8. Афонасова А.В. Либеральный консерватизм в системе идеологий // Вопросы управления / Уральский институт управления – филиал РАНХиГС. URL: <http://vestnik.uapa.ru/ru/issue/2012/01/2/>
9. Путин В.В. Послание Президента Российской Федерации Федеральному Собранию, 12 дек. 2013 г. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/19825>
10. «Гибридные войны» в хаотизирующемся мире XXI в. / под ред. П.А. Цыганкова. М., 2015.

A.I. Demidov

**Discourse Political Practices
as Types of “Mental Action”**

The concept of political discourse is interpreted. The role of political technology in the contemporary social process is considered. Features of the contemporary discourse political practices are analyzed.

Key words and word-combinations: political discourse, discourse political practices, liberalism, conservatism.

Интерпретируется понятие политического дискурса. Рассматривается роль политических технологий в современном общественном процессе. Анализируются характерные черты современных дискурсивных политических практик.

Ключевые слова и словосочетания: политический дискурс, дискурсивные политические практики, либерализм, консерватизм.

УДК 32.01
ББК 66.04

А.И. Демидов

**ДИСКУРСИВНЫЕ
ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРАКТИКИ
КАК ВИДЫ
«МЫСЛЕДЕЙСТВИЯ»**

Понятие «дискурсивная практика» было введено Мишелем Фуко, стремившимся выразить в нем сложность феномена «мысleдeйствия»: зарождения мысли в глубинах сознания и человеческого опыта, вариативность ее перехода в поступок, трансформации в практике и ее же новое движение в виде опыта и его осмысления. Она представляет собой «совокупность анонимных исторических правил, всегда определенных во времени и пространстве, которые установили в данную эпоху и для данного социального, экономического, географического и лингвистического пространства условия выполнения функции высказывания». Она строится на принципе «всего никогда не сказать» [1, с. 118–119]. Дискурсивный анализ активно используется в современном гуманитарном знании, что отражает углубление понимания значения коммуникации в политике и языка как основного содержательного средства ее осуществления.

Термин «дискурс» пришел в политическую науку из лингвистики и философии и, строго говоря, означает «**строй** речи, мышления» (*Suite, assemblage des mots, des phrases qu'on emploie pour exprimer ses idées*) [2, с. 542]. В своей весьма содержательной статье о политическом дискурсе М.В. Ильин, раскрывая этимологию слова «дискурс», обращается к его латинским истокам. Постепенное расширение его значения происходит из-за растущего понимания единства строя мышления, речи как его внешнего выражения (текста) и действия. Решающее влияние на такое направление интерпретации дискурса оказали работы французских структуралистов, и прежде всего М. Фуко, который доказывал, что данное понятие выражает собой нечто более широкое, чем язык, позволяет выразить единство языка и среды, которая его формирует, обуславливая его существование и возможности. По мнению ученого, политический дискурс — это «предзаданный способ мышления», формирующий его моральные границы: степень важности того или иного высказывания; методологические границы, включающие в себя возможные идеи и символы, и границы содержательные: при этом одни тексты и понятия притягиваются в рамочное пространство, другие — исключаются [3, с. 80].

Сущностное качество политического дискурса — *обеспечение коммуникации для реализации власти* — определяет и другие его характеристики:

- доминанту общего интереса, общих проблем в «дискурсивном поле политики», без их обсуждения массового участника в это «поле» вовлечь невозможно;
- принципиальную нерелексивность данного типа дискурса, мышления, он направлен вовне производящего его субъекта, отказывающегося от самоанализа, самооценки в пользу безусловного приоритета практического воплощения;
- безусловное значение результативности инициируемого действия, направленность на обязательное получение желаемого результата, что даже допускает возможность нарушения логики рассуждения (что, скажем, совершенно не допускает дискурс научный);
- влияние ценностной доминанты, несущей в себе элемент субъективности, зависимости от внутреннего мира и настроения действующих в политике людей;
- зависимость его содержания и трактовки от исторического опыта, его уроков.

Политический дискурс представляет собой сложное сочетание мышления, речи как его внешнего выражения и действия как практического воплощения. В нем существует множество аспектов, и акцентировка того или иного из них позволяет как по-разному интерпретировать его в теории, так и, тем более, по-разному воплощаться в действительности политики. Это приводит к формированию и реализации разных типов дискурсивных практик.

Как дискурсивная практика *либерализм* служит интеллектуальным выражением *индивидуализма* как социального качества, исходящего из безусловного признания самоценности и самодостаточности человека. Всякого рода посреднические инстанции в этом процессе (церковь, государство, бюрократия) рассматриваются как нежелательные. Так формируется весьма важное для последующего развития политической теории и практики представление, что человек в политике руководствуется не только божественными заповедями и моральными обязанностями, но и специфическими интересами и пред-

почтениями, возникающими в сфере общения людей. Именно человек выступает носителем упорядоченности и целесообразности, вносящим эти качества в мир. Государство рассматривается в качестве инструмента выполнения той задачи, решение которой раньше относилось к компетенции бога.

В рамках этих методологических установок формируются *основные практические принципы либерализма*:

— *индивидуализм*, видящий основные задачи политики в создании таких общих правил поведения, которые были бы независимы от представлений людей о благе (имея в виду неизбежность их различий), и в учреждении таких институтов в обществе, которые давали бы индивиду максимум возможностей для реализации его собственных планов;

— *признание прав человека как нерасторжимых с его существованием, возможностей реализации его сущностных качеств*, ограничивающих поле государственной ответственности и государственного вмешательства в общественную жизнь;

— выделение в качестве фундаментального для определения конкретного облика политических образований их отношение к признанию в качестве важнейшего для человека *права собственности как основы его индивидуальности и свободы*, выражающим его способность без ограничений распоряжаться тем, что ему принадлежит (а это не только имущество, но прежде всего сама его жизнь и свобода);

— четкое разделение социальной и политической сфер общественной жизни, обоснование *идеи гражданского общества как способности различных общественных отношений существовать и развиваться относительно независимо от государственной власти*, признание роли государства только в качестве посредника в системе регуляции общественных отношений;

— рассмотрение права в качестве основного регулятора общественных отношений; *признание только двух типов равенства людей — равенства их возможностей и равенства перед законом*; принятие идеи, что последовательное соблюдение всех этих принципов возможно в условиях *правового государства*, которое рассматривается в качестве оптимального средства защиты и обеспечения активности и самосохранения человека;

— придание огромного значения утверждению в государстве *системы разделения властей, означающего, что ни одна из действующих в обществе властей не может другой властью использоваться как средство*.

Консервативный дискурс своими корнями уходит во вполне здравые, возникшие еще в древности представления о значимости традиций, постепенности и сохранения уже имеющегося для жизни общества. Если не признавать этого, то никакой ценностью не будут обладать и стремление к переменам и новациям: ведь и они будут рано или поздно отринуты. Хотя настоящей противоположностью консерватизма является нигилизм, он позиционирует себя как контрверсия либерализма и иницируемой им политической практики и ее результатов (последствий). В противоположность либерализму консерватизм исходит из представления об органической природе общества и мироздания, видения мира как сложного агрегата, складывающегося постепенно и

помимо воли человека. Естественный результат такого понимания — последовательное отрицание договорной природы общества и государства.

Принципиально важным для политической практики консерватизма оказывается представление о *несовершенстве, незавершенности, ущербности человека и его разума*. Отсюда делаются основополагающие выводы о неустраняемой ограниченности его возможностей, преодолеваемой только в отдаленной перспективе за счет совокупных усилий всего человечества («индивид глуп, а род мудр»), и необходимости воздержания от радикальных действий по социальным и политическим преобразованиям. Среди традиционно приводимых в подтверждение этого аргументов выделяют следующие:

- несовершенный человек не может создать совершенное общество;
- непреодолимо низкая эффективность всех известных методов управления, использующих политические, государственные формы регуляции отношений между людьми, по сравнению с такими традиционными формами, как мораль и религия;
- опасность последствий демократических форм правления, в рамках которых и создаются условия для наиболее широкого влияния большого количества далеко не совершенных людей на ход общественных дел;
- признание неизбежной связи демократии с нарастанием роли государства в общественной жизни — политизацией и бюрократизмом, увеличением количества всякого рода чиновников и управленческих инстанций, которым властвующий, но объективно неспособный (хотя бы в силу недостатка времени и знаний) осуществлять непосредственное управление народ передает свои полномочия.

В силу этих причин пределы государственного вмешательства, сфера политической деятельности должны быть ограничены приоритетами сохранения достигнутого, обеспечения преемственности в развитии.

Как тип дискурсивной практики консерватизм в той или иной мере присутствует в политике всегда. Ведь в любом обществе существуют социальные слои (состав которых может изменяться), заинтересованные в сохранении *status quo* больше, чем в борьбе за грядущее счастье. Люди, в силу тех иных причин убежденные в опасности резких перемен, активно используют аргументы консерватизма для защиты и продвижения своей политической позиции.

К консервативной риторике и практике все чаще прибегают представители политической элиты и бюрократии современной России, и у замещения модернизационного политического дискурса консервативным есть свои основания и предпосылки.

Первое. Обращение к консервативному образу мысли и действия и в прошлом, и в настоящем наступает, как правило, вследствие разочарования в результатах реализации того или иного модернизационного проекта. В России второй половины XIX в. таким результатом, сопутствовавшим «великим реформам», инициированным Александром II, был всплеск революционного терроризма, унесшего в том числе и жизнь «царя-реформатора». Веком позже в США реализация программы «Великого общества» (сопутствующая с войной во Вьетнаме) обернулась разочарованием и бунтами молодежи, протестами

цветного населения; в России — это неожиданные и разрушительные для большинства населения последствия реформ 1990-х годов, проходивших под либеральными лозунгами.

Второе. Катастрофические для современного мирового порядка последствия реализации глобального «либерально-демократического проекта» США. «Установление демократии», произошедшее при активном иностранном вмешательстве в таких странах, как Ливия, Ирак, Египет, Афганистан, а теперь уже Украина и Сирия, обернулось разгулом фундаментализма и национализма, хаотизацией международных отношений, выходом на мировую арену рептильных политических сил.

Третье. Консервативный ренессанс в России находит отклик и подпитывается усталостью населения России от дряхлеющей уже четверть века череды перемен, для его большинства весьма неблагоприятных (достаточно вспомнить, что одних экономических кризисов мы за это время пережили не менее четырех: 1991—1993 гг. (кстати, вся вторая половина 80-х — это тоже отнюдь не эпоха благоденствия), дефолт 1998 г., экономический кризис 2008—2009 гг., кризис 2014—2015 гг.). В этой ситуации тяготение большинства нормальных людей к сохранению, удержанию того, что есть, вполне понятно и обоснованно, как и их недоверие ко всякого рода политическому и культурному кликушеству.

Не трудно видеть, что российские неоконсерваторы (современный российский консерватизм представляет собой синтез традиционных консервативных принципов с избранными либеральными и социалистическими идеями и являясь по сути неоконсерватизмом) стремятся реализовать как раз его постулаты. Во-первых, при укреплении государственного механизма, особенно его силового блока, по возможности ограничить масштабы государственного регулирования экономики (хотя при неразвитости отношений гражданского общества это вряд ли возможно в сколько-нибудь ощутимых масштабах). Во-вторых, инициировать пробуждение дремлющих в народе «витальных сил»: сохранившихся традиций, экономических интересов, хозяйственной инициативы, патриотических настроений, чувства самосохранения. В-третьих, ограничить зависимость от неконтролируемых и разрушительных сил, угроза и многообразие которых (а следовательно, ценность безопасности) значительно возрастают.

Однако понимание наличия побудительных оснований российского консервативного «ренессанса» не делает эти идеи более привлекательными для массы, с достаточной долей недоверия к ним относящейся и спешащей включить их в свою повседневную практику, придав им статус «мыследействия». Поскольку современная консервативная риторика исходит от людей, весьма преуспевших в ходе либеральных реформ, она воспринимается как демагогия, направленная на сдерживание действительно необходимых преобразований, способных обеспечить реальный экономический рост (без него все «хорошие» «проекты» просто зачахнут); движение к созданию постиндустриальной технологической базы; установление более справедливой и приемлемой для большинства системы распределения национального богатства; ощутимые сдвиги

в лучшую сторону в образовании, здравоохранении, социальном обеспечении, доступности нормальных жилищных условий; эффективную защиту от бюрократического безразличия, преступности и коррупции.

Уместен ли консервативный политический дискурс в ситуации, когда социальная потребность в такого рода преобразованиях столь ощутима? А шаги по его практической реализации — на кого они рассчитаны? На молодежь? Средние слои? Пенсионеров? Крестьян? Рабочих? Учителей? Что они «хотят» *сохранить* в современном обществе?

Пожалуй, *стабильность* как условие роста. Но не *стагнацию* как преддверие катастрофы. Именно такой взвешенный подход трактовке «консервативного ренессанса» демонстрирует Президент России: «Это совсем не значит, что консерватизм — это какая-то самоизоляция и нежелание развиваться. Здоровый консерватизм предполагает использование всего лучшего, нового, перспективного для обеспечения поступательного развития. Вместе с тем прежде чем ломать что-то, на чем достигнут сегодняшний уровень развития, нужно понять, как работают новые механизмы. Это чрезвычайно важная вещь. И поэтому для того, чтобы общество существовало, нужно поддерживать элементарные вещи, которые человечеством выработаны в течение столетий: это бережное отношение к материнству и детству... к собственной истории... к нашим традициям и традиционным религиям» [4].

Характерная черта современных дискурсивных политических практик — движение от более или менее строгих классических типов к новым, синтетическим, коррекция принципов, их взаимодополнение и проникновение из одного типа в другой. Ведущую роль начинает играть специфический — *прагматический* — дискурс. Доминантой здесь является «задача», от нее отталкиваются при определении целей и средств, целесообразность здесь видится как взаимное согласование целей со средствами. Именно в рамках такого дискурса действуют политтехнологи — беспринципные «поденщики» политического мира. Выделим наиболее заметные характеристики дискурса прагматического типа:

- теория превращается в пропаганду, становится простым средством оправдания текущей политики, ее основные постулаты легко меняются на противоположные;
- происходит безболезненная перемена целей политического действия;
- осуществляется активное манипулирование массами, которым даются пустые обещания, явно завышенные посулы;
- происходит легкая смена политических лагерей и предпочтений (ведь «Париж стоит обедни»);
- в общении с последователями активно используется арсенал политической демагогии: аргументы замещаются эмоциями, происходит разжигание негативных инстинктов по отношению к оппонентам, акцентируются противоречия;
- хотя в пропаганде используются самые примитивные мыслительные схемы, слова, образы и чувства, прагматик непоколебимо верит в возможности сиентистских методов исследования политики и прогнозирования политической деятельности: перед принятием решения активно проводятся опросы,

распространяются и собираются анкеты, строятся графики, делаются подкрепленные количественно предсказания.

Однако все это легко отбрасывается при малейшей угрозе неудачи, и вступает в действие допускающая все «логики ситуации». При этом абсолютизируется роль политических технологий, господствует вера в их неограниченные возможности: все дело заключается в их правильном выборе и последовательном применении.

Библиографический список

1. Фуко М. Археология знания. Киев, 1996.
2. Ильин М.В. Политический дискурс // Политология: Лексикон. М., 2007.
3. Чернявская В.Я. Дискурс власти и власть дискурса: Проблемы речевого взаимодействия. М., 2006.
4. Путин В.В. Выступление на заседании Международного дискуссионного клуба «Валдай» 24 октября 2014 г. URL: <http://news.Kremlin.ru/transcripts/46860>

V.M. Dolgov, G.N. Dolgova

Regional Policy: Theoretical Models and Contemporary Practice of Russia

The content of different patterns of cooperation between the center and the regions in a federative state is analyzed. The efficiency at the implementation of regional policy in the Russian Federation is assessed.

Key words and word-combinations: region, political space, regional policy, political accountability.

Анализируется содержание различных моделей взаимодействия между центром и регионами в федеративном государстве. Оценивается эффективность при осуществлении региональной политики в Российской Федерации.

Ключевые слова и словосочетания: регион, политическое пространство, региональная политика, политическая ответственность.

УДК 323(470+571)
ББК 66.3(2Рос)

В.М. Долгов, Г.Н. Долгова

РЕГИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ МОДЕЛИ И СОВРЕМЕННАЯ ПРАКТИКА РОССИИ

Региональная политика, как определенный уровень государственного управления, необходима для крупных, сложноструктурных стран. В условиях демократической политической системы или федеративного устройства государств она обязательна, поскольку представляет в демократических формах и механизмах интересы конкретных территорий и проживающего на них населения. При этом такая политика может иметь разную степень самостоятельности от политики центра, но не должна противостоять ее основным принципам и направлениям. Вообще любая сознательно

управляемая территория в идеале должна иметь политику своего развития и обустройства жизни людей. Регион в этом смысле безусловно нуждается в собственной политике.

Понятие региона многозначно. Наиболее распространены его трактовки на основе географического, исторического, экономического, этнорелигиозного, лингвистического и политического подходов. Не вдаваясь в конкретизацию каждого из этих подходов, выделим необходимый для нашего анализа подход на основе политических свойств и характеристик. Ключевым свойством при таком подходе является политическая субъектность региональной власти, гарантированная законодательно и ресурсно. Тем самым обеспечивается определенная политическая самостоятельность региона от центральной власти в формировании собственной системы властного управления, в разработке стратегии своего развития, в организации регионального политического процесса. Но в этом случае существуют два варианта определения понятия региона: международный и внутригосударственный.

Международный уровень понятия «регион» достаточно четко зафиксирован в Декларации Ассамблеи регионов Европы о регионализме в Европе, содержащей следующее определение: «Регион является государственным территориальным образованием, соответствующим уровню, непосредственно предшествующему уровню государства, имеющим правительство, которое располагает соответствующими политическими полномочиями» [1, с. 332]. В данном определении, конечно, речь идет об административно-территориальных единицах (провинциях, землях, областях, округах) европейских государств. В общем подобное понимание региона близко тому, которое обозначено в политических документах нашей страны, хотя и с некоторыми особенностями. В российском варианте под регионом имеется в виду «часть территории Российской Федерации, обладающая общностью природных, социально-экономических, национально-культурных и иных условий. Регион может совпадать с границами территории субъекта Российской Федерации либо объединять территории нескольких субъектов Российской Федерации» [2]. Как видим, российское толкование понятия «регион» в политическом контексте несколько шире, чем европейское, однако в общественной практике и в научных исследованиях 2000-х годов утвердилось представление о политическом регионе как о субъекте РФ. Действительно, по Конституции РФ, субъекты Российского государства обладают всеми свойствами политического региона, обозначенными в европейской Декларации.

Исследование региональной политики в настоящее время представляет собой важное направление российской политической науки. Оно сформировалось в середине 1990-х годов, после принятия Конституции РФ, которая наделила субъекты РФ многими политическими свойствами и полномочиями. В диссертационных и монографических работах того периода рассматривались проблемы преимущественно первичного уровня: основания и общее содержание региональной политики, политические характеристики субъектов РФ, их полномочия относительно центра, структура региональных политических институтов, особенности региональных выборов, элит, межпартийных отно-

шений, технологий политического управления. Острой проблемой выглядела заложенная Конституцией и усиленная практикой политическая преимущественность национальных республик перед краями и областями. Активно культивировался сравнительный анализ региональной субъектности в России и в странах Запада. В целом была обозначена перспективность научного исследования политического регионализма в условиях новой политической системы.

В 2000-е годы политическая регионалистика развернулась в России масштабно и многообразно. По разным регионам защищены более двадцати докторских и в несколько раз большее количество кандидатских диссертаций; проведены многочисленные конференции, изданы монографии, опубликовано значительное количество статей. В саратовских вузах проблематику политической регионалистики разрабатывали доктора наук С.И. Барзилов, А.А. Вилков, М.В. Данилов, Е.С. Дорофеева, А.А. Коробов, С.Ю. Наумов, А.Н. Николаев, В.А. Труханов, А.Г. Чернышов, Э.В. Чекмарев, С.М. Федюнина, О.Н. Фомин и другие. Исследовались все аспекты политической регионалистики: институциональные, нормативно-правовые, идеологические, этнокультурные, управленческо-технологические. Многие из них всесторонне рассматривались на круглом столе журнала «Полис» под рубрикой: «Региональные политические процессы: насколько “субъектны” субъекты РФ» [3]. Все это послужило основанием для выделения политической регионалистики в самостоятельную специальность 23.00.05 в номенклатуре научных специальностей ВАК РФ.

Общественно значимые факторы, обеспечивающие повышенный интерес ученых к политической регионалистике, известны: огромное пространство страны с разнообразием условий развития различных территорий; сложный состав населения, объединяющего множество народов с разными культурами, религиями, традициями; необычное, евразийское, геополитическое положение России; трансформационное состояние государства и общества. Таковы объективные обстоятельства существования России. К ним можно приспособиться, но их практически невозможно преодолеть. Именно эти условия диктуют необходимость для России особенного регионального управления, примерно так же, как необходимость федеративного государственного устройства.

Наряду с этими природными, историческими, социальными факторами имеется обстоятельство чисто политического свойства, которое диктует проводить региональную политику с особой мотивацией. Имеется в виду ответственность региональных властей и гражданского общества за развитие своей территории, за уровень жизни населения. Региональная политика в идеальном исполнении строится на региональных интересах и возможностях, разрабатывается региональными властными и общественными структурами, согласуется с федеральным центром и реализуется усилиями регионального правительства. На данных основаниях формируется региональное политическое пространство, которое, по мнению специалистов, «не является простым ретранслятором и реализатором политики центра», а «призвано

усиливать политическое влияние российской провинции в государственной политике, концентрировать ее внимание на жизни народа, на национальных интересах» [4, с. 16–17].

В таком случае именно региональная власть ответственна перед населением за эффективность проводимой политики. Как подчеркивается в монографии В.М. Долгова и А.Ф. Стрижовой, «ответственность является важнейшим качеством и базовым принципом деятельности политической элиты» [5, с. 141]. Но ответственны и структуры гражданского общества, представляющие население. Думаем, такой уровень ответственности за региональную политику существенно выше, значительнее, чем тот, который имеется в отношении между региональными и федеральными властями. Возникает логическая связь между самостоятельностью и ответственностью региональных властей. Самостоятельность обеспечивает ответственность, которая, в свою очередь, востребует самостоятельности. По сути, это диалектическая связь: без самостоятельности нет ответственности.

Сфера ответственности региональных властей распространяется и на проблемы государства в целом, ибо региональная политика является частью политики по развитию всей страны. Ее результаты прямо влияют на состояние дел во всем государстве, и закономерно, что региональная политика состоит из двух уровней: центра — в отношении регионов; субъектов РФ — в отношении собственного пространства. Во многом такое деление условно, но в реальной практике оно существует и проявляется прежде всего на стадии разработки региональной политики. Неизбежно согласование интересов и приоритетов со стороны обеих уровней власти. В условиях современного состояния экономики России и бюджетной несостоятельности большинства субъектов России у центра больше возможностей продавливать свою политическую стратегию и свои проекты — программы развития регионов. При этом усиливается зависимость региональной политики от интересов и планов центра. Именно такой подход просматривается в содержании программы Правительства РФ «Региональная политика и федеративные отношения», принятой в апреле 2014 г. на период 2015–2020 гг. [6]. Ограничивается, и существенно, самостоятельность региональной власти, и, как правило, ее функционирование характеризуется низкой ответственностью, вследствие чего регионы обрекаются на неэффективную политику.

Примеров неоднозначного влияния центра на развитие регионов предостаточно. Нет сомнений в том, что для Приморского края гораздо важнее капитальные вложения в развитие рыболовецкого флота и рыбоперерабатывающих производств, чем в строительство необыкновенного моста на острове Русский. Но, увы, деньги-то федеральные. Краснодарскому краю гораздо целесообразнее олимпийских сооружений было бы проведение реконструкции и коммунально-экологического обустройства всех городов и поселков Черноморского побережья. Но и тут средства федеральные! Примерно так же выглядит ситуация с непомерным разрастанием Москвы во многом за счет других регионов. На этих примерах видно, что интересы и усилия федеральной элиты не всегда соответствуют интересам населения и даже региональных элит.

Важны и другие сравнения. Бюджеты почти всех субъектов РФ дефицитны, и они в больших, почти невыполнимых кредитных обязательствах, а центр в это время проводит множество дорогостоящих международных мероприятий. Регионы из своих доходов переводят значительную часть средств в федеральный бюджет, действующие на их территориях бизнес-структуры основные прибыли выводят в центральные офисы, в зарубежные банки, в оффшоры, а регионы затем должны выбивать свои же деньги из федерального бюджета, подкупать инвесторов, уговаривать грантодателей. Ясно, что пока российская система центр-региональных отношений далеко не самая удачная (это, в частности, подтверждается содержанием монографии Р.Ф. Туровского [7]). А какие варианты таких взаимоотношений в принципе возможны?

Исторический опыт России и многих других стран позволяет назвать в качестве наиболее очевидных четыре модели центр-регионального взаимодействия при осуществлении региональной политики. Первая модель строится на полном господстве центра, диктующего регионам свой подход и конкретный план к их развитию, — это модель высокого уровня централизации государственной политики. Вторая модель в некотором смысле противоположна первой и определяется самостоятельностью региональных инициатив и проектов, которые центр лишь утверждает и координирует в незначительных пределах. Третья модель характеризуется наличием традиционных административных или правовых механизмов, позволяющих обеспечить повсеместное разделение полномочий и демократическое согласование позиций центра и регионов. Ее можно назвать компромиссной моделью. Четвертая модель основывается на четко разработанных законодательных нормах, идентичных для всех регионов, обеспечивающих правовое пространство взаимоотношений центра и регионов, предусматривающих их детализацию и возможности судебного разрешения споров. Данная модель в наибольшей степени опирается на правовые нормы и механизмы.

Пожалуй, в условиях современных демократических государств ни одна из этих моделей не может действовать абсолютно, без использования каких-то элементов других моделей. Примечательно, что если первые три модели допускают, а порой даже делают неизбежными особенности взаимоотношений центра с регионами и регионов с центром, то четвертая модель наличие подобных особенностей полностью исключает. Эффективность каждой из моделей во многом определяется логичностью ее вписанности в общую систему государственного управления. Так, в США успешно применяется четвертая модель, в ФРГ — третья, в КНР — первая. Наша страна в своей истории испытала первые три модели центр-региональных отношений, но в разные политические эпохи, в разных политических условиях, и потому оценить эффективность их использования практически невозможно. Важно оценить современную модель формирования и реализации региональной политики в России, тем более что такая оценка не может быть простой.

Прежде всего проанализируем законодательную базу Российской Федерации в сфере центр-региональных отношений. В Конституции страны этой сфере посвящена глава 3 «Федеративное устройство». Первые шесть статей этой главы дают общую характеристику федеративной структуры России и при этом наделяют национальные республики более высоким политическим статусом, чем другие субъекты государства. В ст. 71 указываются сферы ведения федеральной власти, а в ст. 72 — сферы совместного ведения федерального центра и субъектов РФ, и этим однозначно обнаруживается огромное преимущество полномочий центра над полномочиями субъектов. Статья 76 свидетельствует о полном превосходстве федерального законодательства над субъектным, а ст. 77 и 78 подчеркивают тот факт, что федеральные и субъектные органы исполнительной власти образуют единую систему исполнительной власти Российской Федерации. Более чем за двадцать лет существования Конституции РФ исполнительная власть является самой сильной ветвью государственной власти, она оказывает прямое воздействие на две другие ветви власти и решающим образом влияет на политику государства.

Положения Конституции РФ о разграничении полномочий между федеральным центром и субъектами РФ по управлению государством носят самый общий характер и лишь в некоторой степени конкретизируются несколькими базовыми законами РФ и Указом Президента РФ. Выделим наиболее характерные акты, реально регулирующие отношения между центром и субъектами Федерации в вопросах региональной политики. В них содержится немало законодательно обеспеченных положений и установок, касающихся статуса, структуры, функциональности, полномочий структур власти субъектов РФ. Однако содержание политико-правовых механизмов взаимодействия федеральных и региональных властей разработано явно недостаточно. С этим постоянно сталкивается управленческая практика, об этом пишут ученые — юристы, политологи, экономисты. Трудно сказать, почему существует такая ситуация. Может быть, российской элите еще не достаёт опыта демократической политики и она постоянно сбивается на администрирование? Может быть, сама эта элита не способна на демократизацию реальной государственной политики, в том числе в сфере центр-региональных отношений? Но может быть, объяснения кроются в каких-то объективных условиях, например в отсутствии традиции жесткой приверженности граждан, всего общества правовым нормам и взаимоотношениям или в сложности выработки единой системы правовых и политических механизмов для огромного российского разнообразия регионов? А возможно, вся ситуация объясняется просто незаинтересованностью центральной власти иметь четкие механизмы всех взаимодействий с субъектами РФ? Но в результате оформляется вывод о том, что четвертая модель центр-региональных отношений, основанная на детально разработанных правовых механизмах, для России пока не актуальна.

Отметим, что на протяжении веков Россия структурировалась как централизованное и административно управляемое государство. В разных условиях

центральная власть приобретала то более жесткий, то более мягкий характер, но она всегда занимала господствующее положение по отношению к регионам. Так было и после принятия Конституции РФ, провозгласившей демократическую политическую систему.

На протяжении 1990-х годов центральная власть была слабой, неэффективной и, возможно, поэтому поощряла или во всяком случае не запрещала проявления политического регионализма. Многие субъекты РФ через двусторонние договоры с центром добились существенного расширения пространства своих властных полномочий, а некоторые из них даже шантажировали центр своими открыто сепаратистскими действиями. Федеральная власть теряла возможности эффективно управлять государством, что было чревато распадом страны. Тем самым выявилась несостоятельность второй модели центр-региональных отношений, в рамках которой регионы являются инициативной и во многом самостоятельной стороной. В условиях 1990-х годов не развернулись ее федеративно-демократические преимущества, но с огромной опасностью расширялись и усиливались радикальные, сепаратистские настроения в регионах по отношению к центральной власти.

С началом президентства В.В. Путина и на протяжении 2000-х годов был организован и активно утверждался обратный политический процесс: ограничение, зауживание полномочий и властных ресурсов субъектов РФ при одновременном укреплении вертикали федеральных властей. Этот процесс охватил сферы законодательства, бюджета, административно-кадровых ресурсов. Все перераспределялось в пользу центра, но и в интересах укрепления Российского государства. После нескольких лет системной деятельности центр добился высокой степени централизации власти, концентрации ресурсов и политического проектирования. Некоторые сильные регионы стремились сохранять прежний объем управленческих возможностей, но достаточно быстро по всей стране утвердилась система вертикально построенной власти. Региональные элиты признали зависимость от федеральной элиты, но вместе с этим снимали с себя значительную долю ответственности за развитие своих регионов.

Однако модель централизованного формирования региональной политики также себя не оправдала. Несмотря на благоприятную для российской сырьевой экономики конъюнктуру мирового рынка, сохранявшуюся более десятка лет, экономическое развитие регионов носило лишь эпизодический и точечный характер. Экономика не развернулась, как того можно было ожидать при огромных доходах от рекордных продаж ресурсов страны. Главной причиной такой диспропорции является организованный федеральной элитой вывоз из России колоссальных финансовых средств, инвестирование экономик других стран. В результате бюджеты субъектов РФ мизерны, дефицитны. На протяжении последних лет лишь единичные регионы остаются недотационными, остальные находятся в полной зависимости от федерального бюджета и не способны исполнять многие из своих полномочий. Естественно, что такие регионы не имеют возможностей разрабатывать собственную региональную политику. Подобные итоги позволяют говорить

об очевидной неэффективности в современной России первой модели центр-региональных отношений.

К началу 2010-х годов было достигнуто некое равновесие в центр-региональных отношениях, малоэффективное, бесперспективное, но обеспечившее политическую стабильность на данном этапе. Большинство субъектов РФ явно не способны на исполнение самостоятельной региональной политики и впадает во все большую зависимость от решений и действий федеральной власти. Вместе с этим снижается уровень их политической ответственности, падает социальная активность населения, становятся сомнительными перспективы общественного прогресса для регионов и для всей страны. Что дальше? Вновь — бунт регионов и новая волна политической регионализации России?

Конечно, возможен вариант третьей, компромиссной модели, в рамках которой региональная политика строится на основе согласования интересов центра и регионов. Общий вид такой модели состоит в следующем. На основе общефедеральной концепции региональной политики разрабатывается и утверждается иницилируемый субъектом РФ проект развития для каждого отдельного региона. Он должен исходить из интересов и возможностей региона, но при этом соответствовать принципиальным позициям развития всего государства. Он опирается на ресурсы региона, но при этом поддерживается федеральными ресурсами. В процессе разработки и обсуждения проекта равноправными участниками должны быть представительные органы власти центра и регионов, структуры гражданского общества обоих уровней, а законодательная база призвана на всех стадиях этого процесса обеспечивать справедливое использование механизмов согласования всех интересов. В процессе реализации проекта основным субъектом ответственности является региональная власть.

Ясно, что сама по себе данная модель сложна и по содержанию и по практическому применению. Она осуществима лишь при полном господстве правовых и демократических механизмов политического процесса, при наличии с обеих сторон патриотически настроенной бюрократии и национально ориентированной общественности. Взаимоотношения между федеральным центром и субъектами РФ должны строиться на своеобразной системе сдержек и противовесов, при которой регионы обладают политико-правовыми рычагами влияния на решения центра, который, в свою очередь, имеет возможность контролировать действия регионов. На иных механизмах такая модель функционировать не может.

Принципиальный вопрос: реальна ли данная модель для России? Ведь до сих пор она не выходила на первый план. Думается, что современное положение нашей страны требует именно такого варианта внутриполитического развития, а возможности для него существуют. Факторы, не допускавшие практического выхода этой модели в России, понятны: неустойчивость политической системы и характера режима власти, неопределенность идейных позиций и стратегического курса государства, компрадорский настрой российской элиты и олигархические наклонности буржуазных кру-

гов, гигантская по масштабу коррумпированность государственного аппарата, недостаточная политико-правовая и экономическая обеспеченность интересов и самостоятельности субъектов РФ в осуществлении региональной политики.

Все последние годы централизация власти в государстве нарастает, причем без особых улучшений в системе управления страной, но при увеличивающемся разрыве в отношениях между управленческим слоем и остальным обществом, между столицей и провинцией. Якобы активно ведущаяся борьба с коррупцией лишь открывает для граждан некоторые из ранее закрытых сфер жизни этого управленческого слоя: массовое перемещение интересов, капиталов и семей в другие страны, самоназначение зарплат и даже пенсий (как будто они уже не граждане данного государства), в десятки раз превышающих обычные, выстраивание системы кадровой политики, в которой ничего не зависит от воли избирателей, но которая позволяет соединять административно-политическую и финансово-экономическую власть на всех уровнях государства. Красноречивым результатом всей этой политики и показателем огромного разрыва в финансовом и социально-коммунальном положении столицы и большинства регионов России является безграничное поглощение в ней огромных ресурсов, создаваемых всей страной.

Все эти факторы существуют и в настоящий момент, но их положение в обществе и восприимчивость властью существенно меняются. Резко осложнившееся геополитическое и экономическое положение России под напором Запада на принципиальные национальные интересы нашей страны консолидировало общество вокруг власти, которая с неизбежностью острее осознает свою ответственность перед народом и страной. Она вынуждена критически оценивать свою деятельность и стремиться к повышению ее эффективности. В такой обстановке компрадорство, олигархизм, коррупция начинают оцениваться в качестве преступных действий против народа и государства. Их ограничение и преодоление осознается как важнейшие шаги на пути к спасению и возрождению России. Отсюда же возможно формирование принципиально новой стратегии развития страны, стержнем которой оказывается не хаотичное вхождение в мировые экономические структуры и в отведенные для нас Западом сектора мирового рынка, а целенаправленное, спланированное внутреннее развитие территорий, отраслей, рыночных отношений, социальных групп, позитивных интересов, творческих инициатив, удовлетворения потребностей.

Только такая переориентация власти, элиты, бизнеса убедит народ в их приверженности национальным интересам, в искренности их политических действий и идейно-нравственных заявлений. При этом государство должно предъявить обществу свои идейно-политические позиции, примерно так, как оно делает это в отношении религии. На такой основе произойдет объединение интересов в обществе и большая осмысленность государственной политики. Впрочем, некоторые позиции уже достаточно обрисованы: патриотизм, национальные интересы, суверенность, социальная справедливость, сильное государство. Им следует придать системность, а их реализации — последова-

тельность и принципиальность. Тогда выдвигаемые властью цели и проекты политического содержания приобретут большинство народа в качестве убежденных сторонников.

Обозначенная политическая платформа как раз и способна стать основой для компромиссной региональной политики. Она непременно востребует от федеральных властей более глубокого проникновения в потребности регионов, истинной заинтересованности в их успешном развитии, поскольку только социально-экономический подъем регионов создает необходимую мощь государства и защищенное благополучие российской элиты. Подобная платформа общенациональной стратегии способна наиболее рационально соединять интересы региона, обеспечивающие потребности населения отдельных территорий, с потребностями, интересами и целями развития всего государства. Достижение подобного состояния внутренней политики государства уже будет означать эффективность региональной политики.

Библиографический список

1. Декларация Ассамблеи регионов Европы о регионализме в Европе // Сборник документов и материалов по вопросам международных и внешнеэкономических связей субъектов РФ. М., 1999.
2. Основные положения региональной политики в Российской Федерации: утв. Указом Президента РФ от 3 июня 1996 г. № 803 // СЗ РФ. 1996. № 23. Ст. 2756.
3. Региональные политические процессы: насколько «субъектны» субъекты РФ? // Политические исследования. 2013. № 5. С. 59–76.
4. Политическое пространство российского региона: формирование и развитие: на материалах Саратовской области / Д.Ф. Аяцков, В.М. Долгов, О.Н. Фомин [и др.]. Саратов, 2012.
5. Долгов В.М., Стрижова А.Ф. Ответственность политической элиты: теория и современная российская практика. М., 2014.
6. Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Региональная политика и федеративные отношения»: постановление Правительства РФ от 15 апр. 2014 г. № 307. URL: <http://base.garant.ru>
7. Туровский Р.Ф. Центр и регионы: проблемы политических отношений. М., 2006.

ПУБЛИЧНАЯ ВЛАСТЬ, ГОСУДАРСТВЕННОЕ И МУНИЦИПАЛЬНОЕ УПРАВЛЕНИЕ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

N.I. Kuznetsov, N.V. Ukolova,
Yu.A. Shikhanova

**Human Potential, the Basic Factor
of Innovative Production Formation
in Russia**

The authors analyze formation of innovative production in Russia with the help of human potential. The authors suppose that it is possible with the use of machine replacement and the rise in labor productivity. The authors indicate the reasons for hindering the development of machine replacement in Russia.

Key words and word-combinations: innovations, science, education, human potential, state.

Анализируется формирование инновационного производства в стране с помощью использования человеческого потенциала. Дается авторский взгляд на его формирование с помощью машинозамещения и роста производительности труда. Указываются причины, сдерживающие развитие машинозамещения в современной России.

Ключевые слова и словосочетания: инновации, наука, образование, человеческий потенциал, государство.

УДК 331
ББК 65.24

*Н.И. Кузнецов, Н.В. Уколова,
Ю.А. Шиханова*

ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ КАК ФАКТОР СОЗДАНИЯ ИННОВАЦИОННОГО ПРОИЗВОДСТВА В РОССИИ

Изменить ресурсную структуру национальной экономики, вывести ее на передовые рубежи мирового хозяйства можно с помощью инновационного производства. Это способ преодоления технологической отсталости, путь системного возрождения страны и импульс экономического роста. Инновационное развитие для России означает активное формирование нового технологического уклада, а значит, предстоит обновить основной капитал и тем самым обеспечить подъем производства, поскольку инновационная экономика обязывает периодически осуществлять обновление основного капитала [1]. В России обновление основных средств последние двадцать лет не производилось. Их износ с начала 1990-х го-

дов увеличился на 12,6% и составил в 2013 г. 48,2% (табл. 1) [2]. Изношенная техника не может обеспечить ни высокое качество продукции, ни высокую отдачу от труда.

Таблица 1

**Степень износа основных фондов Российской Федерации
на конец отчетного года, %**

Год	Степень износа основных фондов	Год	Степень износа основных фондов
1990	35,6	2002	44,0
1991	35,4	2003	43,0
1992	42,5	2004	43,5
1993	33,7	2005	45,2
1994	41,3	2006	46,3
1995	39,5	2007	46,2
1996	37,8	2008	45,3
1997	41,0	2009	45,3
1998	41,6	2010	47,1
1999	41,7	2011	47,9
2000	39,3	2012	47,7
2001	41,1	2013	48,2

Ликвидировать отставание России в производственной сфере и сформировать инновационное производство за счет приобретения зарубежных технологий и копирования организационно-управленческих решений невозможно. Для этого нужен инновационный прорыв в производительности труда и его оснащенность системой машин, управляемых с помощью машин. Поэтому если государство стремится сформировать инновационное производство, то, на наш взгляд, необходимо воспользоваться системой машинозамещения, которая и обеспечит новый инновационный уровень производительности труда.

В России высока степень массового образования, о чем свидетельствуют следующие данные: в 2005 г. 23,4% экономически активного населения имело высшее профессиональное образование, в 2013 г. — 31,7%. Кроме того, фиксируется рост наличия среднего профессионального образования, а также начального профессионального образования. Так, в 2005 г. его имеют 25,2 и 18,4% экономически активного населения, в 2013 г. — 25,8 и 18,5% соответственно. На протяжении анализируемого периода зарегистрирована тенденция к уменьшению такого показателя, как наличие у населения основного общего образования (с 6,9% в 2005 г. до 3,5% в 2013 г.). Произошло уменьшение доли населения, не имеющего основного образования (с 0,7% в 2005 г. до 0,3% в 2013 г.) [2].

Для анализа машинозамещения и роста производительности труда в качестве формирования инновационного производства в методологическом плане,

на наш взгляд, важно зафиксировать марксовское деление труда на труд-присвоение и труд-формирование. Жизнедеятельность человеческого общества в большей степени зависит от того, что даровых предметов своего потребления людям получить неоткуда, они могут присвоить необходимые им вещества природы только своим живым трудом (трудом-присвоением). Масса живого труда и объем производимых ею предметов потребления — первые два мета, макроэкономических параметра. Их взаимодействие осуществляется при наличии третьего: средств производства. Это уже производственная сфера — среда функционирования живого труда (труда-формирования), где живой труд производит продукты для потребления. «Одна и та же потребительная стоимость, являясь продуктом одного труда, служит средством производства для другого труда. Потому продукты представляют собой не только результат, но в то же время и условие процесса труда» [3]. Производственная среда труда образована ранее состоявшимся живым трудом. Если следовать идее Маркса, одной своей частью живой труд «застывает» в «свежепроизведенных» продуктах потребления, а другой — опредмечивается в орудиях труда, обеспечивая этим повышение общественной производительности труда.

Представляются интересными рассуждения В.И. Корнякова [4, с. 57]. Рассматривая соотношение: «живой труд — рост инвестиций — рост предметов потребления», ученый обратил внимание на сопровождающие экономический рост объективные пропорции, которые никогда нигде не определялись теоретически и не рассчитывались практически. Речь идет о пропорциях интенсивного экономического роста: в настоящее время для сохранения интенсивного экономического роста часть живого (а значит, и овеществленного) труда с ростом общественной производительности труда должна выводиться из сферы производства. Повышение общественной производительности труда — это ее общий рост, охватывающий и второе подразделение, и фондосоздающие отрасли (производство средств труда в составе средств производства) с соответствующими рабочими местами. Продукция же фондосоздающих отраслей — это в конечном итоге переоснащение существующих рабочих мест и новые рабочие места. Прежний, до повышения производительности, объем продукции фондосоздающих отраслей был недостаточен для поочередного перевооружения существующих рабочих мест. Возросший (вследствие роста производительности) объем превышает потребность в переоснащении существующих рабочих мест: благодаря росту производительности труда создаются новые рабочие места [3]. Но при этом нельзя не учесть еще одно важное обстоятельство: общего увеличения массы рабочих мест не должно быть, это было бы переходом на траекторию экстенсивного экономического роста. Дешевизна рабочей силы и высокая стоимость новой техники делают выгодным увеличение производства путем дополнительного привлечения работников, но результативность труда на предприятии остается невысокой. В.И. Корняков особо подчеркивает: чтобы остаться в колее интенсивного экономического роста, необходимо вывести из текущего производства мощности и рабочие места, тянущие его в экстенсивное развитие, причем это будут рабочие места

не одних фондосоздающих отраслей. Так, на высвобождаемые машины идут потоки предметов труда, выводятся и они.

Следовательно, интенсивный экономический рост предполагает наличие двух диаметрально противоположных, но одновременно осуществляющихся процессов: первый — вовлечение добавочных ресурсов; второй — их высвобождение. Первый процесс всегда означает общее удорожание всей сферы текущего производства. В ней сосредоточивается больше затрат овещественного труда, а если наличествуют и «чистые» инвестиции, то и живого. Тогда меняется соотношение между двумя частями нового живого труда, входящего в производство. Та его доля, которая непосредственно «задействована» в производстве предметов потребления, становится меньше, а проходящая в производство средств производства — больше. Осуществляется своего рода «озатрачивание» текущего производства.

Второй процесс означает выведение ресурсов и представленных в них затрат из текущего производства. Соотношение между указанными частями живого труда меняется в пользу части, направляемой на создание предметов потребления. Если ориентироваться на интенсивное развитие, то становится очевидным, что второй процесс столь же непреложен, как и первый, то есть при интенсивном развитии численность занятых не может оставаться прежней, а должна уменьшаться. При этом качество, выраженность интенсивного роста определяется масштабом второго процесса относительно первого, соотношением вводимых в текущее производство и выводимых из него ресурсов. В этом случае масштабы второго процесса задаются производительностью новых инвестиционных факторов, устанавливаемых в экономике, что указывает на приоритет НТП.

Повышение производительности означает выход на новый, более высокий уровень общественной производительности труда, обеспечиваемый технологиями нового поколения. Отсюда то или иное соотношение обоих объективных процессов — как благоприятное, так и неблагоприятное. Повышение производительности труда и формирование инновационной экономики — два взаимосвязанных, взаимообусловленных процесса.

Необходимость инновационной экономики в том и состоит, чтобы общество наконец достигло такого уровня производительности труда, который означал бы выход на траекторию здорового равновесного интенсивного экономического роста, чего оно ныне не может добиться только инвестициями. Рост производительности труда происходит в силу изменений в производственных предпосылках инновационной экономики. Во-первых, предпосылкой становится оснащённость рабочих мест высокотехническими средствами труда, опосредованными огромным количеством технических связей, что, в свою очередь, делает рабочее место самостоятельной и весьма непростой системой. В силу современных особенностей технического развития внутри такой системы есть множество возможностей ее совершенствования. Предстоит тщательно выявить всю цепочку будущих изменений рабочего места, количественно обчислить их, получить нужные материальные компоненты улучшения, опробовать, отладить инновационную схему. Во-вторых, современный рабочий

откликнется на инновации, станет деятельным, инициативным субъектом инновационной экономики, если он будет уверен, что его способности применяются им для себя самого, а не для акционеров корпорации, и если его труд будет высоко оплачен.

Развитие машинозамещения в России сдерживается дешевизной рабочей силы на рынке труда. Это одна из основных причин, удерживающих предпринимателей от обновления техники. Известно, что товаропроизводитель заинтересован в снижении издержек производства. Планируя результаты, он стремится подобрать наиболее дешевые и эффективные факторы производства, которые обеспечивают минимизацию затрат. Предприниматель в первую очередь сравнивает стоимость основного капитала и труда. Во всех развитых странах снижение затрат и повышение эффективности производства исторически достигалось путем замены дорогого живого труда (рабочей силы) более производительным и дешевым ресурсом — новой техникой. При этом для предпринимателя реализовался двойной эффект: во-первых, от разницы между высокой ценой рабочей силы и более низкой — техники; во-вторых, от повышения производительности труда работников на основе новой, более производительной техники. Следовательно, замена живого труда техникой для предпринимателя выгодна лишь при условии дороговизны труда и относительно невысокой (приемлемой) стоимости машин и оборудования. В промышленно развитых странах рабочая сила стоит дорого, затраты на покупку труда составляют 60 и более процентов всех издержек производства. В России вследствие низкого уровня заработной платы доля затрат на наем рабочей силы в расходах на производство промышленной продукции остается невысокой [5].

При невысокой оплате труда предприятие (организация) может себе позволить низкую производительность, поскольку выручка от продажи готовых изделий все равно будет больше издержек производства, формируемых низкой оплатой труда, и обеспечит получение прибыли. Такова логика: дешевизна рабочей силы, препятствуя обновлению средств производства, сдерживает рост производительности труда, а низкая производительность не создает экономических предпосылок повышения оплаты труда. Невысокая заработная плата не стимулирует высокопроизводительный труд, при этом сам предприниматель не заинтересован в росте производительности, поскольку он ничего не теряет от того, что труд его работников малопродуктивен. Другими словами, невысокий уровень оплаты труда позволяет предпринимателю, не упуская возможности реализовать свой интерес, мириться с низкой производительностью труда работников, не принимать действенных мер для технического перевооружения производства и повышения его эффективности.

Государство не регламентирует хозяйственную деятельность частного предпринимателя, но оно может экономически побуждать его к рациональному использованию рабочей силы. Такой побудительной мерой должен стать оптимальный минимум оплаты труда, то есть размер оплаты труда, гарантируемый государством (табл. 2), на уровне прожиточного минимума (табл. 3).

Таблица 2

Минимальная оплата труда в России [2]

Дата	Сумма в месяц, RUB	Сумма в месяц, \$USA
01.01.2012	4611	110,66
01.01.2013	5205	129,38
01.01.2014	5554	123,26
01.01.2015	5965	87,25

Как видно из табл. 2, российское правительство ежегодно увеличивает минимальную оплату труда. Но согласно законодательству Российской Федерации регионы сами вправе устанавливать свой МРОТ. Сделано это в связи с тем, что уровень жизни во многих субъектах РФ сильно отличается друг от друга. Рассмотрим размер минимальной зарплаты в России в зависимости от региона. Больше всех получают в столице: МРОТ в Москве в 2014 г. составил **12 600 руб.** Следом по размеру минимальной зарплаты идет Сахалинская область — **11 050 руб.** Другие лидеры рейтинга — Магаданская область, Новосибирская, Ямало-Ненецкий автономный округ: в среднем по всем этим регионам МРОТ составляет **11 000 руб.**

Таблица 3

Прожиточный минимум в России [2]

Величина прожиточного минимума в Российской Федерации	В расчете на душу населения, RUB	В расчете на душу населения, \$ USA
I квартал 2012	6307	210,09
II квартал 2012	6385	203,40
III квартал 2012	6643	202,40
IV квартал 2012	6705	216,92
I квартал 2013	7095	223,62
II квартал 2013	7372	234,85
III квартал 2013	7429	223,63
IV квартал 2013	7326	223,83
I квартал 2014	7688	215,89
II квартал 2014	8192	238,63
III квартал 2014	8086	223,93
IV квартал 2014	8234	135,67

В 2015 г. минимальный прожиточный минимум (ПМ) достигнет в целом по России 8200 руб. При этом наибольший размер ПМ установлен в городах федерального значения: для Москвы 13,9 тыс. руб., для Санкт-Петербурга 8,6 тыс. руб., а также для северных округов (до 16 тыс. руб. для Чукотского АО). При этом наименьший уровень прожиточного минимума пока предложен для

Севастополя, который с 18 марта 2014 г. входит в состав Российской Федерации в статусе города федерального значения, — 4,6 тыс. руб.

Росстат опубликовал данные, согласно которым численность населения Российской Федерации с доходами ниже прожиточного минимума в 2014 г. составила 16,1 млн человек, или 11,2% от всех жителей страны (согласно переписи населения 2010 г. — 142 856 536 чел.). Доходы беднейших и наиболее богатых россиян сейчас отличаются в 16 раз. По этому соотношению Россия «обскакала» всех своих соседей — Украину (9 раз), Казахстан (там разрыв составляет 5,3 раза), Белоруссию (5 раз). В странах Евросоюза этот разрыв до кризиса находился на уровне 6–8, а в последние два года понизился до 5–6 раз.

Рост заработной платы работников повышает планку производительности труда, экономически ограничивает возможности предприятий (организаций) в привлечении дополнительной рабочей силы, что заставляет руководителей к более эффективному использованию живого труда. Наряду с этим станут более действенными и другие факторы, влияющие на рост эффективности производства. В частности, увеличение зарплаток усилит мотивацию работников к повышению результативности труда, а руководства предприятий (организаций) — к замене живого труда техникой, что, в свою очередь, обеспечит дальнейший рост производительности всех ресурсов. По мнению В.И. Корнякова, необходима «передача полных экономических результатов каждого индивидуального повышения производительности труда (т.е. основной части созданной на рабочем месте динамической ренты) соответствующему работнику на условиях его индивидуальной собственности. Каждое учитываемое фирмой снижение удельных затрат (стоимости) ростом производительности труда отдельного работника — лишь начало общественного процесса дальнейшего уменьшения затрат во всем народном хозяйстве, захватывающего многие стадии обработки и ряд лет и включающего круговые воспроизводственные движения овеществленного труда» [4].

Общий итог — динамическая рента — многократно превышает тот результат, который обнаруживается на отдельном предприятии. Она образована высвобождением овеществленного и живого труда. В динамической ренте такой фонд для вознаграждения за инновации, который ныне для отдельных предприятий, работников просто фантастичен. Он достаточен для того, чтобы каждый работник не просто входил, а настойчиво стремился в инновационную экономику. Но чтобы «пробиться» к этой экономике динамической ренты, требуются крупные социально-экономические преобразования, а именно: снижение затрат от повышения производительности труда должно не превращаться в сверхприбыль индивидуального предпринимателя, а передаваться его партнерам и далее — партнерам партнеров по ходу общественного технологического процесса производства, нарастая и умножаясь на каждом переделе. Именно здесь и разворачиваются перспективы ускоренного интенсивного развития, преодоления сегодняшних кризисов [6].

Общественный рост сейчас идет по так называемой «стационарной» модели капиталовложений, при которой общий ежегодный объем ограничивается

потребностями реновации, массой амортизационных отчислений при относительно стабильной численности занятых в производстве и лимите создания новых рабочих мест. Такой рост сопровождается абсолютным и относительным удорожанием основного капитала, высокой долей отвлечения живого труда в производство средств производства при невысоких темпах роста общественной производительности труда и отсюда — упорно маячащей воспроизводственной инфляции.

Неисчерпаемым источником увеличения темпов роста общественной производительности труда является инициативная инновационная активность всех трудящихся. Однако уровень этой активности пока еще крайне недостаточен, на темпах роста общественной производительности труда он все еще не сказался. Если оплата труда работников сравнивается с динамической рентой, созданной за счет роста производительности их труда, то повышение их дохода будет гарантированно определяться только эффективностью их новаций, иначе говоря — их духовным творческим потенциалом. При долгосрочном функционировании экономики динамической ренты люди будут находить все более продуктивные производственные решения, обеспечивая темпы роста общественной производительности труда, превышающие критические.

До настоящего времени экономический рост достигался «докритическими» увеличениями общественной производительности труда, «утяжелением» общественного производства, добавочными вовлечениями живого труда в сферу текущего производства, увеличением в нем масс овеществленного труда, сокращениями доли живого труда, направляемого в производство для потребления. Сегодня труд, овеществленный в основном капитале, кратно превышает объемы труда в годовом совокупном общественном продукте.

Если человечество превысит критические темпы роста общественной производительности труда, откроется принципиально новая экономическая эпоха «полегчания» общественного производства с устойчивыми выведениями из него овеществленного труда, увеличением доли живого труда, направляемого в производство предметов потребления, выраженным непрерывным уменьшением цен на основную массу производимой продукции. Это качественно новая хозяйственная площадка для сокращения рабочего дня и увеличения массы свободного времени. Рабочие, удаляемые из текущего производства, не пополнят армии безработных, так как выводятся только что обновленные, технически самые совершенные рабочие места и квалифицированные работники, а направляются они в область создания новой техники, технологий, НИОКР, то есть в сферу развития. Будет использоваться их ум. В связи с этим можно привести следующий пример: НПО «Сатурн» заменило старое оборудование современным, которое отличалось большей производительностью и безбумажными технологиями, с созданием специализированных производств сверхвысокой эффективности и максимального качества продукции, с минимальными издержками, что позволило каждый год выпускать по два новых изделия, а конструкторское бюро вышло за пределы Рыбинска и функционирует уже в пяти городах.

Инновационная экономика актуализирует обязательность периодических обновлений основного капитала, причем каждое такое обновление привносит «свое» повышение производительности труда, важное добавление к ее складывающимся темпам. Необходимы специальные исследования, чтобы сделать прогноз о соотношении инвестиций и инноваций, которые должны будут формировать действительные темпы роста производительности труда. Темп обновления основного капитала должен определяться различными обстоятельствами, основными из которых следует считать сроки амортизации и период разработки нового поколения техники. По оценкам экспертов, темп обновления основного капитала будет определяться многими обстоятельствами, но основными можно считать сроки амортизации и сроки разработки нового поколения техники. Требуются ресурсы для создания техники и технологий новых поколений, которые общество сможет обеспечить только за счет повышения общественной производительности труда. Ресурсы для создания техники и технологий новых поколений общество сможет обеспечить только за счет повышения общественной производительности труда. Выведение обновленных, технически совершенных рабочих мест и высококвалифицированных работников будет происходить в область создания новых технологий и техники, НИОКР, другими словами, в сферу развития. От технико-производственной прорывности новых поколений разрабатываемых рабочих мест зависит цикл: инвестиции — преодоление удорожания текущего производства ростом производительности труда, инновациями, то есть его общее удешевление — выведение ресурсов в сферу развития — создание нового поколения техники и технологий — новые инвестиции нового цикла.

Таким образом, прослеживается следующая взаимосвязь: чем выше творческий потенциал работников сферы развития, тем эффективнее очередное поколение технического оснащения рабочих мест, тем значимее и продуктивнее инновации, тем выше общественная производительность труда и выведение ресурсов для создания техники и технологий очередного поколения.

Библиографический список

1. Инновационный прорыв: условия обеспечения, направления реализации / И.Б. Калашников, Н.В. Орлова, Н.А. Новикова [и др.]. Саратов, 2008.
2. Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики. URL: <http://www.gks.ru/>
3. Уколова Н.В. Формирование хозяйственного механизма инновационного развития социально-экономической системы: дис. д-ра экон. наук. Саратов, 2011.
4. Корняков В. Производительность труда: критические темпы роста // Экономист. 2008. № 11.
5. Экономическое исследование: анализ состояния и перспективы развития / А.А. Адаменко, О.А. Алексеева, А.В. Алиева [и др.]. Воронеж, 2009. Т. 18.
6. Новикова Н.В. Эффективная экономическая политика – основа перехода к структурно-инновационному этапу хозяйствования // Вестник Саратовского государственного технического университета. 2008. Т. 3, № 2 (35). С. 174–178.

A.N. Romantsov, E.Yu. Sidorova

**Lines of Development
of Corporate Culture
in a Production Organization**

The essence of corporate culture, its strategic role in mobilizing staff to achieve the results planned, are revealed. The authors note that the development of corporate culture in a production organization fully depends on the development of management culture, which manifests itself simultaneously in the object and the subject of management.

Key words and word-combinations: corporate culture, corporate governance, production organization.

Раскрывается сущность корпоративной культуры, ее стратегическая роль в мобилизации персонала на достижение запланированного конечного результата. Отмечается, что развитие корпоративной культуры всецело зависит от развития в производственной организации культуры менеджмента, проявляющейся одновременно в объекте и субъекте управления.

Ключевые слова и словосочетания: корпоративная культура, корпоративное управление, производственная организация.

УДК 174
ББК 87.754

А.Н. Романцов, Е.Ю. Сидорова

**НАПРАВЛЕНИЯ РАЗВИТИЯ
КОРПОРАТИВНОЙ
КУЛЬТУРЫ
В ПРОИЗВОДСТВЕННОЙ
ОРГАНИЗАЦИИ**

Эффективность функционирования производственной организации зависит от многих факторов, к ним относятся технический уровень производства, его организационное устройство, уровень квалификации исполнителей и их мотивацией к труду. Однако в трудовом коллективе можно наблюдать такую сферу взаимоотношений людей и структурных единиц, которая не подвергается влиянию обычных регламентов. Подобные взаимоотношения формируются годами исходя из опыта, сложившихся традиций, внутриорганизационных ценностей и соединяется в понятие «корпоративная культура». Уровень ее развития можно рассматривать как серьезный стратегический фактор, способствующий мобилизации всех структурных единиц в составе производственной организации и их персонала на достижение запланированного конечного результата.

В большинстве современных производственных организаций культуре уделяют значительное внимание. Но даже когда руководство осознает значение корпоративной культуры, часто ему не достает понимания того, каким образом в таком культурном пространстве работают люди и функционируют организации. Это обусловлено тем, что добиться понимания культуры, которое определяло бы действия людей в ее рамках чрезвычайно трудно.

Знакомство со многими научными работами, предметом которых выступает корпо-

ративная культура, свидетельствует о большом разнообразии ее определений, представляющихся весьма размытыми, связанными с различными поверхностными феноменами в виде системы норм поведения, модели поведения либо социальной модели.

На практике корпоративная культура выступает одним из наиболее результативных инструментов развития корпоративного управления, что в настоящее время становится предметом исследования на научных конференциях и в публикациях отдельных ученых. Многие организации стремятся использовать для развития своего рыночного потенциала мощь потенциала корпоративной культуры. В современном понимании корпоративная культура — это паттерн коллективных базовых представлений, обретаемых профессиональной группой при разрешении проблем внутренней интеграции и адаптации объединяющей их организации к изменениям внешней среды. Такой феномен можно считать эффективным, если он считается ценным и передается новым членам группы в качестве правильной системы восприятия и рассмотрения названных проблем [1, с. 25].

Как подчеркивают Ю.С. Емельянов и А.А. Хачатурян, успех любой организации в существенной степени зависит от того, насколько ее сотрудники объединены общими целями и общим отношением к своему труду. Именно корпоративная культура становится мощным стратегическим инструментом, позволяющим ориентировать все подразделения и отдельных исполнителей на единые цели, мобилизовать инициативу сотрудников, обеспечивать и облегчать общение [2, с. 23]. С мнением авторов нельзя не согласиться, так как корпоративная культура способствует становлению не только духовного, но и материального потенциала организации, проявляющихся в организации труда персонала и производства в целом.

По мнению М. Эльвессона, «организационная культура — это матричная концепция для обозначения способа мышления, который интерпретирует культурные и символические феномены». Ученый разъясняет, что подобное понимание подразумевает существование общности правил, регулирующих познавательные и эмоциональные аспекты членства в определенной организации, для всех членов организации. Он также не исключает в культуре ценностей и предположений о социальной реальности [3, с. 19–20].

По мнению Х.Ф. Биннера, внутри организации на основе принципов ее культуры формируется стиль работы, на них базируются правила поведения и ритуалы, нормы сотрудничества и обращения руководителей с подчиненными, общее отношение всех участников бизнеса к его сильным и слабым сторонам, возможностям и ресурсам [4, с. 53]. Именно поэтому, определяя приоритетные направления развития корпоративной культуры, необходимо учитывать взаимосвязь и взаимообусловленность материального и духовного потенциалов компании, поскольку материальный потенциал способствует воспроизводству и развитию духовного. Думается, что такая закономерность послужила причиной разделения корпоративной культуры на объективную и субъективную, что отражено во многих публикациях на эту тему. Объективная культура соответствует материальному потенциалу компании, а субъективная — духовному.

Развитие корпоративной культуры всецело зависит от развития в производственной организации культуры менеджмента, проявляющейся одновре-

менно в объекте и субъекте управления. Это обусловлено прежде всего тем, что рядовые члены трудового коллектива связывают проблемы организации с ошибками руководства.

В первом случае следует рассматривать механизм реализации и развития корпоративного управления, который соответствует миссии и другим целям производственной организации, определяет культуру бизнес-процессов в рамках корпорации руководства, обеспечивает финансовую устойчивость компании и ее инвестиционную привлекательность. Во втором случае речь идет о культуре представителей менеджмента, ее соответствии миссии компании, об их компетентности и партнерской надежности, способности к саморазвитию и разумному риску.

Следовательно, корпоративную культуру определяют факторы, оказывающие стимулирующее воздействие на поведение членов трудового коллектива: процесс постановки целей (планирование), организация и контроль выполнения работ, формирование и реализация системы мотивации. В конечном итоге все функции управления должны служить интересам мотивации персонала, становясь элементами корпоративной системы мотивации и способствуя развитию корпоративной культуры.

При развитии корпоративной культуры, когда она должна переходить в новое качественное состояние, необходимо осуществлять не просто корректировку ее элементов, а проводить замену устаревших ценностей, норм и правил на элементы, отвечающие современным реалиям. Делать это следует постепенно и корректно, чтобы исключить сопротивление изменениям со стороны членов трудового коллектива.

Одним из направлений развития корпоративной культуры должно стать улучшение процесса постановки целей, который является важным процессом в деятельности любой организации, поскольку работающие в ней люди должны знать, по каким векторам она будет развиваться. Функция планирования и постановки четких целей, так же как и последующая работа по их достижению, — одна из самых серьезных задач менеджмента: если сформулированная руководством цель воспринимается исполнителем как собственная, то есть он в результате ее достижения видит свой интерес, — начинает работать самомотивация, так как он сам распределяет усилия для достижения поставленной цели. Кроме того, базовые цели всегда были элементом организационной культуры и выступали связующим звеном в системе координации направлений деятельности любой организации.

Следовательно, и в корпоративной культуре единая цель должна способствовать взаимодействию между людьми в организации, наделенными конкретными полномочиями, когда результат реализации всех полномочий становится результатом достижения цели. Важно исходить из того, что стремление исполнителей к достижению целей мотивируется восприятием их ими как собственных, ради чего они и осуществляют конкретные действия, поскольку этот процесс становится для них осознанным.

Эффективность процесса постановки целей возрастет, если в нем будут принимать участие исполнители, так как вовлечение человека в процесс обсуждения целей приводит к росту его ответственности по своим обязатель-

твам. Если на индивидуальном уровне участие в постановке целей мотивирует исполнителя и обеспечивает повышенное чувство ответственности за выполняемую работу, то на групповом уровне обсуждение способов и сроков достижения целей способствует согласованию взаимодействия между подразделениями в рамках корпоративных процессов.

Здесь следует особое внимание обратить на такую форму обсуждения целей, как тренинги, дающие возможность исполнителям оторваться от повседневной работы, помогая правильно оценить ее качество и эффективность. Подобные корпоративные мероприятия способствуют развитию творческого потенциала трудового коллектива, налаживанию процесса коммуникации между подразделениями, стимулированию притока свежих идей и иных подходов к решению проблемных задач.

Эффективность постановки целей также возрастает при подкреплении их системой поощрения и обратной связью. Когда в рамках корпорации регулярно обеспечивается обратная связь, появляется еще один мотивирующий фактор в виде контроля. Поэтому совершенствование процессов организации и контроля над выполнением работ следует считать еще одним направлением развития корпоративной культуры.

Люди, работающие постоянно в любой организации, вынуждены значительную часть своего времени проводить в ее границах. Следовательно, для них важны комфортные условия труда, а ожидания каждого от конечного результата могут быть обусловлены особенностями личности работника. Для одних ожидания оправдываются материальными или моральными стимулами, для других — возможностью исполнения функций, которые получают положительную общественную оценку. Все это должно обеспечиваться организационно-распорядительными функциями, направленными на достижение результата от выполнения работ, эффективность которого в рамках корпорации обеспечивается контролем издержек по различным подразделениям, ответственным за данный результат. Такой контроль предоставляет возможность для количественного сопоставления и оценки вклада каждого подразделения в общий корпоративный успех.

Данный подход становится элементом корпоративной культуры, позволяющим руководству давать объективную оценку результатам, сравнивая их с плановыми показателями по каждой структурной единице, выступающей самостоятельным объектом планового процесса и отвечающей за достижение установленных показателей. Делегирование полномочий подобному подразделению определяет его в виде центра ответственности, а возникающие несоответствия плановым показателям регистрируют как в месте их обнаружения, так и в ответственном подразделении.

В случае если затраты, возникающие за рамками данных центров ответственности, в них обнаруживаются, то необходимо дополнительные издержки относить на подразделение, допустившее такие издержки, а не на подразделение, где они выявлены. Например, если сборочный цех не выполнил план по причине отсутствия комплектующих, изготавливаемых механическим цехом, то ответственность за это возлагается на механический цех.

Другим элементом корпоративной культуры можно представить внутрикорпоративные цены и систему производственного контроля. Внутрикорпо-

ративные цены разрабатываются исходя из запланированной себестоимости по каждому конкретному подразделению, по которой подразделения-потребители покупают детали у подразделения-поставщика, а не по сложившейся в результате производства себестоимости. Значит, выявленные отклонения в процессе производства комплектующих должны включаться в себестоимость подразделения-поставщика, а не подразделения-покупателя.

Производственный контроль в данном случае обеспечивает корректировку себестоимости исходя из величины штрафов, накладываемых на внутренних поставщиков по результатам их взаимодействия с партнерами по технологическому процессу. Штрафы при этом выставляются по результатам претензий смежников друг другу, основанием которых являются срыв поставки деталей и комплектующих, некачественная продукция, нарушение установленного ритма производства и другие аспекты производственной деятельности, а общая сумма ущерба предъявляется виновной стороне.

Основой для развития корпоративной культуры в современных условиях должна стать ориентация на потребителя, которая должна превратиться в смысл деятельности трудового коллектива, когда потребителями становятся не только клиенты организации, но и все подразделения и сотрудники, работающие на нем. Суть такой ориентации состоит во взаимодействии сотрудников, руководства и подразделений в целях достижения сбалансированности интересов всех участников корпоративных процессов. При удовлетворении интересов внутренних потребителей создаются условия для наибольшей удовлетворенности потребителей внешних — клиентов организации.

Задача любого вида деятельности в рамках корпорации состоит в создании ценностей для потребителя и поставке их на рынок в обличье конкретного продукта. При этом процесс функционирования корпорации следует воспринимать как процесс производства ценностей и доведения их потребителям в виде товаров. Многие руководители отечественных предприятий оценивают результаты их работы лишь по величине получаемой прибыли, забывая о роли потребителей, которые эту прибыль обеспечивают, приобретая товары организации. Как правило, высокие показатели прибыли приводят руководителей к «самоуспокоенности», препятствуя обнаружению низкого качества обслуживания потребителей, равно как и увеличение продаж, не гарантирует прибыльного положения в долгосрочной перспективе. Все это обеспечивают довольные потребители продукции и услуг, которые становятся лояльными к производителю. Трудовые коллективы обязаны считать потребителей своим особо ценным активом, постоянно ориентируясь в деятельности на то, что для них ценно и на решение их проблем.

Ориентация на потребителя начинается до материализации бизнес-идеи, продолжаясь в процессах разработки товаров, их производства и реализации, корректируя процессы реструктуризации и управления в целом в соответствии с требованиями потребителей. Каждый вид деятельности, осуществляемый в границах корпорации, должен влиять на рост удовлетворенности клиентов.

Если корпоративное управление — это процесс достижения и обеспечения сбалансированности интересов всех участников корпоративных процессов, а корпоративная культура способствует их интеграции в этих процессах, то

еще одним направлением развития корпоративной культуры должно стать совершенствование корпоративной системы трудовой мотивации, способствующей направлению энергии членов трудового коллектива в нужное направление [5, с. 358]. Задача управления в этом случае состоит в том, чтобы превратить структуру трудовой мотивации работающих в более зрелую и устойчивую, содействующую гармонизации интересов отдельных работников и трудового коллектива. Поэтому в современных условиях нужно искать новые подходы к осуществлению трудовой мотивации, обеспечивающие эффективное использование трудового потенциала персонала.

Наряду с традиционным материальным стимулированием, где основную роль выполняют деньги, следует широко использовать различные неденежные стимулы, подкрепляющие существующую систему оплаты труда иными методами. Поиск соответствующих мотивов, побуждающих персонал эффективно трудиться, обусловлен динамичностью окружающей среды, когда ценности и интересы многих работников быстро меняются. Однако причиной внедрения такой системы не может быть экономия фонда заработной платы, так как термины «неденежные стимулы» и «бесплатно» неравнозначны. Применение неденежных стимулов неминуемо вызывает соответствующие затраты, но в конечном итоге должно приносить отдачу: у людей появляется интерес в обеспечении сбалансированности личных интересов и целей трудовой деятельности, когда приоритет отдается работе.

Нематериальное стимулирование нужно осуществлять по разным направлениям. Первое — реализация социальной политики, обеспечивающей защиту персонала в социальном плане, включающей предоставление комфортных условий труда, обеспечение сотрудников фирменной спецодеждой, наличие корпоративных санаториев и баз отдыха, проведение внутренних праздников и спортивных мероприятий.

Ключевым направлением социальной политики должен стать здоровый образ жизни и профилактика заболеваний сотрудников в целях снижения числа невыходов на работу по болезни. Формируя соответствующую программу с учетом возраста персонала, за каждой группой подразделений важно закрепить медицинского специалиста, который мог бы проводить мониторинг состояния здоровья и диагностику в целях своевременного обнаружения заболевания и его предотвращения. Реализация подобной социальной программы в рамках корпоративной культуры обеспечивает эмоциональную привязанность членов трудового коллектива к своей организации и желание оставаться ее членом.

Второе направление неденежного стимулирования — это организация экономического соревнования, поскольку в каждом человеке от природы заложено соревновательное начало и желание быть первым. Соревнование, во-первых, способствует созданию соответствующей атмосферы, наполненной соревновательным духом персонала, во-вторых, позволяет руководству отметить отличившихся передовиков, демонстрируя им признательность. Кроме того, соревнование способствует лучшему пониманию людьми ставящихся перед ними целевых установок, вызывает у них ощущение причастности к общему успеху и желание предпринимать личные усилия, внося персональный вклад в достижение целей организации.

Как направление развития корпоративной культуры следует также рассматривать движение производственной организации к иной модели своего развития в условиях экономики знаний. Основой новой модели развития выступает интеллектуальный капитал, задача аккумуляции которого становится приоритетной для современных организаций. Параллельно ставится задача управления знаниями, их распространением, исключения информационной асимметрии в работе организации. В таких условиях корпоративная культура способствует формированию и развитию инновационного потенциала организации за счет расширения полномочий исполнителей, предоставления им возможности не только осваивать новинки производства в соответствии с результатами научно-технического прогресса, но и стать его движущей силой.

Таким образом, сложившаяся в организации культура менеджмента обуславливает поведение сотрудников, в свою очередь формирующее новые направления развития корпоративной культуры, основным показателем эффективности которых должно стать изменение трудового поведения персонала, выражающегося во взаимодействиях друг с другом. Корпоративная культура становится своеобразным катализатором, формирующим благоприятный морально-психологический климат в коллективе, характеризующийся высокими моральными качествами его членов, их эмоциональным и физиологическим благополучием, сплоченностью профессиональных групп, повышенной трудовой мотивацией, высоким уровнем производительности труда, их приверженностью организации и ее целям.

Приверженность персонала следует рассматривать как основной результат развития корпоративной культуры, когда работник отождествляет себя с организацией, всячески способствует ее рыночному успеху и не собирается ее покидать. Кроме того, корпоративная культура предоставляет членам трудового коллектива возможность для раскрытия их индивидуальных потенциалов и способствует появлению в их работе новых традиций.

Необходимость осуществления инновационной деятельности обуславливает появление новых параметров корпоративной культуры в виде уверенности персонала в том, что их инициативы будут всегда рассмотрены руководством организации, что выбранные ими направления улучшения работы будут одобрены. Это мобилизует коллектив на решение новых задач и достижение новых целей.

Библиографический список

1. *Спивак В.А.* Организационная культура. СПб., 2004.
2. *Емельянов Ю., Хачатурян А.* Корпоративная культура как «формула успеха» бизнес-организаций // Проблемы теории и практики управления. 2009. № 1. С. 23–33.
3. *Эльвессон М.* Организационная культура / пер. с англ. Харьков, 2005.
4. *Биннер Х.С.* Управление организациями и производством: от функционального менеджмента к процессному. М., 2010.
5. *Сидорова Е.Ю., Зубрилин И.Н.* Содержание механизма реализации и развития корпоративного управления в социально-экономической системе // Известия Саратовского университета. Новая серия. Сер.: Экономика. Управление. Право. 2014. № 3. С. 356–361.

V.V. Gerasimova, A.M. Mansurov

**The Mechanism of Enterprises
Development Management as Part
of a Public-Private Partnership**

This article discusses the development of the private sector participants in public-private partnerships, analyzes objective preconditions for the development of the private sector in their interaction with other members of the partnership. The directions of the development of enterprises as part of a public-private partnership and proves the necessity of the formation mechanism of enterprise management as part of a public-private partnership with the use of project and process management. Enterprise Management as part of the partnership must be based on a combination of public management and the management of commercial organizations.

Key words and word-combinations: public-private partnerships, project management, social responsibility of public-private partnerships.

Рассматриваются вопросы развития предприятий частного сектора участников государственно-частного партнерства. Анализируются объективные предпосылки развития предприятий частного сектора при их взаимодействии с другими членами партнерства. Доказывается необходимость формирования механизма управления предприятием в составе государственно-частного партнерства с использованием проектного и процессного менеджмента.

Ключевые слова и словосочетания: государственно-частное партнерство, проектный менеджмент, социальная ответственность государственно-частного партнерства.

УДК 338
ББК 65.290

**В.В. Герасимова,
А.М. Мансуров**

**МЕХАНИЗМ УПРАВЛЕНИЯ
РАЗВИТИЕМ ПРЕДПРИЯТИЯ
В СОСТАВЕ
ГОСУДАРСТВЕННО-ЧАСТНОГО
ПАРТНЕРСТВА**

Развитие государственно-частного партнерства в России обусловлено необходимостью усиления контактов между государственными и частными секторами экономики и придания импульса экономическому развитию страны. Государственно-частное партнерство обеспечивает привлечение частного капитала к реализации стратегически важных инфраструктурных объектов и тем самым способствует снижению бюджетной нагрузки при выполнении поставленных задач в целях социально-экономического развития страны.

Реальные результаты плодотворного сотрудничества государства и бизнеса подтверждаются увеличением количества проектов, выполняемых на условиях государственно-частного партнерства. По данным Центра развития государственно-частного партнерства, созданного на федеральном уровне, число указанных проектов в 2014 г. выросло по сравнению с 2013 г. в 4,4 раза. В 2015 г. в стране осуществляется 595 проектов на условиях государственно-частного партнерства, большая часть из которых реализуется на транспорте, в социальной и коммунальной сферах, в энергетике. По количеству вложенных финансовых средств в совместные проекты лидируют такие отрасли хозяйства, как транспорт

(503 млрд руб.), коммунальное хозяйство и социальная сфера (475 млрд руб.), энергетика (46 млрд руб.). Среди регионов-лидеров, осуществляющих проекты с участием государственно-частного партнерства, следует выделить Санкт-Петербург, Республику Татарстан, Москву, Новосибирскую и Нижегородскую области [1].

Тем не менее анализ практики реализации проектов на условиях государственно-частного партнерства свидетельствует о том, что негативные воздействия на развитие государственно-частного партнерства влияет наличие противоречий, которые возникают в результате слабой проработки на уровне федерального законодательства вопросов реализации проектов государственно-частного партнерства в социальной сфере, и прежде всего в ЖКХ. Это происходит потому, что на федеральном уровне законодательство ориентируется главным образом на реализацию объектов транспортной инфраструктуры, а в регионах осуществляются преимущественно объекты социальной инфраструктуры ЖКХ на принципах государственно-частного партнерства [2].

Наряду с привлечением частных инвестиций в отрасли народного хозяйства чрезвычайно важную роль государственно-частного партнерства играет в развитии предприятий частного сектора, входящих в состав партнерства. Это обусловлено транзакционным обменом, который осуществляется как внутри государственно-частного партнерства, так и на внешнем уровне. В процессе внутреннего транзакционного обмена происходит передача прав собственности на государственные активы предприятиям частного сектора. Права собственности на государственные активы, такие как право на пользование, право на доход, право на управление, дают предприятию возможность участвовать в управлении совместными активами государственно-частного партнерства, в распределении дохода в целом и получения дополнительного дохода от синергетического эффекта при использовании материально-вещественных активов в процессе при реализации совместного проекта. Это дает основание считать, что в результате внутренних транзакций для частного предприятия в составе государственно-частного партнерства создается правовая основа для совместного производства, распределения обмена и непосредственно самим государственно-частным партнерством. Следует также иметь в виду и тот факт, что частное предприятие в составе государственно-частного партнерства сохраняет принадлежащие ему основополагающие права собственности на собственные активы, что дает ему возможность сохранять автономию и относительную экономическую обособленность в условиях партнерства и выход из его состава.

В процессе внутренних транзакций предприятие передает свои права собственности государству, которые следует определить как права собственности организационного характера. К ним следует прежде всего отнести право представления предприятия во внешней среде, право подписания внешних контрактов. Получая права собственности на использование активов других членов государственно-частного партнерства, предприятие наряду с получением дополнительного дохода, который обеспечивает ему прирост собственных

активов, получает возможность обеспечения прироста активов предприятия в целом более быстрыми темпами по сравнению с увеличением активов при автономном его функционировании. Об этом наглядно свидетельствует участие малых предприятий в составе государственно-частного партнерства, которые нарастили собственные активы более чем в 2 раза, а доля их участия в финансировании совместных проектов выросла с 18 до 72% за относительно короткий период [3, с. 14–15].

Наряду с внутренним транзакционным обменом осуществляется внешний транзакционный обмен, который можно рассматривать как процесс обмена с агентами внешней среды в процессе реализации объектов инфраструктуры, а также проектов при разработке природных ресурсов. Любой процесс обмена с внешней средой грозит для предприятия увеличением транзакционных издержек, однако институт государственно-частного партнерства обеспечивает в определенной мере снижение транзакционных издержек предприятий, входящих в его состав. К транзакционным следует отнести информационные издержки, касающиеся поиска информации, ее анализа и хранения; издержки, возникающие при ведении переговоров, а также издержки, связанные с проведением внутреннего контроля за деятельностью партнеров, издержки защиты от третьих лиц с целью защиты членов партнерства от экономического давления и претензий. Все эти виды транзакционных издержек берут на себя государственные структуры, члены партнерства, либо само государственно-частное партнерство как выразитель интересов своих членов. Частное предприятие в составе партнерства имеет возможность снижения транзакционных издержек ввиду того, что институт государственно-частного партнерства выступает инструментом институциональных изменений, положительно влияющих на снижение общего уровня транзакционных издержек.

Развитие предприятия в составе государственно-частного партнерства осуществляется за счет активного внутреннего транзакционного обмена, обеспечивающего передачу прав на пользование, управление государственными и частными активами, а также прав на распределение совместного дохода в дополнение к правам владения собственными активами предприятия. Основными направлениями развития предприятия в системе государственно-частного партнерства являются производственно-техническое, технологическое; инновационное; социально-экономическое; организационно-управленческое; коммуникативное.

Производственно-техническое, технологическое развитие предприятия нуждается в модернизации производственно-технической базы предприятия за счет собственных источников, а также за счет капитализации доли совместного дохода, который получает предприятие в составе партнерства. Следствием производственно-технического и технологического развития являются гибкость производства, адаптивность к быстрой смене потребностей клиентов, достигаемые за счет доступа к использованию технологий других предприятий — участников партнерства.

Инновационное развитие предприятия характеризуется адаптацией предприятия к работе в новом технологическом укладе, а также в инновационном секторе экономики. Это обуславливает необходимость импортирования знаний в организацию, требует систематизации знаний и развития интеллектуального капитала организации, а в отдельных случаях использования знания в качестве экономического фактора производства.

Социально-экономическое развитие предприятия базируется на повышении эффективности производства в результате эффекта масштаба, а также на участии в бизнес-процессах предприятия совместно с остальными членами партнерства, что дает возможность приобщиться к новым технологиям других предприятий. Вследствие этого растет конкурентоспособность предприятия и его работников, поскольку реализуется внутренний механизм роста доходов, рентабельности и экономия на снижении издержек. Отметим, что совершенствуются экономические и социально-трудовые отношения на предприятии в связи с развитием кооперации сотрудников, а также вследствие внедрения принципов социальной справедливости и социальной ответственности.

Организационно-управленческое развитие предприятия в составе партнерства возможно в результате формирования модели управления предприятием на принципах публичного менеджмента и менеджмента коммерческих предприятий, которые позволяют использовать активные и пассивные формы для привлечения сотрудников к управлению предприятием и реализовать контрольные функции публичного менеджмента.

Коммуникативное развитие предприятия направлено на то, чтобы совершенствовать информационные и коммуникативные технологии, а также их инструменты при взаимодействии предприятия с агентами внешней среды и партнерами по бизнесу. Именно коммуникативное развитие предприятия дает возможность ему входить в промышленные сети, а также использовать различные формы сотрудничества с другими хозяйствующими субъектами.

На развитие предприятий в составе государственно-частного партнерства оказывают влияние внешние и внутренние факторы. В качестве внешних факторов можно назвать кооперацию работников в составе партнерства; аккумуляцию знаний и формирование интеллектуального капитала предприятия в результате импортирования и транзита знаний при взаимодействии предприятия с другими членами в составе партнерства. К внутренним факторам следует прежде всего отнести созданный экономический потенциал предприятия; опыт работы предприятия в составе партнерства, управление взаимодействием членов партнерства.

Механизм управления развитием предприятия в составе партнерства можно рассматривать как реализацию функций процессного и проектного менеджмента, которые способны воздействовать на указанные направления развитием предприятия. Овладевая технологией проектного менеджмента, руководство предприятия сможет определять отношения с внешними заказ-

чиками, ликвидировать нарушения в плановых заданиях, снижать возникающие потери.

Инструменты проектного менеджмента позволяют использовать в процессе управления технологию ключевых изменений при реализации проекта, увязку бизнес-интересов предприятия с исполняемым проектом. В то же время проектный менеджмент даст возможность изменить существующую организацию производства и создать условия на выбор новых направлений в деятельности предприятия и в изменении технологий для производства новых продуктов.

В результате использования проектного менеджмента на предприятии создаются предпосылки к совершенствованию специализации основной деятельности, расширению новых видов специализации и к освоению новых видов производственной деятельности. Особо велика роль проектного менеджмента для социально-экономического и организационно-управленческого направлений развития предприятий в составе партнерства, поскольку меняется организационная структура предприятия и расширяются возможности демократизации в управлении предприятием. Использование процессного менеджмента обуславливает изменение формата взаимодействия участников бизнес-процессов.

Предприятие в составе государственно-частного партнерства получает возможность обучения моделированию потока взаимосвязанных и взаимозависимых бизнес-процессов и осуществлению их мониторинга. В целом можно отметить, что процессный менеджмент способствует развитию предприятия по таким направлениям, как производственно-техническое, технологическое; социально-экономическое и организационно-управленческое.

Наряду с проектным и процессным менеджментом, предприятия в составе государственно-частного партнерства имеют возможность использовать в системе управления предприятием элементы публичного менеджмента и менеджмента коммерческих предприятий, что позволяет активизировать контроль в различных формах, и прежде всего расширить полномочия публичного контроля, публичного аудита и публичного прокьюремента.

Публичный менеджмент способствует выстраиванию бизнес-процессов на предприятии, определению критериев и направлений развития предприятия на перспективу, выбору менее затратных форм повышения квалификации и совершенствования компетенции работников предприятия. Публичный менеджмент также обеспечивает адаптацию предприятия к внешней среде, что особенно важно для него после выхода из состава партнерства, поскольку дает возможность встраиваться в производственные сети.

Анализ системы управления предприятием в составе государственно-частного партнерства свидетельствует о том, что менеджмент коммерческих организаций создает условия для разработки стратегии развития предприятия на перспективу, обеспечивает техническую модернизацию производства, определяет стратегические преимущества предприятия, исходя из того, насколько эти преимущества будут достаточны для предприятия в будущем [4].

Сочетание публичного менеджмента и менеджмента коммерческих организаций позволяет реализовать в деятельности предприятия принципы рации-

ональности и эффективности производственно-хозяйственной деятельности; ориентации на общественные ценности при производстве услуг и при реализации инфраструктурных проектов; принцип отличительных конкурентных преимуществ предприятия, обеспечивающих ему определенный запас прочности в производственно-хозяйственной деятельности и возможности занять выгодную позицию на рынке при выходе из состава партнерства; принцип стабилизации производственно-хозяйственной деятельности предприятия и успешного взаимодействия с партнерами и работниками предприятия.

При реализации проектов с участием государственно-частного партнерства важную роль играет принцип социальной ответственности. Социальная ответственность рассматривается как коллективная социальная ответственность бизнес-партнеров во взаимосвязи с коллективной ответственностью государства в составе партнерства. Таким образом, социальную ответственность государственно-частного партнерства следует рассматривать как синтез социально-экономических и политических аспектов в деятельности государства и бизнеса, выражающих сопричастность к национальным нуждам, чаяниям и интересам народа и страны [5].

Подводя итог, можно сделать вывод, что механизм управления развитием предприятия в системе государственно-частного партнерства обеспечивается за счет регулирующего воздействия на выбор и реализацию направлений развития предприятия с помощью инструментов и методов проектного менеджмента и процессного менеджмента, а управление функционированием предприятия реализуется на принципах менеджмента коммерческих организаций и публичного менеджмента. Именно упор на использование элементов менеджмента коммерческих организаций и публичного менеджмента способствует ориентации производственно-хозяйственной деятельности предприятия на общественные ценности, на выявление и отработку собственных отличительных конкурентных преимуществ, которые обеспечивают стабилизацию основной его деятельности, а также освоение новых видов производства и возможности занять лидирующие позиции на рынке после выхода из состава партнерства.

Библиографический список

1. *Шмелева Е.* Области партнерства // Российская газета. 2015. 24 марта.
2. Государственно-частное партнерство в регионе Центрального федерального округа. М., 2010.
3. *Лушпинин К.В.* Управление устойчивым развитием малых предприятий в системе стратегического взаимодействия с органами власти, коммерческими и некоммерческими организациями. Саратов, 2007.
4. *Мочальников В.Н.* Государственно-частное партнерство: отечественный опыт, мировые тенденции, вектор развития для России. М., 2012.
5. *Герасимова В.В., Майбородин В.А.* Социальная ответственность государства и бизнеса в системе частно-государственного партнерства // Развитие социальной ответственности и партнерских отношений между государством и гражданским обществом. Саратов, 2014.

V.G. Semenova, O.S. Skorokhodova

**Party Determination
of Regional Political Regimes
(Case Study of the Saratov Region)**

The article discusses some approaches to the study of regional political regimes. The author identifies and analyzes the main directions of the relationship functioning of regional political parties and Executive authorities in the Saratov region.

Key words and word-combinations: regional political regime, regional executive power, governor, political parties.

Рассматриваются отдельные подходы к изучению региональных политических режимов. Выделяются и анализируются основные направления взаимосвязи региональных политических партий и исполнительной власти в Саратовской области.

Ключевые слова и словосочетания: региональный политический режим, региональная исполнительная власть, губернатор, политические партии.

УДК 323
ББК 66.3(0)

**В.Г. Семенова,
О.С. Скороходова**

**ПАРТИЙНАЯ
ДЕТЕРМИНАЦИЯ
РЕГИОНАЛЬНЫХ
ПОЛИТИЧЕСКИХ РЕЖИМОВ
(на примере
Саратовской области)**

В настоящее время категория «региональный политический режим», несмотря на дискуссионность и неоднозначность трактовок, становится традиционной для анализа специфики региональных политических процессов. Существует множество теоретико-методологических подходов к определению базовой категории «политический режим», производного от нее понятия «региональный политический режим», способов и методов их типологизации, моделей изучения [1; 2; 3]. Ключевым аспектом изучения региональных режимов, на наш взгляд, является вопрос формализации изучаемой категории, поиска адекватных переменных анализа, поддающихся количественному и качественному анализу. Как правило, современные исследователи специфики российских регионов в качестве методологической модели оперируют дихотомией «авторитаризм — демократия», оценивая, институты, ресурсы и стратегии основных акторов региональной политики. Однако оценка в поле авторитарности — демократичности выглядит достаточно ограничено, не показывает всей специфики функционирования власти в регионе (например, авторитарность может опираться абсолютно на разные основания), дает не-

достаточно информации для построения объяснительной модели политического развития региона.

Наиболее релевантной для исследования специфики региональных политических режимов является, на наш взгляд, многомерная модель анализа, предложенная Р.Ф. Туровским [4]. Дихотомия авторитаризма и демократии стала лишь одним из векторов данной системы взаимосвязанных параметров или осей изучения региональных режимов, наряду с осями, автономия — зависимость, моноцентризм — полицентризм, консолидация — конкуренция. С одной стороны, каждая из обозначенных осей может являться направлением самостоятельного анализа; с другой — многие параметры пересекаются, дополняя друг друга, «работая» на изучение нескольких переменных.

Попытаемся оценить наличие одного или нескольких центров региональной политической власти в Саратовской области, то есть провести исследование в рамках вектора «моноцентризм — полицентризм». В центре исследовательского внимания оказывается оценка степени доминирования региональной исполнительной власти в региональном институциональном дизайне.

Следует отметить, что до 2012 г. первичным критерием оценки степени доминирования губернаторской власти могла служить сама процедура утверждения губернатора законодательным собранием, которая применялась с 2005 г. повсеместно в российских регионах. Оценивая прохождение данной процедуры, можно понять, является ли кандидатура губернатора навязанной федеральным центром (так называемым «варягом»), результатом договоренности элит либо представителем единственной политической силы в регионе в виде правящей партии. В Саратовской области данная процедура проводилась дважды, и оба раза кандидаты в губернаторы — П.А. Ипатов (поддержан 28 из 30 депутатов областной Думы) и В.В. Радаев (поддержан 30 из 32 депутатов) — были утверждены без проблем [5]. Более того, в случае утверждения В.В. Радаева вопрос о возможной оппозиции со стороны законодательной власти был неуместен, поскольку до избрания на должность губернатора он занимал пост спикера Саратовской областной Думы и являлся членом партии «Единая Россия», имеющей на тот момент абсолютное большинство голосов в региональном парламенте.

Однако с 2012 г. реформирование системы выборов — назначений губернаторов предоставило регионам самостоятельность в определении процедуры избрания главы региона. В соответствии с новыми поправками в Федеральный закон от 6 октября 1999 г. № 184-ФЗ (в ред. от 5 октября 2015 г.) «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» выборы губернатора осуществляются гражданами Российской Федерации на основе всеобщего равного и прямого избирательного права при тайном голосовании. Саратовские законодатели выбрали только один вариант выдвижения кандидатов на должность губернатора — избирательными объединениями (политическими партиями), проигнорировав возможность самовыдвижения кандидатов [6]. Таким образом, произошло смещение «акцентов»: с одной стороны, законодательное собрание региона потеряло рычаг непосредственного влияния на губернатора в виде утверждения его на должность, что ослабило

позиции законодательной власти на изучаемой нами оси; с другой стороны, ведущая политическая партия закрепила за собой право контролировать процесс выдвижения и регистрации кандидатов в губернаторы области.

Подобная практика сложилась не только в Саратовской области, но и в подавляющем большинстве регионов России. По данным ЦИК РФ, в единый день голосования 13 сентября 2015 г. выборы высших должностных лиц проводились в 21 субъекте РФ, однако самовыдвижение кандидатов в губернаторы предусмотрено законодательством только одного региона — Кемеровской области. Интересно, что всего на указанных выборах было выдвинуто 142 кандидата, в том числе 141 — политическими партиями и их региональными отделениями и 1 — в порядке самовыдвижения (Кемеровская область), зарегистрировано же было 99 кандидатов (98 — от политических партий и 1 — в порядке самовыдвижения). Всего на выборах высших должностных лиц субъектов РФ выдвинули своих кандидатов 27 политических партий [7].

Помимо абсолютного контроля над процессом выдвижения кандидатов на должность губернатора ведущей политической партией, можно выделить еще один не менее весомый аргумент ее влияния — так называемый «муниципальный фильтр». В соответствии с Федеральным законом кандидаты должны поддержать от 5 до 10% депутатов представительных органов муниципальных образований и избранных на выборах глав муниципальных образований, но конкретная цифра устанавливается в законе субъекта РФ. Так, из 21 региона Российской Федерации, где проходили выборы высших должностных лиц 8 сентября 2015 г., самый высокий «фильтр» в 10% установлен в Сахалинской области, Краснодарском и Камчатском краях; в Архангельской и Калининградской областях — по 8%; в Ленинградской области и Чувашской Республике — 7%; минимальная поддержка в 5% требуется в Республике Татарстан, Иркутской и Ростовской областях [7].

В Саратовской области согласно Закону от 28 июня 2012 г. № 92-ЗСО «О выборах губернатора» в поддержку выдвижения кандидата избирательным объединением должно быть собрано 6% подписей депутатов представительных органов муниципальных образований и (или) избранных на муниципальных выборах глав муниципальных образований, находящихся на территории области, от общего числа указанных депутатов, предусмотренного уставами муниципальных образований на день принятия решения о назначении выборов губернатора области. По данным Федеральной службы государственной статистики, на 1 января 2015 г. в Саратовской области насчитывается 396 муниципальных образований [8]. Исходя из подсчетов, сделанных в результате нашего исследования, количество депутатских мандатов в них — 4262. Следовательно, каждому претенденту для участия в избирательной кампании необходимо собрать порядка 255 подписей муниципальных депутатов, и максимально возможное число кандидатов составляет 16 человек.

Важно отметить, что кандидату необходимо получить поддержку не менее чем в трех четвертях соответственно муниципальных районов и городских округов, внутригородских муниципальных образований, при этом депутат представительного органа муниципального образования может поддержать только одного кандидата. Учитывая фактическую зависимость глав местного самоуп-

равления от руководителей регионов, нереально рассчитывать на их подписи в поддержку представителей оппозиционных партий. Таким образом, анализ нормативной базы позволяет утверждать, что доминирующая политическая партия имеет все возможности и шансы определять политическую повестку дня, играть решающую роль в формировании исполнительной власти региона. Иными словами, доминирующая политическая партия выступает фундаментом политической власти в регионе.

В свете данного утверждения важной проблемой становится изучение партийного представительства в региональном и муниципальных законодательных собраниях Саратовской области. Анализ результатов выборов в законодательные (представительные) органы власти субъектов РФ 13 сентября 2015 г. позволяет сделать вывод о том, что, несмотря на достаточно высокое разнообразие политических партий, принимавших участие в выборах, итоговый состав региональных парламентов не изменился. По данным ЦИК РФ, выборы в региональные законодательные органы власти проходили в 11 регионах, всего в них принимали участие 36 политических партий, в каждом регионе это был разный состав партийного представительства, от пяти политических партий в Челябинской области до 15 в Костромской области [7]. Однако только четыре парламентские партии — «Единая Россия», КПРФ, «Справедливая Россия» и ЛДПР с разными результатами преодолели установленный барьер и смогли продемонстрировать реальные возможности конкурировать на выборах в современных условиях.

Напомним, что последние выборы в Саратовскую областную Думу пятого созыва проходили 14 октября 2012 г. По результатам этих выборов в региональный парламент прошли представители трех политических партий, как и в предыдущий раз («Единая Россия», КПРФ, «Справедливая Россия»). Можно утверждать, что уровень конкуренции в рамках регионального парламента существенно уменьшился. Несмотря на то что число участников регионального избирательного процесса увеличилось более чем вдвое (13 политических партий) по сравнению с выборами в 2007 г. (5 политических партий), эффективное число партий сократилось с показателя 2,43 по индексу Лааксо и Таагапера в 2007 г. до 1,62 в 2012 г. [9]. При этом представитель от регионального отделения партии «Справедливая Россия» вошел в состав депутатского корпуса исключительно благодаря поправкам в избирательное законодательство, гарантирующим один мандат партии, преодолевшей 5%-ный барьер. На настоящий момент в Саратовской областной Думе из 45 депутатов 43 входят во фракцию «Единая Россия», 1 — представитель КПРФ, 1 — представитель «Справедливой России». В такой ситуации сложно говорить о конкуренции и межпартийном взаимодействии, что создает дальнейшие благоприятные условия для функционирования моноцентризма в регионе. Представители этих же политических партий работают в законодательных органах власти муниципального уровня, численность которых представлена в таблице.

Анализ состава представительных органов власти наиболее влиятельных муниципальных образований в регионе показывает, что доля представителей партии «Единая Россия» в среднем составляет 64—92%. Для потенциальных кандидатов оппозиционных партий ситуация выглядит не очень позитивно. Учитывая фактическую зависимость глав местного самоуправления от региональной власти, став-

ленниками которой они фактически являются, нереально и абсурдно рассчитывать на их подписи в поддержку оппозиционных партий. Таким образом, возможность пойти на выборы определяется людьми, по сути находящимися в зависимости от вышестоящих органов власти. С одной стороны, это укрепляет моноцентризм региональной власти, основанной на абсолютном доминировании одной политической партии в представительных органах разного уровня на территории области. С другой стороны, возможно смещение конкурентной борьбы на внутрипартийный фронт. Гипотетически альтернативными действующему губернатору кандидатами могут стать другие активные представители «Единой России», имеющие региональное происхождение (Н. Панков, О. Баталина, О. Грищенко).

**Партийная составляющая представительных органов власти
муниципального уровня (действующий созыв)**

Населенный пункт	Всего депутатов	Инкубенты	«Единая Россия»	КПРФ	ЛДПР	«Справедливая Россия»	Самовыдвиженцы
МО «Город Балаково»	25	–	23	1	1	–	–
Балаковский МР	25	2	16	4	–	1	4
МО «Город Маркс»	20	–	10	–	–	3	7
Марковский МР	20	3	16	–	–	2	2
МО «Город Саратов»	41	14	38	2	–	1	–
МО «Город Энгельс»	25	–	23	–	–	1	1
Энгельский МР	25	8	17	4	–	1	3

Подводя предварительные итоги, можно утверждать, что доминирующая в законодательном собрании региона политическая партия явно сконцентрировала большую часть полномочий в регионе. Политико-правовой анализ разделения законодательной и исполнительной ветвей власти также позволяет сделать любопытные выводы. Полнота исполнительной власти сосредоточена в руках губернатора области. Но одним из последних новшеств регионального законодательства стало введение процедуры парламентского контроля над правительством.

Так, в Законе Саратовской области «О Правительстве Саратовской области» от 5 сентября 1996 г. (в ред. от 25 декабря 2014 г. № 173-ЗСО) прописана процедура согласования с Саратовской областной Думой кандидатур на должности вице-губернатора области, заместителей председателя Правительства области и министра финансов области. Следовательно, губернатор обязан кандидатуры на эти должности согласовывать с областной Думой, причем одна и та же кандидатура вносится губернатором области не более двух раз подряд. В целом, на наш взгляд, данная процедура, направленная на развитие процессов согласования и учета мнений различных элитных группировок, гипотетически может «размыть» единоличную власть губернатора, поставить его в зависимость от доминирующей партии или от внутрипартийного расклада, особенно при условии существования в региональном парламенте таких групп интересов либо

серьезной оппозиции. Если же парламент абсолютно монолитен с точки зрения политического влияния, то данная процедура будет лишь формальностью.

В Саратовской области утверждения на данные должности регулярно проходят без каких-либо препятствий со стороны депутатов областной Думы. В последнее время было проведено существенное кадровое обновление состава Правительства Саратовской области, В.В. Радаев сменил нескольких заместителей председателя Правительства области, министра финансов. Все эти назначения прошли с единогласной поддержкой в региональном законодательном парламенте.

Еще одной новой процедурой парламентского контроля по подобию с федеральным центром видится обязанность губернатора ежегодно представлять отчет Правительства области о выполнении программ социально-экономического развития области, о результатах деятельности Правительства области, в том числе по вопросам, поставленным областной Думой. Это предполагает публичный отчет губернатора. Депутаты областной Думы также вправе давать рекомендации Правительству области по вопросам его деятельности, которые Правительство должно рассмотреть на своих заседаниях и о результатах и принятых мерах в течение месяца сообщить депутатам, комитетам и комиссиям областной Думы, хотя губернатор области имеет право внеочередного выступления по любому вопросу, обсуждаемому на заседании областной Думы. В соответствии с федеральным законодательством предусмотрен роспуск регионального законодательного собрания губернатором, однако отметим, что в истории новой российской государственности пока он не был использован ни разу и в Саратовской области данный вопрос не стоял на политической повестке дня. Существует и обратная процедура отзыва губернатора, где депутаты областной Думы фактически принимают решение о возможности проведения данной процедуры.

Очевидно, что полная оценка регионального политического режима требует анализа дополнительных факторов, например степени влияния федерального центра в регионе, но даже первичный политико-правовой анализ показывает, что политический режим Саратовской области во многом построен с опорой на доминирование одной политической силы в виде партии «Единая Россия» на всех уровнях власти. Соотношение законодательной и исполнительной ветвей власти в регионе можно охарактеризовать как взаимовлияние, и в настоящее время формируется нормативная база, закрепляющая это взаимное сотрудничество. В то же время при абсолютном доминировании одной политической силы в региональном парламенте закрепляется опора исполнительной власти на данную политическую партию, которая и становится фактически основой моноцентричности власти в регионе. Фигура губернатора В.В. Радаева является консолидирующей для региональной политической элиты. Губернатор при поддержке партии власти проводит любые кадровые решения, законодательные инициативы без проблем и сложностей, замыкая сложившуюся бюрократическо-партократическую модель властвования.

Библиографический список

1. Россия регионов: трансформация политических режимов / под ред. В. Гельмана, С. Рыженкова, М. Бри. М.: Берлин, 2000.
2. Кузьмин А.С., Мелвин Н.Д. Региональные политические режимы в постсоветской России: опыт типологизации // Полис. 2002. № 3. С. 142–155.

3. Баранов А.В. Региональные политические режимы в системе властных отношений: проблемы типологии // Человек. Сообщество. Управление. 2012. № 4. С. 62–73.
4. Туровский Р.Ф. Региональные политические режимы в России: к методологии анализа // Полис. 2009. № 2. С. 77–95.
5. Радаев утвержден на посту губернатора. URL: <http://news.sarbc.ru/main/2012/04/05/21048.html>
6. О выборах Губернатора Саратовской области: Закон Саратовской области № 92-ЗСО от 28 июня 2012 г. // Собр. законодательства Саратовской области от 3 июля 2012 г. № 21. Ст. 3641.
7. Сведения о выборах в органы государственной власти и органы местного самоуправления в субъектах Российской Федерации, назначенных на 13 сентября 2015 г. URL: http://www.cikrf.ru/analog/vib_130915/sved_vib.html
8. База данных показателей муниципальных образований. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/bd_munst/munst.htm
9. Скорородова О.С. Политический режим Саратовской области: определение «извне» // Политическая наука. 2011. № 4.

К.А. Budarina, P.A. Merkulov

**Media Political System in Formation
a Public and Political Position of Youth**

The functional role of mass media in the course of formation of political values and political views of youth is studied. Attention is paid to issues of forming a political and civic stand of the younger generation in conditions of social activity mediatization. The mass media main directions focused on the promotion of political culture of youth, its integration into the sphere of political life and realization of potential are summarized.

Key words and word-combinations: youth, political activity, political socialization, mass media, political culture.

Исследуется функциональная роль массмедиа в процессе формирования политических ценностей и политических взглядов молодежи. Уделяется внимание вопросам становления политической и гражданской позиции молодого поколения в условиях медиатизации жизнедеятельности общества. Обобщаются основные направления развития СМИ, ориентированные на повышение политической культуры молодежи, ее интеграции в сферу общественно-политической жизни и реализации потенциала.

Ключевые слова и словосочетания: молодежь, политическая активность, политическая социализация, СМИ, политическая культура.

УДК 316.334.3
ББК 66.3(0),4

К.А. Бударина, П.А. Меркулов

**МЕДИАПОЛИТИЧЕСКАЯ
СИСТЕМА В СТАНОВЛЕНИИ
ОБЩЕСТВЕННО-
ПОЛИТИЧЕСКОЙ
СУБЪЕКТНОСТИ МОЛОДЕЖИ**

Исторически СМИ интегрировались на политический рынок как органы государственной и партийной печати. В политическом процессе современного Российского государства массмедиа выступают важнейшим общественно-политическим институтом. В сфере политики информационный обмен наиболее необходим, а СМИ призваны артикулировать групповые интересы и цели, затрагивающие все общество. В условиях развития коммуникационных и информационных технологий все граждане испытывают на себе прямое или косвенное воздействие СМИ, будь то пресса, телевидение или Интернет. Имея большую аудито-

рию, они фактически контролируют и направляют интеллектуально-творческую деятельность социума, контролируют всю нашу культуру, пропуская ее через свои фильтры. При этом массмедиа выделяют отдельные элементы из общей массы культурных явлений и придают им значительный вес, повышают ценность одной идеи, обесценивая другую, что непосредственным образом отражается на процессах формирования общественного мнения. Но нельзя не отметить тот факт, что, отображая мир политики, средства массовой информации несут ответственность перед гражданами, что особенно важно — перед молодежной когортой, за происходящие в политической жизни процессы и институты государственной власти.

Основное предназначение СМИ — свободное распространение информации в целях укрепления базовых принципов демократии, где свобода слова и свобода совести выступают фундаментальными основаниями социальных и политических порядков. В связи с этим институт средств массовой коммуникации должен стать главным инструментом либерализации политических систем и режимов, что послужит укреплению гражданских позиций в современной России.

Налаживая конструктивное взаимодействие с населением, СМИ завоевывали должный уровень общественного авторитета, приучили рядовых граждан идентифицировать себя как полноправных участников политических и общественных процессов, а также осознавать свою сопричастность к государству и миру политики. В информационный век телекомментаторы, обозреватели популярных изданий, репортеры и специалисты по рекламе и PR позиционируют себя как наиболее авторитетные выразители общественного мнения, войдя в узкий круг политической и интеллектуальной элиты общества.

В целом медиаполитическая система представляет собой комплекс государственных и частных электронных и печатных СМИ, формирующих политико-информационное пространство как общегосударственного, так и регионального значения. В России данная система представлена несколькими уровнями [1, с. 87—88].

Первый уровень: электронные всероссийские СМИ, которые выступают агентами, формирующими российское информационное пространство. Большинство массмедиа данного уровня находится в собственности государства (государственных кампаний), некоторые могут контролироваться частными корпорациями.

Второй уровень: печатные и электронные СМИ всероссийского, межрегионального и регионального масштаба. Этот уровень включает коммерческие издания, теле- и радиокomпании. Сюда входит вся деловая периодика, а также коммерческие теле- и радиостанции, имеющие выходы в регионы.

Для медиаполитической системы частные СМИ играют роль среды, которая может либо спровоцировать информационную кампанию, либо сдержать ее эффективность.

Третий уровень: региональные электронные и печатные СМИ, которые, как правило, входят в сферу контроля местных администраций или крупных региональных корпораций. Здесь мы можем говорить о проявлении традиционных для России характере взаимоотношений прессы и власти в регионах,

которые имеют зачастую более автократичный акцент, чем российская политическая система в целом.

Четвертый уровень: электронная информационная сеть Интернет. По сути, это огромный набор коммуникационных каналов, которые также могут использоваться медиаполитической системой, например для вброса компромата. Информация из Сети может тиражироваться в коммерческих и политизированных медиа, если она представляет интерес.

Следовательно, современную российскую медиаполитическую систему можно структурно разделить на общероссийские группы СМИ и региональные информационные системы. Указанные группы СМИ, в свою очередь, подразделяются на печатные и электронные, имеющие различные приемы и способы воздействия на свои целевые аудитории, в том числе на молодежную когорту.

Суммируя изложенное, рассмотрим дифференциацию СМИ в современной российской медиаполитической системе.

Государственные или частично государственные СМИ:

печатные СМИ: «Российская газета» (официальный печатный орган Правительства РФ), «Парламентская газета» (еженедельное издание Федерального Собрания РФ), «Московские новости», еженедельники «Профиль», «Компания», журналы «Крестьянка», ФНМ, «Эксперт», «Русский репортер» и другие;

ТВ и радио: холдинг ВГТРК: телеканалы «Россия 1», «Россия 2», «Россия 24», «Россия К», «Россия Спорт», радиостанции «Радио России», «Маяк», «Культура», а также 85 региональных теле- и радиостанций; пакет акций русской версии телеканала «Евроньюс». Медиагруппа «Звезда» (принадлежит Министерству обороны РФ): телеканал и радиостанция «Звезда». «Коммерсант»: телеканал и радиостанция.

СМИ, принадлежащие государственным компаниям:

печатные СМИ: холдинг «Газпром-медиа»: Издательский дом «Семь дней»: «Итоги», «Семь дней», «Караван историй». ИД «Московский Комсомолец», «Новая газета», ЗАО «Медиа3»: Издательский дом «Аргументы и факты»; «Индепендент Медиа», «Труд», «Центр плюс» и другие;

ТВ и радио: ОАО «Первый канал», ОАО «Газпром-медиа»: телекомпании НТВ, НТВ+, ТНТ, «Камеди ТВ», радиостанции «Первое популярное радио», «До-Радио», «Эхо Москвы», «Тройка», «Сити ФМ», «Детское радио»; кинопроизводящая компания «НТВ-Кино»; ЗАО «Медиа3»: радиостанции «Автордио», «Энергия», «Радио Диско»; сеть кинотеатров-комплексов «Синема-парк». Радиостанция «Русское радио».

СМИ, принадлежащие Правительству Москвы:

печатные СМИ: «Тверская 13». «Вечерняя Москва». Медиагруппа «Живи»: журналы «Сноб», «Русский пионер», газета F5. Холдинг «НьюсМедиа»: газеты «Жизнь», «Известия», «Твой день», журнал «Жара». «Независимая газета»;

ТВ и радио: телеканалы «ТВ центр», «Москва 24». «СТС Медиа»: телеканалы СТС, «Домашний», «Перец». РВК-ТВ. Концерн «Радио-Центр»: радиостанции «Говорит Москва», «Радио спорт».

Негосударственные СМИ:

печатные СМИ: холдинг РБК: «РБК daily», «РБК», «М2», «Наши деньги», Autonews, Lifetime; ИД «Комсомольская правда»: «Комсомольская правда»,

«Советский спорт»; Газета «Ведомости»; ИД «Коммерсант»: «Коммерсант», «Власть», «Деньги», «Огонек», «Секреты фирмы», «Автопилот»;

ТВ и радио: группа «ПрофМедиа»: телеканалы «2x2», «ТВ3», «MTV-Россия», радиостанции «ЭнерджиФМ», «Романтика», «Авторadio», «Юмор ФМ». «Национальная медиагруппа»: телеканалы «Рен-ТВ», «5 канал», радиостанция «Русская служба новостей». Группа «Эксперт»: телеканал «Эксперт». ЗАО «МедиаЗ»: молодежный телеканал «O2TV».

Как видно из приведенных данных, российская медиаиндустрия демонстрирует сильные позиции государственной собственности и государственного монополизма. Деятельность российских СМИ разворачивается в условиях децентрализации экономических ресурсов на региональных рынках, жесткой конкуренции между печатными изданиями и телекомпаниями. Строго говоря, массмедиа стали эффективным и действенным инструментом целенаправленного моделирования политических порядков в условиях трансформационных общественных практик.

Являясь значимым информационно-коммуникативным структурным элементом политической системы, СМИ представляют собой высокоразвитый инструмент и современный механизм политического воздействия, «их задача заключается в систематическом распределении информации среди различных аудиторий с целью утверждения духовных ценностей данного общества или его правящих групп, оказания идеологического, экономического, культурного, организационного и политического воздействия» [2, с. 152].

Аргументировано, что массмедиа стали более важным актором политической социализации граждан, особенно молодежи, чем традиционные институты: семья, система образования, армия, церковь. Массмедиа существенно воздействует на политическое образование, воспитание, а также формирование и развитие моделей поведения молодого поколения. Однако в условиях трансформации институтов социализации политическое сознание молодого поколения оказывается под влиянием различных политических сил и контрагентов, которые посредством СМИ формируют свой политический капитал для получения конкурентного преимущества. Данные тенденции влекут за собой поверхностное усвоение вновь установленных норм и снижение уровня культурных ценностей у всех социальных групп, в частности у молодежи.

Таким образом, процесс формирования новой медиакультуры, медиатизация сфер жизнедеятельности общества, активное развитие компьютерных технологий, Интернета и мобильных средств коммуникации, привели к тому, что СМИ выступают неоспоримым лидером в сфере формирования мировоззрения и политической культуры молодежи, оказывая целенаправленное воздействие на ее политическое сознание и поведение.

Справедливо утверждение П. Бурдье, что через средства массовой коммуникации у людей появляется возможность создавать и навязывать свои представления, идеалы, отношения и оценочные наименования. Исследователь выявляет символическую власть субъектов, обладающих правом контролировать массмедиа [3, с. 53]. Тем самым определяются значительные возможности политических акторов управлять сознанием людей и контролировать их политическое поведение, используя СМИ.

Сегодня различные политические субъекты, общественные организации предпринимают усилия по активизации политического участия молодого поколения, используя возможности СМИ, иногда и технологии манипулятивного значения. «Основная психологическая цель СМИ — воздействие на систему идейных, общественных и политических установок людей, воздействие на массовое сознание общества, формирование норм морали и этики» [4, с. 67].

Особенности современного развития российского общества обуславливают поверхностное усвоение вновь установленных норм и снижение уровня культурных ценностей у всех социальных групп, в частности у молодежи: «Происходящие в стране политические, экономические, духовные и мировоззренческие преобразования оказывают преобладающее воздействие на становление общественной активной личности с гражданско-правовыми ориентациями» [5, с. 8]. Следует обратить внимание и на тот факт, что стремительно меняются культурные стандарты и нормы массовой культуры, и прежде всего это касается молодежной когорты. Молодежь в своем большинстве читает теперь не только и не столько книги, написанные литературным языком, сколько «посты», «твиты» и «комменты» в социальных сетях. Данная тенденция, по нашему мнению, не только ведет к упрощению великого русского языка, снижению требований к грамотности (в частности, к письменной речи), но и способствует расширению публичного пространства.

Согласно данным социологического исследования [6, с. 50], отвечая на вопрос «Из каких источников Вы получаете сведения о политике, государстве, обществе, происходящих событиях?», молодые респонденты отдали предпочтение электронным видам СМИ (таблица).

Самыми посещаемыми ресурсами в Интернете сегодня признаны социальные медиа, которые выступают серьезным конкурентом традиционным СМИ. Пользователи Сети меняют привычные информационные и развлекательные интернет-сайты на социальные медиа, служащие для них главными источниками информации. Как правило, выделяют следующие разновидности социальных медиа: социальные сети (Facebook, ВКонтакте, Google+ и др.); блоги и микроблоги (Twitter, Живой Журнал и др.); форумы; фото- и видеохостинги (YouTube, Instagram) и другие. «Разновидности социальных медиа в настоящее время становятся дополнительной площадкой для коммуникации и инструментом прямого обращения политиков к гражданам для достижения политических целей. В свою очередь, активные авторы публичного контента делают социальные медиа актуальным индикатором общественных настроений. Таких активных авторов в мае 2014 г. в России было приблизительно 35 млн человек» [7, с. 19].

Социальные медиа кардинально меняют каналы и форму получения политической информации молодыми гражданами. Принцип распространения сообщений в таких ресурсах строится на социальных связях и позволяет пользователям мобильно реагировать на актуальные политические события. Однако клиповое сознание молодых граждан приводит и к изменению их политического поведения.

Для ограничения деятельности СМИ по производству и тиражированию информации, направленной на мобилизацию политического сознания граждан, и особенно молодежи, требуется объединить усилия институтов гражд-

данского общества и государства по созданию единой общенациональной идеологии. Создать же необходимые условия «для реализации молодежного потенциала и активного вовлечения молодых людей в общественные процессы возможно лишь на основе глубокого изучения их социально-политических предпочтений, иерархии проблем, целей и устремлений» [8, с. 140].

Источники сведений для молодых граждан о происходящих в обществе событиях

Варианты ответов	Процент от числа опрошенных
Знакомые	7,1
Участники событий	1,8
Друзья	10
Социальные сети	13,8
Интернет	22,5
Документальные фильмы	2,0
Учебники по истории, обществознанию, культурологии	1,2
Законы и прочие нормативные акты	1,6
Книги, художественная литература	0,9
Книги по истории	1,1
Газеты, журналы	6,1
Радио	3,4
В образовательных учреждениях	2,5
Телевидение	20,2
Родители	5,9

Таким образом, основными направлениями СМИ по формированию политической культуры и развития социально-политического потенциала молодых граждан в условиях медиатизации российского общества должны стать:

- достоверность, полнота и объективность информации о проводимой политике институтов власти различных уровней и ветвей;
- обеспечение эффективной обратной связи с аудиторией СМИ благодаря информационным материалам в региональных массмедиа;
- равный доступ различных политических сил и институциональных структур гражданского общества, в том числе молодежного сегмента, к официальной информации.

Российское общество переживает этап постреформирования и трансформации политических и социальных институтов, и СМИ призваны стать эффективным связующим звеном между народом и властью. В этом одинаково заинтересованы как властные структуры, так и граждане России.

Несбалансированный поток информации во многом затрудняет адекватность суждений населения о политических событиях, и в большей степени это каса-

ется молодежи. Учитывая социально-психологическую специфику молодежи, лабильность сознания, неустойчивость политических ориентаций молодых людей, необходимо их политически воспитывать, чтобы они осознали значимость собственного положения в обществе и свою политическую силу [9, с. 74].

Знания, получаемые молодыми гражданами из СМИ, формируют определенную политическую этику поведения молодежи, что в дальнейшем непосредственно отразится на уровне политической культуры. Ориентация молодежи на достижение общественно значимых целей должна одновременно сочетать принципы солидарности и критической оценки политической ситуации, преданности общественным идеалам и независимости суждений.

Для правового, демократического Российского государства необходимы независимые и профессиональные массмедиа, честно информирующие население, и в первую очередь молодое поколение. Идеальное условие для такой эффективной работы средств массовой коммуникации — это их политическая и экономическая неангажированность. Независимость и открытость СМИ позволит предотвратить использование политического и административного ресурсов для контролирования общественного мнения и манипулирования политическими установками молодежной когорты.

Стремительное формирование новой качественной культуры института СМИ может иметь положительный результат лишь в случае сохранения их качества, а также духовного возрождения как в сфере политического образования молодого поколения, так и в других областях. Молодежь, опираясь на прогрессивные массмедиа, в большей степени способна избежать нежелательных моментов, которые могут возникнуть в процессе ее политической социализации и интеграции в сферу общественно-политической жизни.

Библиографический список

1. Политология: учеб. пособие / под ред. А.С. Тургаева, А.Е. Хренова. СПб., 2005.
2. Средства массовой информации России: учеб. пособие для студ. вузов / М.И. Алексеева, Л.Д. Болотова, Е.Л. Варганова [и др.]; под ред. Я.Н. Засурского. М., 2008.
3. Бурдые П. О телевидении и журналистике. М., 2002.
4. Дубова Ю.И. Воздействие СМИ на процесс инкультурации в современном обществе // Современная экономика: проблемы и пути решения. 2010. № 9 (9). С. 65–72.
5. Малик Е.Н. Особенности включения молодежи в политическую сферу общества современной России // Образование и общество. 2008. № 4. С. 8–10.
6. Дорохова Ю.В., Игнатова Т.В., Проказина Н.В. Молодежь Орловской области в 2015 году // Информационно-социологический бюллетень / под общ. ред. П.А. Меркулова. Орел, 2015.
7. Меркулов П.А., Балашов А.Н. Интернет-сообщества политических партий: сравнительный анализ российских и зарубежных практик // Вестник Поволжского института управления. 2015. № 3 (48). С. 18–26.
8. Меркулов П.А., Малик Е.Н. Разработка государственной молодежной политики в России: история и современность // Вестник Орловского государственного университета. Сер.: Новые гуманитарные исследования. 2015. № 2 (43). С. 137–141.
9. Наумова Т.В. Менталитет как базовая категория в объяснении особенностей ценностного сознания современной российской молодежи // Вестник Московского университета. Сер.18: Социология и политология. 2001. № 1. С. 65–75.

ЕВРАЗИЙСКОЕ ПРОСТРАНСТВО: ИНТЕГРАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ И РЕГИОНАЛЬНЫЙ ОПЫТ УПРАВЛЕНИЯ

E.P. Konstantinova

**International Experience
of Privatization:
Causes, Goals and Factors**

The reasonability of privatization of state property in the context of foreign experience is studied. The nature of privatization is analyzed, and the reasons, goals, factors of privatization of state property as the basis for creation of multisectoral economy are clarified. Methods of privatization that provide the key content of the process of property distribution are justified.

Key words and word-combinations: privatization, property, state efficiency, budgetary regulation.

Исследуется целесообразность приватизации государственной собственности в контексте зарубежного опыта. Анализируется природа приватизации, уточняются причины, цели, факторы приватизации государственной собственности как основы создания многоукладной экономики. Обосновываются методы приватизации, обеспечивающие ключевое содержание процесса распределения собственности.

Ключевые слова и словосочетания: приватизация, собственность, государственная эффективность, бюджетное регулирование.

УДК 338(100)
ББК 65.5

Е.П. Константинова

**МЕЖДУНАРОДНЫЙ ОПЫТ
ПРИВАТИЗАЦИИ:
ПРИЧИНЫ, ЦЕЛИ,
ФАКТОРЫ**

Принято считать, что родоначальницей приватизации является Великобритания. Для этой страны характерно неприятие государственного вмешательства в экономику, предпочтение рыночных механизмов хозяйствования и индивидуального предпринимательства. Долгое время была распространена проприватизационная позиция, согласно которой переход к рыночной экономике не возможен без проведения приватизации, хотя она осуществляется в разных странах по-разному исходя из обоснования, мотивации, масштабов, длительности, ограничений. Тем не менее приватизация воспринимается как однородный процесс, приводящий к тождественным результатам. Истоки таких воззрений понятны, поскольку большинство ранних исследований по проблемам приватизации, основывались на опыте Великобритании, Франции, Германии. При этом критика так называемой «беззаговорочной»

приватизации, основанной на превосходстве частной собственности, стремлении собственников к максимизации прибыли, как фактора обеспечения эффективности функционирования и стабилизатора социального регулирования общественно значимых услуг, имеет свои основания за отсутствием внимания к таким проблемам, как стимулирование конкуренции, предоставление общественных услуг, сетевые отрасли [1].

Однако положения «британской парадигмы» можно встретить и сегодня, в частности в рекомендациях Международного валютного фонда и Всемирного банка. Установки этих международных организаций заключаются в неопровержимом превосходстве частной собственности (в смысле ее эффективности) и ущербности государственной собственности [2]. Вместе с тем широкое распространение приватизации показало сложность и многообразие результатов в различных странах, поэтому прямолинейный подход «британской парадигмы» стал восприниматься еще более неоднозначно [3].

Упрощенное понимание приватизации в рамках «британской парадигмы» оказалось несостоятельным по результатам приватизации в странах Западной Европы. Приватизационная практика в разных странах отличается по многим характеристикам, и выделить одну цель и причину не представляется возможным. Впоследствии идеология неолiberaлов, свято веривших в превосходство и аргумент в эффективность частной собственности (основная идея «британской парадигмы»), была опровергнута результатами приватизации в европейских странах. Переоценка возможностей рыночной экономики и отрицание регулирующей роли государства получило название «рыночного фундаментализма» [4]. Исследования приватизации показали, что рост эффективности приватизированных предприятий также не является догмой, если оценивать не только финансовые результаты приватизации. При этом использование приватизации как метода стимулирования развития экономики оправданно с точки зрения взаимодействия различных экономических факторов стратегического характера (уровень экономического развития, урегулирование государственного долга, развитие финансовых рынков, институциональное развитие, политические факторы, правовая система).

На начальной стадии индустриального развития только государство способно обеспечить приток капитала в капиталоемкие отрасли и развитие инфраструктуры. При достижении соответствующего уровня экономического развития государство «уходит в тень» и посредством приватизации уступает место частному капиталу [5]. Следовательно, если принять этот посыл за действительность, должна существовать взаимозависимость между среднедушевыми доходами населения и доходами от приватизации. В книге «The Challenges of Privatization: An International Analysis» (B. Bortolotti, D. Siniscalco) авторы проводят межстрановое сравнение величины доходов, полученных от приватизации, и доказывают, что уровень экономического развития имеет несомненное значение. Сумма приватизированных активов в развитых странах (Германия, Япония, Австралия, Франция, Великобритания) в несколько раз выше, чем в менее развитых (Пакистан, Колумбия, Индия, Уругвай, Иордания).

Однако, думается, что при анализе доходов от приватизации необходимо учитывать размер экономики стран. Чем больше страна, тем большим количеством объектов государственной собственности она обладает и тем значительнее абсолютные показатели объема приватизации. Возможно, корректнее рассматривать отношение величины доходов от приватизации к ВВП на душу населения. Существует много примеров масштабных программ приватизации в развитых странах Западной Европы (Германия, Франция, Швеция), Новой Зеландии, Австралии и ограниченного развития приватизации в Индии, Эквадоре, Зимбабве и других бедных странах. Вместе с тем можно найти весьма успешный опыт реализации масштабных приватизационных программ в развивающихся странах — Венесуэле, Аргентине, Нигерии; в то же время Швейцария, Дания, Ирландия и Гонконг так и не осуществили широкомасштабной приватизации.

Чтобы ясно представлять причины использования механизма приватизации, необходимо исследовать бюджетные ограничения. Приватизация является одним из способов наполнения бюджета и сокращения бюджетного дефицита. В этом смысле мало что поменялось со времен Адама Смита, когда продажа собственности короны рассматривалась как источник сокращения государственного долга.

С конца 1970-х годов приватизацию рассматривали как инструмент бюджетного регулирования в целях упорядочения государственных финансов. Значительная величина государственного долга принуждала правительства стран к продаже государственных активов. Однако говорить о положительном влиянии приватизации на государственные финансы нужно очень осторожно. Для этого требуется соотнести дисконтированную величину дивидендов государственных предприятий (подлежащих приватизации), которые государство могло бы потратить на бюджетные нужды, и приватизационную цену перехода прав собственности на будущие денежные потоки. Но необходимость сокращения бюджетного дефицита обычно заставляет органы государственной власти избегать риска, предпочитая фиксированный единовременный приватизационный доход неопределенному дивидендному потоку.

В некоторых развивающихся и переходных экономиках приватизационные сделки были крайне непродуктивны, доходы не покрывали не только величину государственного долга, но и не возмещали издержек, связанных с сопровождением таких сделок (Аргентина, Бразилия, Россия). В подавляющем большинстве продажи государственных активов были выгодными и возникала необходимость распределения приватизационных доходов. Некоторые страны (Италия, Мексика), понимая невозобновляемость таких доходов, создавали специальные долговые амортизационные фонды. Франция направляла приватизационные доходы в особые фонды снижения государственного долга, применяя их как счета движения капитала и направляя на развитие государственных предприятий. Некоторые страны сразу «продали» доходы от приватизации, используя их на покрытие текущих финансовых расходов (Греция).

Маастрихтское соглашение 1993 г. об ограничении бюджетного дефицита (3% ВВП) и государственного долга (60% ВВП) придало импульс приватизации в Европе. Ярким примером является Италия, где государственный долг был довольно высок (более 100% ВВП), значительны издержки по его обслуживанию (проценты по долгу слабо контролировались), государственные предприятия бесконтрольно потребляли огромные бюджетные ресурсы. Интенсивность проведения приватизации была связана с ограниченностью бюджетных средств и кризисными процессами в экономике. С 1985 г. за десять лет были проданы государственная телекоммуникационная компания Sirti, затем авиационная компания Alitalia, первый транш Bancad'Italia и другие. По результатам приватизации Италии удалось значительно сократить государственный долг и занять третье место по доходам от приватизации. Германия начала приватизацию в середине 1990-х годов, и пик активности по приватизационным сделкам был достигнут в 2000 г. (третий транш акций Deutsche Telecom). Совокупный доход от приватизации составил 12 млрд долл. [6].

Те же цели приватизации преследовали и латиноамериканские страны, имеющие значительные внешние и внутренние долги. Мексика и Бразилия, столкнувшись в середине 1990-х годов с серьезными проблемами в экономике и финансах, стали активно использовать приватизацию как инструмент бюджетного регулирования. В большинстве стран Африки и Ближнего Востока приватизационные сделки активизировались в 1997–1998 гг., когда произошло падение цен на нефть на фоне мирового финансового кризиса (цены разовых сделок на маркерную нефть Brent с немедленной поставкой упали с 25 до 10 долл. за баррель [7]).

Таким образом, существует определенная взаимосвязь кризисных проявлений в системе государственных финансов и актуализации инструментов приватизации в политической и экономической жизни страны. Подобные результаты свидетельствуют об отсутствии восприятия приватизации как системного процесса и использовании приватизационных механизмов при решении текущих проблем.

Большое значение в эффективном распределении ресурсов и развитии экономики имеет действенный механизм финансового рынка, способствующий аккумулярованию капитала. Представляется, что ликвидность фондового рынка является фактором использования приватизации как быстрого и эффективного способа преобразования формы собственности. Очевидно, что при приватизации активов государственных монополий ликвидный фондовый рынок в состоянии справиться с резким увеличением акционерного капитала. Кроме того, ликвидность обеспечивает эффективность приватизации каждой отдельной компании в результате формирования рыночной цены активов. Развитый ликвидный рынок облегчает трансформацию собственности, позволяя извлечь из этого процесса максимальную пользу.

Интересен в связи этим пример приватизации японской компании NTT (Nippon Telegraph et Telephone) — монополиста телефонной сети. В 1986 г. правительством Японии были выставлены на продажу 12% акций

этой компании. За них было выручено 15 млрд долл. В следующем году фондовый рынок Японии переживал мощный бум, его капитализация выросла на 35%. Правительство, воспользовавшись благоприятной ситуацией, выпустило второй транш в том же объеме. Доход от его продажи составил 40 млрд долл. Эта сделка до сих пор является крупнейшей в истории приватизации. В 1992—2003 гг. Япония пережила длительный застой, часто называемый «потерянным десятилетием», беспрецедентный для крупной развитой страны. Снижение рыночной капитализации фондового рынка Японии свело волну приватизационной активности на нет. Актуализация приватизации началась уже после выхода страны из кризиса. В 2001—2004 гг. были приватизированы еще два транша акций NTT, но результаты были уже значительно «скромнее».

Стремительно развивающийся рынок конца 1980-х — середины 1990-х годов оказал огромное влияние на бум приватизационной активности в большинстве развитых стран. Однако последовавшее снижение основных рыночных показателей приостановило приватизацию государственной собственности, так как снижение цен на пакеты акций приватизируемых предприятий мотивирует собственников предыдущих траншей фиксировать убытки по капитальной стоимости и разводнять капитал. Профессиональные инвесторы в ситуации падения рынка диверсифицируют свои портфели, а мелкие инвесторы стараются не рисковать и не участвовать в покупке акций приватизируемых предприятий.

Причиной проведения приватизации могут стать политические предпочтения. Волна приватизации в Великобритании, инициированная консерваторами, побудила говорить о зависимости приватизационной ориентированности государства от прагматического политического большинства. Еще одним примером является Аргентина. Начало приватизации в 1989 г. связано с приходом к власти президента К. Менема, члена реформистского крыла перонистской партии. Он инициировал приватизацию как инструмент стабилизации экономики и выхода из кризиса. За 1992 г. было приватизировано 22 государственные компании в сфере телекоммуникаций и энергетики, что принесло 6,5 млрд долл. в казну государства. Во Франции волна национализации, осуществляемая правительством социалистов, была отброшена реприватизацией консервативного правительства Ж. Ширака. Приватизационная активность спала с возвращением к власти социалистов в 1988—1992 гг. и вновь возобновилась в 1993 г. с приходом консерваторов (Э. Балладюр и А. Жюппе).

Следует отметить, что левые правительства тоже используют приватизацию, особенно в условиях нехватки финансовых средств. В Италии, занимающей третье место по доходам от приватизации — 98 млрд долл. (после Великобритании и Японии), в конце 1990-х гг. у власти находилось левоцентристское правительство (Р. Проди), которое продолжило курс разгосударствления, начатый правительством Берлускони. В это время было приватизировано 37% акций BancodiRoma, что принесло 1 млрд долл. в государственный бюджет.

Правовая система также определяет масштабы государственной приватизационной политики. Общеизвестным является тот факт, что в странах континентального права размеры государственной собственности больше, чем в странах англосаксонского права. В странах континентального права (Франция, Германия) государство традиционно является собственником блокирующего пакета акций компаний. Эффективность управления государственными предприятиями достаточно низкая, большинство компаний являются убыточными. В этих странах существует значительная возможность проведения крупномасштабной приватизации, во всяком случае, пока не изменится конкурентная структура экономики. Однако правительства этих стран либо не спешат отказываться от государственной собственности, являющейся важнейшим инструментом перераспределения дохода, либо не способны это сделать из-за законодательных ограничений возможностей частного сектора, которые препятствуют проведению структурной перестройки экономики (конституции Португалии, Италии, Бразилии, Аргентины, Мексики и т.д.). Монопольное право на предоставление некоторых услуг характерно для Боливии, Индонезии, Франции и других стран. В некоторых странах приватизация возможна только после одобрения законодательным органом (Марокко, Сенегал, Индия). Таким образом, масштаб приватизационных сделок в странах с континентальной системой права не может быть слишком большим.

Различия правовых систем отражаются в особенностях защиты прав инвесторов. Странам прецедентного права свойствен высокий уровень защиты прав акционеров в отличие от весьма «прохладного» отношения к правам инвесторов в континентальных странах, что определяет большую конкуренцию форм собственности и развитие рынков капитала. Чем хуже правовая защищенность корпоративных акционеров, тем сложнее поиск внешнего источника финансирования, будь то кредит или акционерный капитал.

Система защиты прав потенциальных инвесторов, на наш взгляд, может определять размеры приватизации. Спрос на акции приватизируемых компаний при наличии эффективной системы защиты инвесторов будет выше, а значит увеличится рыночная цена предприятия и, как следствие, доход от приватизации. Иначе инвесторы будут претендовать на страховую премию за риск нарушения своих прав, и государство постарается продавать акции компаний незначительными траншами, очень осторожно, что сделает приватизацию непоследовательной и в большинстве случаев стихийной.

Анализ международного опыта доказывает, что институциональные факторы оказывают подчас прямое воздействие на возможность реализации приватизационной политики. Великобритания — одна из немногих стран, где приватизационная политика была последовательна, поэтому доля приватизированных предприятий весьма высока и составляет более 80%. Однако приватизационной политике правительства Великобритании жестко противостояли профсоюзы. В 1984—1985 гг. профсоюз шахтеров организовал длительную забастовку, направленную против приватизации угольной промышленности. Инженеры ВТ (British Telecom) бастовали против значительного сокращения численности персонала в рамках предприватизационной реструктуризации.

Тем не менее консервативное большинство в парламенте позволило правительству М. Тэтчер проигнорировать требования профсоюзов и завершить приватизационную программу.

В Бельгии попытка реструктуризировать и приватизировать государственную собственность потерпела неудачу из-за слабости коалиционного правительства (В. Мартенс). В 1983 г. бельгийские профсоюзы организовали забастовку, длившуюся несколько недель, и вынудили правительство отложить реформу государственного сектора. Через три года к приватизации вернулись в контексте реформирования государственных финансов и повышения эффективности управления государственными предприятиями Belgacom, Sabena, SNI (Société Nationale d'Investissement) и других. Это вызвало волну протеста работников государственных предприятий. Только необходимость соответствия Маастрихтским требованиям обеспечила одобрение наделяния правительства исключительными полномочиями в финансово-экономической сфере, в том числе осуществление программы приватизации крупнейших государственных предприятий Distrigaz и Dexia.

Таким образом, возможности страны в сфере распределения собственности нередко определяются не только соотношением экономических институтов, но и расстановкой политических сил в обществе.

Используется несколько методов проведения приватизации:

- отчуждение прямой доли государства в предприятиях;
- отчуждение активов государственных компаний;
- уменьшение доли государства в предприятиях;
- отчуждение бизнеса и дочерних обществ, проводимое государственными предприятиями в интересах государства;
- ваучерная приватизация, при которой собственность распределяется среди населения по совсем низкой цене или бесплатно;

Методы приватизации в зарубежных странах определяются экономическими и политическими факторами. Отчуждение государственной собственности в небольших предприятиях осуществляется достаточно просто и быстро, а продажа крупной государственной собственности сопряжена со сложностями рыночной оценки. Продажа акций государственных предприятий на фондовом рынке стимулирует расширение национального рынка капитала при условии достаточного уровня развития и концентрации потенциальных инвесторов. В иных случаях возникают значительные транзакционные издержки и объективная необходимость установления заниженной цены на приватизируемые объекты. Именно поэтому правительства большинства стран используют инструменты ведущих финансовых институтов для объективной оценки стоимости акций государственных компаний (биржевой листинг). Наиболее распространенным методом приватизации крупных государственных предприятий является Initial Public Offering (IPO) — первичное публичное размещение акций на фондовом рынке, то есть открытая продажа акций государственных компаний (с сохранением доли государственной собственности или полное отчуждение). Международные фондовые биржи Hong Kong Stock Exchange, Euronext, NYSE, LSE потому и являются популярными, поскольку

имеют достаточно совершенный механизм торговли ценными бумагами. Как уже указывалось, такие продажи обычно осуществляются в несколько траншей и называются полной или частичной приватизацией.

Отчуждение прямой доли государства в предприятиях происходит на аукционе или с помощью трастовых агентств. Прямые продажи оправданно использовать при продаже части государственной компании или при невозможности использовать фондовые инструменты, например, при приватизации компаний, имеющих широкую сеть филиалов и дочек (как внутри страны, так и за рубежом), естественных монополий. Таким образом были приватизированы дочерние компании британской British Rail. Помимо этого, аукционы — хороший инструмент ликвидации государственных компаний и продажи имущества при погашении задолженности. Аукционы широко использовались в Польше и Чили при приватизации промышленности. Ваучерная приватизация часто применяется как механизм быстрой приватизации. Правительство распределяет ваучеры (купоны, талоны) среди граждан, которые могут быть обменены на акции приватизируемых компаний (Чехия, Россия).

При выборе метода приватизации государство должно выбрать между созданием «социального капитализма» и максимизацией приватизационных доходов. Как правило, страны с большим государственным долгом стремятся использовать прямые продажи государственной собственности для увеличения поступлений в бюджет.

Итак, приватизация является важнейшим инструментом создания транснациональной рыночной среды, способствующей унификации мирового экономического сообщества в интересах транснациональных корпораций и международных финансовых институтов. Несмотря на различие факторов, благоприятствующих приватизации в странах с высоким уровнем развития рыночных институтов, генетические истоки разворота или, точнее, возврата к частной собственности и свободе предпринимательства, одни и те же. Побуждение к изменению структуры отношений собственности создает кризис восприятия экономической роли государства, спровоцированный значительными переменами в технологическом базисе современной экономики.

Библиографический список

1. *Parker D.* The UK's privatization experiment: the passage of time permits a sober assessment. CESifo Working Paper. 1126. Munich: CESifo.
2. *Kikeri S., Phipps V.* Privatization Trends. A Record Year in 2006. World Bank, Washington, DC. URL: <https://openknowledge.worldbank.org>
3. *Clarke T., Pitelis C.* Introduction: the political economy of privatization // The political economy of privatization / Clarke T., Pitelis (eds). London, 1994. P. 1–28.
4. *Stiglitz J.* Globalization and Its Discontent. N.Y., 2002.
5. *Bortolotti B., Pinotti P.* The Political Economy of Privatization // Fondazione Eni Enrico Mattei Working Paper. № 45.
6. Приватизация в современном мире. Теория, эмпирика, «новое измерение» для России / под ред. А.Д. Радыгина. М., 2014.
7. *Конопляник А.* Эволюция структуры нефтяного рынка. URL: <http://www.konoplyanik.ru/publications/260/260.htm>

D.A. Rozevatov

**The Phenomenon
of Color Revolutions:
Sociocultural Aspect**

The article deals with the technology of preparing and carrying out color revolutions, as well as with the evolution of the phenomenon in the modern world. The author concludes that the symbolism of color revolutions was connected with the ideology of protest movements only at the initial stage of their advent. The political technology that is used in preparation of color revolutions is associated primarily with the commercial interests of the leading world powers.

Key words and word-combinations: color revolution, political technology, symbolic designation, protest movements, O. Henry.

Рассматривается технология подготовки и проведения цветных революций, а также эволюция этого феномена в современном мире. Автор делает вывод о том, что символика цветных революций отличалась идеологической наполненностью протестных движений только на первоначальном этапе. Политические технологии, связанные с подготовкой цветных революций, отражают прежде всего коммерческие интересы ведущих мировых держав.

Ключевые слова и словосочетания: цветные революции, политические технологии, символическое обозначение, протестные движения, О. Генри.

УДК 316.32
ББК 60.52

Д.А. Розеватов

**ФЕНОМЕН
ЦВЕТНЫХ РЕВОЛЮЦИЙ:
СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ
АСПЕКТ**

Политическая картина современного мира демонстрирует, что глобализация, к сожалению, не способствовала его стабильности. Знаковой приметой первых лет третьего тысячелетия оказались цветные революции, происходящие на всех континентах. Этим термином стали называть бескровный политический переворот, смену правительства под давлением оппозиционных сил. Относительно мирный характер событий обусловил их «мягкое» определение, чаще всего связанное с цветовой символикой. Такое «колористическое определение» революционных событий в той или иной степени связывается с национальным менталитетом, с культурными традициями народа. Цвет чаще всего более непосредственно воздействует на сознание, чем вербально выраженные определения, поэтому при экспорте революционных идей колористическое решение должно учитывать социокультурную наполненность цветового символа. Без знания этих и подобных им культурных факторов невозможно установление контакта, обеспечивающего воздействие на массовое сознание. Культурно-символическая наполненность, например, белого, черного, красного и голубого цвета в современном мире настолько сложна, что в рискованных ситуациях их предпочитают просто не называть, чтобы не спровоцировать взрыв возмущения. Нейтрально или положительно наполненный цветовой символ одной культуры

может вызвать категорическое непонимание и отторжение у представителей другой. Во многом именно поэтому «цветовому определению» революции придавалось столь серьезное значение.

Динамичная эволюция этого политического феномена частично изменила ситуацию. Однако нас в данном контексте интересует именно культурологический аспект цветового или цветочного символа. Не принимая во внимание случайные либо подражательные определения, остановимся на наиболее выразительных случаях. «Революцию гвоздик» (1974) в Португалии начали силовики, их поддержали сотни тысяч мирных жителей. Названием революция обязана такому событию: обычная продавщица Селеста Сейруш опустила гвоздику в ружейный ствол солдата на улице. Большинство политологов не включают «революцию гвоздик» в список цветных революций, так как ее начали военные, а не гражданское население, а также потому, что она проходила под социалистическими лозунгами, тогда как большинство имеет прозападную ориентацию. Однако символ революции — цветок вместо пули — настолько выразителен, что его нельзя миновать при определении сути явления. Уместно вспомнить Махатму Ганди и хиппи, которые раздавали на улицах цветы полицейским (flower power), или «жасминовую» революцию в Тунисе 1987 г. Жасмин считается в арабских странах женским, нежным цветком, и, скорее всего, этот символ должен был оказывать умиротворяющее воздействие на горячих арабских протестантов. В 1989 г. произошла «бархатная» революция в Чехословакии (некоторые исследователи отделяют цветные революции от «бархатной» по ряду критериев). Она началась со студенческих протестов, которые были жестко разогнаны силовиками. После слуха (впоследствии оказавшегося ложным) о гибели одного из протестантов начались массовые акции протеста. Давление оказалось настолько сильным, что парламент отменил статью о ведущей роли компартии, а к власти пришел писатель-диссидент Вацлав Гавел. Обозначение «бархатная» (то есть «мягкая», «нежная») подчеркивает мирный, бескровный характер событий.

Собственно, отсутствие жертв во время смены правительства и дало толчок к цветному и цветочному определению таких «революций». В Грузии в 2003 г. проходила «революция роз», или «розовая революция». Массовые протесты были вызваны выборами, на которых ожидаемую уверенную победу одержал действующий президент Эдуард Шеварднадзе. Международные наблюдатели не признали результатов выборов, и это усилило активность протестующих. Роза считается в Грузии национальным цветком, так как часто встречается на полотнах Нико Пиросманишвили (именно он — художник, подаривший актрисе Маргарите «миллион алых роз», упоминаемых в популярной песне). Роза вообще многозначный символ, она связывается в числе прочих прочтений и с образом Богородицы, и с понятием абсолютной красоты и чистоты. Шипы на розе в рассматриваемом нами случае символизировали защиту от внешних врагов, а именно в таком качестве преподносилась тогда Россия. В 2004 г. «оранжевая», или «апельсиновая», революция случилась на Украине. Схема та же: несогласие с результатами выборов, непризнание их итогов международными наблюдателями, массовые протесты, затем палаточный лагерь на майдане Незалежности, беспрецедентный третий тур выборов и смена прези-

дента. Выбор оранжевого цвета для символического определения тогдашних событий не является случайным. Это — самый редкий цвет в природе, то есть он ни с чем не может сливаться (скафандры первых российских космонавтов и жилеты дорожных рабочих оранжевые).

Исследователь Е. Пономарева считает, что притягательность этой революции во многом обусловлена именно цветом. Она приводит слова Гете, автора теории цвета, о том, что оранжевый — цвет блаженства, жара, накала, но без излишней агрессивности красного. Активная сторона оранжевого цвета связана, по Гете, с его высочайшей энергией: «...достаточно пристально посмотреть на вполне желто-красную поверхность, чтобы показалось, что этот цвет действительно врезался в наш глаз. Он вызывает невероятное потрясение» [1, с. 10]. Однако в связи с последующими событиями оранжевый цвет стал наполняться резко отрицательным значением.

«Тюльпановая» революция свершилась в Киргизии (2005 г.). Два тура выборов — 27 февраля и 13 марта — совпали с временем цветения тюльпанов в степях. Схема осталась неизменной: несогласие с результатами выборов, массовые акции протеста по отношению к правительству Акаева. Вначале символом революции хотели сделать желтый тюльпан, но желтый цвет символизирует разлуку, и остановились на красном тюльпане. Некоторые аналитики [1, с. 90] полагают, что этот символ отсылает к существовавшей в Турции традиции: в праздник тюльпанов наложницы из султанского гарема, желавшие родить наследника, дарили ему красные тюльпаны. Таким образом, символ наполняется дополнительным значением: тюльпан — это образ уже не наложницы, но еще не жены, у которой все самое прекрасное в будущем. В 2005 г. состоялась попытка использовать проверенную схему для осуществления цветной революции в Узбекистане; в 2006 г. — попытка «васильковой» революции в Белоруссии. Полевой цветок василек, очевидно, должен был опосредованно воздействовать на патриотические чувства белорусов, вызывая в сознании родные пейзажи. Сами оппозиционеры называли ее еще «джинсовой», стремясь подчеркнуть общенародный характер: джинсы носят все; понятно в таком контексте и совпадение цвета (синий). В 2008 г. предпринята попытка «абрикосовой» революции в Армении; в 2009 г. — цветная революция в Молдавии; в 2010 г. — вторая киргизская революция (Народная Революция в Киргизии 2010 г.). С ее обозначением так и не смогли определиться: называли революцию «дынной», «лимонной», «тюльпановой» одновременно.

Попытка организации протестных движений в России и придания им масштабного характера связывалась с белым цветом. Однако символическое наполнение его настолько сложно, что белые повязки на руках манифестантов и их белые ленточки вызвали насмешки и, как следствие, снижение пафосности движения, несерьезное отношение к нему. В Европе белый цвет традиционно связан с абсолютно положительным началом, это цвет чистоты, невинности, юности, незапятнанности помыслов. Ироничное выражение «белый и пушистый» обыгрывает принципиальную некорректность присвоения этих качеств любым человеком. Тем более эта символическая наполненность оказалась неуместной в связи с агрессивным характером протестного движения. Таким образом, неудачно выбранный цветовой символ послужил одной

из причин развала, а не объединения внутри оппозиционного движения, как это ожидалось.

Однако с течением времени символика революций становится все более отвлеченной. Была попытка связать цвет и идейную сущность движения в Белоруссии («джинсовая революция»), но она не удалась. Неэффективным оказалось использование цветовой символики и во время «революции красных рубашек» в Таиланде (2009), где они противостояли «желтым рубашкам». На наш взгляд, это происходит потому, что технология подготовки и проведения цветных революций становится все более явной. В отличие от классических революций, которые связаны с глубокой перестройкой общественного сознания, политическим кризисом, экономической нестабильностью, цветные революции являются плодом несложных, уже достаточно отработанных политических технологий. Они являются практической реализацией некоей искусственно выработанной идеологии, которая формулирует новые ценности, новые смыслы.

В свое время научную теорию бескровного государственного переворота разработал ученый из США Джин Шарп. На официальном сайте Института имени Альберта Эйнштейна, который он основал, приоритетные направления работы определяются так: «Продвижение, изучение и применение стратегических ненасильственных методов в различных конфликтах по всему миру. Цели работы — защита свободы и демократии, недопущение политического насилия. Институт поддерживает исследовательские проекты в разных странах. В прошлом активно консультировал продемократические группы в Бирме, Таиланде, Тибете, Сербии, Белоруссии, в Прибалтике и на Палестинских территориях» [1, с. 90].

Все специалисты, исследующие это явление, утверждают, что основной движущей силой цветных революций являются групповые коммерческие интересы, народ же становится объектом манипуляций. В нейтрализации власти и стимуляции оппозиции активная роль принадлежит «внешнему игроку». Некоторые политики придерживаются мнения, что «все оранжевые революции были экспериментом, придуманным во внешних лабораториях» [2, с. 16]. Появился даже термин переворотмейкер [3, с. 2].

Основная схема такова: готовится харизматичный кандидат, обаятельный, обладающий выигрышной внешностью. Желательно (но не обязательно), чтобы он получил образование на Западе. В зависимости от обстоятельств он может держать себя демократично, создавая образ близкого к народу и искренне озабоченного его проблемами человека. В Латинской Америке, в среде эмоциональных и артистичных народов важно приурочить «час X» к любому общественному событию, которому придается карнавальный характер в соответствии с особенностями национальной ментальности. Большинство присутствующих — «массовка», активно же задействованные лица, как правило, заранее сгитированы, завербованы и (или) подкуплены. Желателен какой-либо мелодраматический сюжет. Представители заинтересованных стран деморализуют местную элиту, для этого существует множество способов — шантаж, угрозы, подкуп.

Знаменитый американский новеллист О. Генри, работавший на рубеже XIX—XX вв., одним из первых красочно, точно и иронично описал цветную революцию в одной из латиноамериканских стран. Писатель прекрасно знал материал: он долгое время жил в Латинской Америке. В своем романе «Короли и капуста», а также ряде новелл он изобразил технологию подготовки и проведения такого переворота, причем с разных сторон. Писатель как будто читал книгу Шарпа и проиллюстрировал ее на художественном материале. Перед читателем выстраивается классическая схема цветной революции, в которой участвуют: заказчики переворота — богатые британские коммерсанты, финансово заинтересованные в смене правительства; харизматичный лидер — местный уроженец, получивший образование в Йельском университете; эмоционально заряженная толпа «статистов»; тщательно подготовленная армия; подкупленная администрация.

О. Генри адресовал свое творчество представителям городских низших классов, ориентировался на их эстетические вкусы и запросы, поэтому акцентировался на занимательности и сохранял интригу до конца, не раскрывая карты. Читатель пребывал в уверенности, что перед ним разворачивается просто любовная история, и финал с переходом власти к симпатичному герою оказывался для него обычной составляющей хэппи-энда, вознаграждением за страдания и старания. Между тем любовная история была тоже частью плана честолюбивого героя, прекрасно знающего менталитет своих соотечественников и обычные обывательские приоритеты — романтический сюжет в биографии неизменно располагает народ к лидеру.

Итак, О. Генри относит место действия в вымышленную латиноамериканскую республику Анчурию. Автор забавно и разнообразно сталкивает два менталитета: менталитет «латинос» и североамериканский менталитет [4]. В тексте не раз встречаются упоминания о том, что Анчурия ничем не отличается от десятков таких же карликовых государств на юге материка. Государственные перевороты здесь — обычное дело, и народ относится к смене власти спокойно, так как в его жизни не меняется практически ничего. Все диктаторы примерно одинаковы — для каждого из них власть является лишь средством для достижения собственных корыстных целей. Нынешний анчурийский диктатор Лосада возомнил себя настоящим правителем и решил, что может принимать самостоятельные решения, идущие вразрез с финансовыми интересами британской торговой компании «Везувий», закупающей в Анчурии фрукты. Лосада поднял оптовую цену на бананы, и, хотя можно было закупать их в соседней стране, где фруктов ничуть не меньше, английские коммерсанты не пожелали менять устоявшийся порядок вещей. Им оказалось проще сменить правительство, чем перезаключать договора.

Далее события развиваются по накатанной схеме: неизвестно откуда в Анчурию приезжает харизматичный молодой человек яркой и приятной внешности. Он ведет себя крайне демократично: целыми днями сидит в пивных, заводит массу приятелей, женится на местной красавице и приобретает репутацию «своего парня». Читатель только в конце романа узнает, что на самом деле герой лишь умело играл роль простодушного паренька: изучая поле

будущей деятельности, располагал к себе массы, вслушивался в суждения о нынешнем президенте. Подрывная деятельность героя остается «за кадром»: О. Генри умело ведет интригу. Автор лишь вскользь упоминает, что Дикки получал много таинственных писем и что деньги у него брались неизвестно откуда.

Сам переворот обставлен по возможности театрально: во время торжественного въезда Лосады со свитой в город Коралио. Герой, Дикки Малони, заранее позаботился о том, чтобы деморализовать президента, — вместо радостных приветствий народ встречает его угрюмым молчанием. Все разыгрывается по четко разработанному сценарию: генерал сообщает подготовленной толпе, что их любимец Дикки Малони — на самом деле Рамон Оливарра, сын предыдущего президента, убитого по приказу Лосады. Выборы, организованные по принципу народного веча, начинаются и заканчиваются тут же, на площади: народ криками поддержал молодого Оливарру, военные нейтрализовали охрану Лосады. Новый же президент, Оливарра-младший, «...обнаружил, что он действительно гениальный политик. Мановением руки он отдалил от себя стражу и сошел по ступенькам к толпе. Там, внизу, нисколько не теряя достоинства, он стал обниматься с пролетариатом: с грязными, с босыми, с краснокожими, с караибами, с детьми, с нищими, со стариками, с молодыми, со святыми, с солдатами, с грешниками — всех обнял, не пропустил никого» [5, с. 173].

Слово «популизм» во времена О. Генри еще не было в ходу, но понятие, как видно, существовало. Народ простодушно принял все происходящее за чистую монету и был в восторге. Но за событиями на площади наблюдают их спонсоры и заказчики — два представителя британской торговой компании. Их циничные комментарии придают происходящему совершенно иную окраску. Плотно сложенные господа с сигарами и в прекрасно сшитых костюмах воспринимают государственный переворот как спектакль, который они заказали хорошим исполнителям, и одновременно как азартную игру. Авторский текст красноречиво свидетельствует о том, что сам О. Генри относится к описываемым событиям так же: «Пока на подмостках разыгрывалось это действие драмы, рабочие сцены тоже не сидели без дела. Солдаты... окружили карету Лосады тесным кольцом и усаkali куда-то с диктатором. Очевидно, в заранее приготовленное место» [5, с. 173].

Игровая основа событий заранее задана автором: глава, повествующая о смене власти, называется «*Rouge et noir*» — по цвету поля при игре в рулетку. О. Генри обыгрывает эти цвета на нескольких уровнях: черноволосый герой ходит в ярко-рыжем парике и снимает его в решительный момент перехода власти, чтобы продемонстрировать сходство с отцом. Два британских наблюдателя комментируют это так: «Красное выиграло» [5, с. 173]. После того как дело закончено, два коммерсанта полностью раскрывают карты (черный и красный цвет мастей): «Вдова Оливарры была женщина состоятельная. После того как убили ее мужа, она уехала в Штаты и дала своему сыну образование. Компания «Везувий» разыскала его и оказала ему поддержку в этой маленькой игре». Капитан парохода замечает: «Как это хорошо в наше время —

иметь возможность низвергать президентов и сажать на их место других по собственному выбору». Представитель «Везувия» уточняет: «О, это чистый бизнес. Нынче бизнес управляет всем миром. Нужно же было как-нибудь понизить цену бананов, уничтожить этот лишний реал. Мы и решили, что это будет самый быстрый способ» [5, с. 174]. Таким образом, эту революцию можно назвать «банановой» по аналогии с «дынной» или «финиковой».

Позже, в новелле «Четвертое июля в Сальвадоре» («The Fourth in Salvador», 1903) О. Генри обыгрывает одну из особенностей латиноамериканских республик: «игрушечные», «пряничные» государства. Герои, несколько янки, наблюдают очередную революцию: «Из боковой улицы выехал на белом коне генерал Мари Эсперанса Динго, за ним следовало сотни две смуглых парней в рубашках красного цвета, босых, волочащих за собой ружья длиной футов в десять. Мы истошно заорали в знак приветствия, а генерал воинственно замахал саблём» [6, с. 883]. Друзья продолжали пить, но через несколько минут «на площадь выскочил галопом генерал Мари Эсперанса Динго, а за ним бежало все его воинство, освобождаясь от своих длинных ружей, как от ненужного балласта. А всех их преследовала рота возбужденных низкорослых воинов в голубых брюках и фуражках» [6, с. 884].

Во времена О. Генри еще не было термина «цветная революция», но он позиционирует участников гражданского переворота именно по цвету: друг другу противостоят «красные» и «синие». Цвет как семантический инструмент революции апеллирует к архаичным пластам сознания, более древним, чем вербальный опыт. Латиноамериканцы как «естественные люди» лучше поддаются воздействию на зрительный анализатор. Но О. Генри этим акцентом наводит читателя на мысль о том, что две оппозиционные группировки в принципе ничем, кроме цвета одежды, не отличаются друг от друга. Эти цвета ничего не символизируют, потому что противостояние сторон лишено идейной наполненности. В сальвадорской революции вся оппозиция исчерпывается цветом штанов.

Как видим, О. Генри выводит во внешний ряд и делает крайне наглядной схему, которая через полвека совпала с результатами многолетних исследований, проводимых в специальных научных центрах и институтах. Но это — художественная литература, да еще и сатирико-юмористическая, базирующаяся на схематизации и гиперболе. Разумеется, в реальности все сложнее, хотя в принципе организация цветных революций и сейчас имеет те же основы. О. Генри довел их до сознания своих читателей, опираясь именно на цветовой символ.

Таким образом, цвет, точнее, его символическое наполнение играет не последнюю роль в формировании современной картины мира. К тому же оно может быть рассмотрено как серьезное коммуникативное средство. В современном мире, охваченном глобализационными процессами, социокультурное значение цветовых символов имеет важнейшее значение, в том числе напрямую связанное с понятием политкорректности или ее отсутствием. Поэтому особую актуальность приобретает наличие фоновых знаний, то есть понятие о национальных культурных реалиях, в числе которых видное место занимает цветовая символика.

Библиографический список

1. Пономарёва Е. Секреты цветных революций // Свободная мысль. 2012. № 1/2. С. 87–98.
2. Гапич А., Лушников Д. Технологии цветных революций. М., 2010.
3. Аракелян Г. Цветные революции в контексте истории и зеркале современной политики // Академия Тринитаризма. М., 2014.
4. Розеватов Д.А. Литературная игра как композиционный прием в романе О. Генри «Короли и капуста» (1904) // Казанский социально-гуманитарный вестник. 2010. № 1. С. 40–42.
5. О. Генри. Короли и капуста: роман / пер. с англ. К. Чуковского // Избранные произведения: в 2 т. М., 1955. С. 5–188. Т. 1.
6. О. Генри. Четвертое июля в Сальвадоре: новелла // Собрание сочинений: в 2 т. М., 2010. Т. 1.

V.V. Suvorov

**Positive Image of the East
and the National Cultural Identity
in Russia (Second Half
of the XIX – Early XX Century)**

Ideas of “orientalism” about the cultural and historical unity of Russia and the East are considered. It is proved that since the end of the XIX century a positive image of the East played an important role in the self-determination of a part of the Russian society. The original concept of Russian immigrants – the Eurasianism, based on the consistent rejection of Eurocentrism, is analyzed.

Key words and word-combinations: the image of the East, Russia, Asia, “vostochnichestvo”, Eurasianism.

Рассматривается идея «восточничества» о культурно-историческом единстве России и Востока. Доказывается, что с конца XIX в. положительный образ Востока играл важную роль в самоопределении части российского общества. Анализируется евразийство – оригинальная концепция российских эмигрантов, основанная на последовательном отказе от европоцентризма.

Ключевые слова и словосочетания: образ Востока, Россия, Азия, «восточничество», евразийство.

УДК 008.001

ББК 71.4

В.В. Суворов

**ПОЛОЖИТЕЛЬНЫЙ
ОБРАЗ ВОСТОКА
И НАЦИОНАЛЬНО-
КУЛЬТУРНАЯ
ИДЕНТИЧНОСТЬ В РОССИИ
(вторая половина XIX —
начало XX века)***

Проблемы отношения к Востоку и определения национальной идентичности, возникшие в конце XIX — начале XX в., сохраняют особую значимость и для современного российского общества. Идентичность играет важнейшую роль в формировании общественного единства, сохранении его целостности, а также в выработке национальной и государственной идеологии, определении путей дальнейшего развития, разработке направлений внешней и внутренней политики.

Из-за нередкого пересечения и смешения национально-этнической идентичности и «цивилизационной» или «макрополити-

* Публикация подготовлена в рамках поддержанного РГНФ научного проекта № 15-31-01298.

ческой» [1, с. 48–49] идентичности как осознания своей принадлежности к надэтнической общности в многонациональной России, ее культуре и истории уместнее употреблять термин «национально-культурная» идентичность, позволяющий включить не только русских, но и представителей других народов и этносов, объединенных русской культурой или включенных в российскую социокультурную систему. Особую значимость имеет вопрос формирования идентичности в рамках ориентации российской культуры на Запад или на Восток и определения роли образа Востока в формировании российской национально-культурной идентичности в указанный период.

На протяжении долгого времени отношение к Востоку формировалось через призму восприятия Запада и отношений России и Европы. Особенностью осмысления национально-культурной идентичности российской элитой начиная с XVIII в. стала ориентация на Запад как культурный ориентир. Восточная культура воспринималась как экзотика, однако именно в это время были заложены основы изучения восточных языков и востоковедения [2, с. 395–398].

Рубежом стала Отечественная война 1812 г., заставившая образованное общество обратиться к национальным корням и традициям. Со второй четверти XIX в. и до настоящего времени одним из главных вопросов, вызывающим постоянные споры в российской общественной мысли, стала проблема культурно-исторической принадлежности России к Западу и целесообразности следования по европейскому пути развития. В зависимости от ответа можно условно выделить западников и их оппонентов, взгляды которых проявились в различных направлениях общественной мысли от славянофилов до евразийцев. Однако славянофилы, отстаивавшие точку зрения самобытности российской культуры, никак не связывали развитие России с Востоком и даже не касались его. Как отмечал Н.В. Рязановский, «Азия, не говоря о том, насколько христианскую традицию можно считать азиатской, напротив отсутствовала в славянофильском мышлении» [2, с. 394]. Исключением были разве только взгляды А.С. Хомякова, выстроившего арийскую генеалогию русской нации, основываясь на идее скифского происхождения [2, с. 394].

Следующим рубежом в определении идентичности стала Крымская война, закончившаяся в 1856 г. поражением России и ослаблением ее позиций в Европе, что имело следствием переосмысление геополитических и культурных ориентиров. Европа стала в восприятии многих представителей образованного общества еще более «чужой», что привело, с одной стороны, к усилению панславистских настроений и воодушевлению оказать помощь балканским славянам в их борьбе с Османской империей, а с другой — нарастанию стремления компенсировать неудачи на Западе за счет движения на Восток.

В 60–70-е годы XIX в. в общественной мысли России получила развитие теория национально-культурного единства славян, связанная с выделением славянской общности и воображаемой единой славянской идентичности. Достигнув своего пика к концу 1870-х годов идеи славянского единства постепенно стали утрачивать свою актуальность и сторонников. Обусловлено это было целым рядом причин, которые по сути сводились к провалу реализации панславистских идей на практике и осложнением взаимоотношений с южно-

славянскими странами. Россия в своем устремлении контролировать Балканы встретила серьезное противодействие со стороны западных держав, что особенно проявилось на Берлинском конгрессе.

Одновременно многие представители образованного общества заинтересовались Азией с позиции экспансии и расширения пределов влияния России на Востоке, что стало основой колониальных и «империалистических» взглядов. Так, М.П. Погодин, размышляя в годы Крымской войны о перспективах русской внешней политики, отмечал: «...мы должны обратить свое внимание на Азию, которую упустили почти совсем из виду, хотя, собственно, она предназначена нам по преимуществу, Азию, куда хотят также по какому-то чутью, хоть и не с добрым намерением, отбросить нас наши враги!» [3, с. 242].

В подобном же духе были сделаны многозначительные заявления в отношении России и Азии Ф.М. Достоевским о том, что «русский не только европеец, но и азиат», «мало того: в грядущих судьбах наших, может быть Азия-то и есть наш главный исход» [4, с. 504], но Европа представлялась ему все же более значимой: «Европа нам тоже мать, как и Россия, вторая мать наша; мы много взяли от нее, и опять возьмем, и не захотим быть перед нею неблагодарными» [5, с. 33]. Интересные идеи были предложены К.Н. Леонтьевым, который отмечал родственную связь русских с восточными народами: «В самом характере русского народа есть очень сильные и важные черты, которые гораздо больше напоминают турок, татар и других азиат... чем южных и западных славян» [6, с. 386]. Однако для всех мыслителей XIX в. Европа оставалась более близкой и родной, чем азиатский мир. Самоидентификация, основанная на славянской общности и единстве, византийском наследии и православии, предполагала близкие отношения с остальными христианскими народами, прежде всего с европейцами.

Новые веяния в восприятии Востока возникают в последней четверти XIX в. В отечественном востоковедении появились попытки переосмысления общего представления об «историчности» и способности восточных стран к развитию. Китаевед С.М. Георгиевский под влиянием философии истории Н.И. Кареева одним из первых сделал попытку включить Китай в «историю» и показать прогрессивность его развития [7, с. 144]. К началу 90-х годов XIX в. некоторые россияне уже перестали воспринимать эпитет «азиатский» как оскорбление. Как отмечает немецкий исследователь М. Саркисянц, до тех пор подобные утверждения исходили исключительно от врагов России и даже крайние славянофилы и панслависты решительно их отвергали [8, с. 214].

Развитие востоковедения и отечественной исторической науки в целом, формирование имперских идеологий, основанных на успехах в продвижении в Среднюю Азию и устремлении на Дальний Восток в конце XIX в., а также колониальная политика европейцев в Азии и начало «пробуждения» Востока подготовили почву для появления «восточнических идей», основанных на культурной близости России и Востока и ее исторических корнях в Азии.

Главным идеологом выступал публицист, редактор-издатель «Санкт-Петербургских ведомостей», приближенный Николая II в первые годы его правления этнограф и востоковед князь Э.Э. Ухтомский. По мнению историка и публициста, исследователя Сибири П.М. Головачева, на «поворот» к Востоку оказали

влияние и несбыточные панславистские идеи: «Когда окончательно выяснилось, что многочисленные культурно-исторические, географические и политические причины делают безнадежным осуществление панславистских идеалов, тогда внимание людей с мистической складкой в области политических и социальных вопросов обратилось с европейского Востока на азиатский» [9, с. 8].

Национально-культурная идентичность России в определении «восточников» приобрела «азиатские» черты. По мнению Э.Э. Ухтомского, Россию и Восток объединяет культурно-историческая близость: «Преобладающее значение в нем [в нашем прошлом] всегда выпадало на долю Азии» [10, с. 32]. Говоря об отношении Европы к России, этнограф отмечал: «...Запад до того проникнут к нам неисцелимою неприязнью, что даже осязательную помощь русских принимает в качестве чего-то должного по отношению наций высшего порядка со стороны варваров-московитов» [11, с. 23]. В ходе своих рассуждений он не раз подчеркивает чуждость европейцам и понятность для русских восточного мира. Долгое соприкосновение с Востоком и продвижение в его глубь обеспечило русским возможность понимать восточную культуру и осознавать свою общность с ней.

Исследователь считал, что Россия опередила в своем развитии Восточные страны, но сохранила общие для них культурные и политические традиции, которые и являются объединяющим фактором. Россию отличает от Востока то, что она «полтора года лет шагнув по пути прогресса... высвободилась из-под опеки заграничных авантюристов...» [12, с. 4–5]. Это и обеспечивает «первенство» русских в Азии и накладывает на них «историческую роль и завещанную предками миссию главарей Востока» [12, с. 209]. По своему историческому призванию Россия должна была стать «мировой силой, сочетающей Запад с Востоком» [10, с. 32].

Современник князя Э.Э. Ухтомского П.М. Головачев характеризовал «восточничество» следующим образом: «Этот взгляд является как бы дальнейшим развитием взглядов славянофилов и панславистов» [9, с. 7–8]. «Восточничество», по мысли исследователей, было достаточно влиятельным направлением [13, с. 189; 14, с. 78–80], однако из-за необдуманных действий России на Дальнем Востоке оно постепенно утратило свою состоятельность и уступило место идеям о «желтой опасности», проявившимся особенно после поражения в Русско-японской войне в 1905 г.

Современная исследовательница Е.А. Чач по результатам анализа словарных и энциклопедических статей конца XIX — начала XX вв. о Востоке, восточных народах и востоковедении в целом отмечала устойчивость европоцентризма в отношении к ним: «В оценке того или иного народа важную роль играет степень его восприимчивости к европейской культуре» [15, с. 17]. В дальнейшем Первая мировая война привела к осознанию мировой общественностью относительности, а во многом и недостаточности достижений европейской культуры. Российское общество в этих условиях начало новые поиски национальной идентичности. Мыслитель Н.А. Бердяев подчеркивал, что «мировая война остро ставит вопрос о русском национальном самосознании. Русская национальная мысль чувствует потребность и долг разгадать загадку России, понять идею России, определить ее задачу и место в мире» [16, с. 296].

В этом отношении особенно интересно видение выдающегося поэта той эпохи А. Блока, нашедшее свое выражение в стихотворении «Скифы», написанном 30 января 1918 г. Противопоставляя Россию Европе, Блок ищет ответ на Востоке, у которого только и осталось еще «человеческое лицо». «Скифы» написаны от лица тех, кто веками держал щит «между монголами и Европой», а идентификация Блока оказывается близка к идеям евразийства, так как Россия противопоставляется как Западу (Европе), так и Востоку (монголам), он представил русских скифов не азиатами, а независимым третьим элементом между Европой и Азией [17, с. 191–215].

Важным этапом в определении места России в системе Восток — Запад стало появление евразийства в эмигрантской среде, вызвавшего широкий общественный резонанс. Возникновение евразийства связано с опубликованием книги Н.С. Трубецкого «Европа и человечество» и выходом в 1921 г. в Софии коллективного труда «Исход к Востоку. Предчувствия и свершения. Утверждение евразийцев», авторами которого были П.Н. Савицкий, Н.С. Трубецкой, П.П. Сувчинский и Г.В. Флоровский [18; 19]. Признавая «восточность» России, народы российского мира исследователи не относили ни к европейцам, ни к азиатам, а называли их евразийцами. Евразийство представляло собой новый подход к Востоку, особенность которого состояла во включении многих азиатских народов в историю, жизнь и самоопределение русских, а также в решительном разрыве с Западом и отказом от европоцентризма. Ключевое место в историческом развитии Российского государства и культуры отводится роли восточного элемента, «степной стихии, дающей мироощущение “континента-океана”».

При сходстве некоторых положений между евразийством и взглядами князя Ухтомского существуют принципиальные отличия. Одно из них заключается в самоидентификации. В целом, если Э.Э. Ухтомский пользовался традиционными определениями «Россия» и «русские», а Азия для него «строгое говоря, в полном объеме есть та же Россия» [20, с. 43], то молодые эмигранты признавали себя «евразийцами», а о принадлежавшей России экономико-географической и культурной сфере говорили как о «России-Евразии».

Российская культурно-историческая общность представлялась евразийцам самостоятельным, целостным организмом, отличным как от Европы, так и от Востока, хотя и с преобладающим влиянием Востока на формирование евразийской культуры [21, с. 100–105]. Категорически отвергая западничество и одновременно его славянофильскую альтернативу, евразийцы декларировали свою срединную позицию. Однако тема такой «срединной» позиции иногда встречается и у Э.Э. Ухтомского. Он утверждал, что уверенность русских в своем историческом призвании быть выше и лучше других «есть в бесформенном определении себя каким-то новым обособленным миром, который вмещает и объединяет в недрах своей души культурно разделяемые бездной Восток и Запад» [22].

Евразийцы отказались от европоцентризма. Так, Н.С. Трубецкой указывал: «Евразийство отвергает безапелляционный авторитет европейской культуры» [22, с. 80]. Однако Э.Э. Ухтомский, отказываясь от убеждения о превосходстве западной цивилизации и отстаивая мысль, что восточная культура ни в чем не уступает европейской, не мог в полной мере отойти от европоцентристского подхода. Для востоковеда «западное общечеловеческое просвещение» [12, с. 38],

несмотря на критику рационализма и меркантилизма умственно дисциплинирующего Запада, все же имело большую значимость и давало ему основания видеть в России более развитую культуру, которая в сочетании со своими коренными традициями была способна и призвана пробудить Восток.

Таким образом, «обращение» к Востоку в определении национально-культурной идентичности прошло долгий путь, сопровождавшийся «отчуждением» от Запада. Если в начале XIX в. главным ориентиром служила Европа, а российское общество считало себя частью европейской цивилизации, то уже после Отечественной войны 1812 г. можно отметить обращение к национальной культуре, усилившееся во второй половине XIX в. и оказавшее заметное влияние на идентичность. Экзотические, эстетические и даже романтические впечатления от Востока, давшие импульс развитию востоковедения, постепенно, под влиянием поражений и неудач в Европе, дополнялись осознанием колониальных интересов и идеями политической экспансии России в Азию.

Панславистские идеи породили идентичность, основанную на осознании славянской общности и противопоставлении ее остальным, прежде всего германским народам. Кризис панславизма и устремление России на Восток в конце XIX в. способствовали появлению весьма оригинальной теории «восточничества» о культурно-историческом единстве России и Востока. Явная самоидентификация с Западом у мыслителей и общественных деятелей XIX в., западный характер и структура самих взглядов этих людей, проявлявшиеся при соотнесении России и Востока, сменяются у Э.Э. Ухтомского на более критичное отношение к Западу и западному образу мысли. С конца XIX в. и до установления советской власти положительный образ Востока играл важную роль в самоопределении части российского общества, что нашло свое логичное завершение в оригинальной концепции российских эмигрантов — евразийстве, основанном на последовательном отказе от европоцентризма.

Библиографический список

1. *Малинова О.Ю.* Российская идентичность между идеями нации и цивилизации // Вестник института Кеннана в России. М., 2012. Вып. 22.
2. *Рязановский Н.В.* Азия глазами русских // В раздумьях о России (XIX век). М., 1996.
3. *Погодин П.М.* О русской политике на будущее время // Историко-политические письма и записки в продолжении Крымской войны. 1853–1856. М., 1874.
4. *Достоевский Ф.М.* Геок Тепе. Что такое для нас Азия // Собрание сочинений: в 15 т. СПб., 1995. Т. 14.
5. *Достоевский Ф.М.* Дневник писателя // Полное собрание сочинений: в 30 т. Л., 1984, Т. 27.
6. *Леонтьев К.Н.* Византизм и славянство // Собрание сочинений. М., 1912. Т. V.
7. *Березанская Л.В.* Особенности развития китайской цивилизации в исторической концепции С.М. Георгиевского // Вестник Томского государственного университета. 2007. № 294.
8. *Саркисянц М.* Россия и мессианизм. К «русской идее» Н.А. Бердяева / перевод с нем. СПб., 2005.
9. *Головачев П.* Россия на Дальнем Востоке. СПб., 1904.
10. *Ухтомский Э.Э.* Путешествие Государя Императора Николая II на Восток (в 1890–1891). СПб.; Лейпциг, 1897. Т. III. Ч. 5.
11. *Ухтомский Э.Э.* Из китайских писем. СПб., 1901.
12. *Ухтомский Э.Э.* Путешествие Государя Императора Николая II на Восток (в 1890–1891). СПб.; Лейпциг, 1895. Т. II. Ч. 3.

13. *Schimmelpenninck van der Oye D.* The Asianist Vision of Prince Ukhtomskii // Казань, Москва, Петербург: Российская империя взглядом из разных углов. М., 1997.
14. *Чач Е.А.* Ориентализм в общественном и художественном сознании серебряного века: автореф. ... канд. ист. наук. СПб., 2012.
15. *Бердяев Н.А.* Душа России // Русская идея. М., 1992.
16. *Межуев Б.В.* Забытый спор. О некоторых возможных источниках «Скифов» А. Блока // Соловьевские исследования: периодический сборник научных трудов. Иваново, 2002. Вып. 5.
17. Предчувствия и свершения (предисловие из сборника «исход к Востоку») // Мир России Евразия: антология. М., 1995.
18. *Трубецкой Н.С.* История. Культура. Язык. М., 1995.
19. Исход к Востоку. Предчувствия и свершения. Утверждение евразийцев. М., 1997.
20. *Савицкий П.Н.* Евразийство // Россия между Европой и Азией: Евразийский соблазн: антология. М., 1993.
21. [Ухтомский Э.] С.-Петербург, 6 января 1896 г. // Санкт-Петербургские ведомости. 1896. № 5. 6 (18) янв.
22. *Трубецкой Н.С.* Мы и другие // Россия между Европой и Азией: Евразийский соблазн: антология. М., 1993.

К.А. Kudayarov

The Turkish-Kyrgyz Collaboration in the Military Sphere

The article briefly describes donor and other kinds of supports from the Turkish Republic to military departments of Kyrgyzstan. It is proved that because of the existing threats of international terrorism and to support security and order within the republic, Kyrgyz authorities along with many states of the Central Asian Region cooperate with Turkey in the military sphere.

Key words and word-combinations: Turkey, Kyrgyzstan, military cooperation.

Рассматривается поддержка, оказываемая со стороны Турции военным ведомствам Киргизской Республики. Доказывается, что в силу существующих угроз со стороны международного терроризма, а также для поддержания безопасности и порядка в пределах собственного государства киргизское руководство, наряду со многими государствами региона, сотрудничает с Турцией в военной сфере.

Ключевые слова и словосочетания: Турция, Кыргызстан, военное сотрудничество.

УДК 327(560+575.2)
ББК 66.4(0)(5Туз+5Кир)

К.А. Кудаяров

ТУРЕЦКО-КИРГИЗСКОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО В ВОЕННОЙ СФЕРЕ

Географическое положение Киргизии делает ее частью весьма не спокойного и проблемного региона, соседствующего с Афганистаном, вследствие чего подверженного разного рода угрозам. Эти угрозы связаны как с деятельностью запрещенных в России террористических организаций подобных Талибану, Исламскому государству, так и незаконным оборотом наркотиков и многим другим. Существуют также внутрирегиональные проблемы, связанные с распределением водных ресурсов, территориальными спорами и иными проблемами, приводящими нередко к межнациональным

конфликтам. Именно поэтому представляется актуальным вопрос укрепления Вооруженных сил Киргизии, поскольку это отвечает не только национальным интересам самой центральноазиатской республики и ее соседей, но и стран, имеющих свои интересы в регионе, в первую очередь Россия, Китай и Турция. Последняя, в отличие от первых двух (исторически тесно взаимодействовавших с регионом), имеет также культурную и лингвистическую общность, что стало платформой ее внешнеполитической деятельности в тюркоязычных государствах.

Турецко-киргизское сотрудничество в военной сфере началось в 1993 г. с подписания договора о военном сотрудничестве. В рамках данного договора турецким правительством оказывается техническая и материальная помощь киргизским Вооруженным силам, а также проводится обучение киргизских военных. Военнослужащие, солдаты и курсанты регулярно проходят обучение в различных военных учебных заведениях Турции. Отрядами мобильного обучения Вооруженных сил Турции проводится контртеррористическая подготовка Вооруженных сил Киргизии [1]. Это были первые шаги двустороннего сотрудничества в военной сфере.

Отметим, что в начале 1990-х годов боеспособность киргизских войск была достаточной при наличии определенного военно-технического оборудования, соответствующего образования, что являлось наследием СССР. Однако со временем военная техника изнашивается, морально устаревает, уступая более современным аналогам. Соответственно, развивается и военное образование. Все это увеличивает спрос на внешнюю военную помощь, поскольку собственными силами Киргизия не способна идти «в ногу со временем».

3 марта 1993 г. между двумя государствами (Киргизией и Турцией) был заключен договор о сотрудничестве в сфере получения военного образования. Необходимо отметить, что в период с 1993 по 2007 г. киргизские военнослужащие получали военное образование в вузах следующих стран: Россия — 662 офицера, Казахстан — 30 офицеров, Азербайджан — 23 военнослужащих [2], Турция — более 50 человек. К 2014 г. обучение в Турции прошли более 100 человек [3]. Таким образом, подготовка будущих киргизских военных в Турции не отличается большими масштабами, поскольку приводимые данные показывают, что в этом отношении российские учебные заведения более чем в пять раз превосходят Турцию по количеству обучаемых из Киргизии. Россия предлагает пройти обучение в 15 военных учебных заведениях (для сравнения: среди стран СНГ Казахстан готов предоставить два вуза, Азербайджан и Турция — только по одному вузу [4]).

Следует сказать, что Россией, Казахстаном и Азербайджаном предоставляется образование, основанное на традициях советского военного дела, отличное от образования, предоставляемого Турцией, в традициях американского военного дела. Интерес киргизских властей также вызван стремлением получить турецкий опыт, основанный на многовековой истории военного дела, что сыграло свою роль и на формировании нынешнего положения Турции в

военной системе НАТО, где она располагает второй по численности и мощи армией после американской.

Несмотря на определенную активность в выстраивании военных отношений, в целом 1990-е годы не отличаются большими успехами Турции в этом направлении. Военное сотрудничество между двумя государствами заметно активизируется только с 2000 г. Определенную роль в этом сыграли и «баткенские события» 1999—2000 гг., когда большая группа террористов Исламского движения Узбекистана (ИДУ) вторглась на киргизскую территорию, не встречая серьезного противодействия со стороны военных формирований республики. Именно тогда обнаружилась вся слабость киргизской военной армии перед лицом внешней агрессии. Террористы ИДУ были выдавлены из Киргизии, многие уничтожены благодаря военной помощи из России и Турции. Наибольшую роль на развитие киргизско-турецкого военного сотрудничества сыграли события 11 сентября 2001 г., когда началась глобальная борьба с терроризмом, что в результате привело к увеличению количества тренингов и учений.

В это время происходит усиление не только собственно личного состава Министерства обороны, но и Министерства внутренних дел. При тесной координации двух министерств возможна эффективная борьба с незаконными вооруженными формированиями. Поэтому в октябре 2002 г. делегация офицеров внутренних войск Киргизии прибыла в Турцию для обсуждения перспектив двустороннего сотрудничества с турецкой жандармерией. Целью было обучение офицеров внутренних войск Киргизии [5]. Турецкая полиция обучает киргизских коллег своим методам борьбы с преступностью и методам ведения военных действий. Были организованы 7-недельные курсы для обучения военнослужащих внутренних войск МВД и Погранслужбы Киргизии. Ежегодно проводится обучение по горной, специальной и снайперской подготовке. Таким способом киргизская милиция усваивает турецкую модель работы.

Позже возникает сотрудничество в новом направлении — развитии военной медицины. На рабочей встрече 15 августа 2005 г. исполняющего обязанности министра обороны Киргизии И.И. Исакова и министра национальной обороны Турции В. Гонуля в деталях обсуждалась данная тема. Турецкая сторона стала оказывать посильную помощь в подготовке медицинских специалистов, приобретении медицинского и технического оборудования, медикаментов. Отныне начинают выделяться средства со стороны Турции и на поддержку военной медицины, также закупается имущество для Министерства обороны Киргизии, Национальной гвардии. Оказывается разного рода военно-техническая помощь, в том числе и для оборудования погранзастав. За четырнадцать лет военного сотрудничества Турция оказала Киргизии военно-техническую помощь на сумму более 3 млн долл. США [6].

Не обошел вниманием турецкую поддержку и экс-президент Киргизской Республики К. Бакиев, отметив, что «в сфере военного сотрудничества Турция ежегодно предоставляет гранты на миллионы долларов США, которые мы

направляем на реорганизацию наших Вооруженных Сил» [7]. В перечень имущества, передаваемого турецкой стороной, за эти годы вошли автотранспортные средства, большегрузные рефрижераторы, а также ручные неподвижные автомобильные центральные рации, коммутаторы, генераторы и аккумуляторы, силовые установки, громкоговорители, цифровые ретрансляторы, приборы ночного видения, лазерные прицелы, ручные бинокли, сигнальные пистолеты, металлоискатели, посуда, походные кухни, двухъярусные кровати и обувь. Как заявил глава генштаба Турции Н. Озел: «Вооруженные силы Турции испытывают огромную радость, оказывая военно-техническую помощь Киргизской Республике в рамках модернизации вооруженных сил» [8].

Дальнейшее сотрудничество между двумя государствами продолжается после подписания в Бишкеке совместной декларации 26 мая 2009 г. между президентом Киргизии К.С. Бакиевым и президентом Турции А. Гюлем. Стороны договорились сотрудничать в военной и военно-технической сферах в совместной борьбе против международного терроризма и укреплении международной и региональной безопасности [9].

Во время расширенного заседания коллегии Министерства обороны Киргизии, состоявшегося 11 января 2013 г., было принято решение по дальнейшему сотрудничеству с оборонными ведомствами иностранных государств по линии военно-технического сотрудничества, среди которых основными партнерами выступают Россия, Китай и Турция [10]. Россия является государством — гарантом безопасности Киргизии. Поскольку оба государства входят в единую систему безопасности — ОДКБ, то Россия посредством военно-воздушной базы в г. Кант ежедневно совершает облет территорий южных стран — членов ОДКБ — Казахстана, Таджикистана и Киргизии. На территории Киргизии также имеются военные объекты России: сейсмостанция, радиолокационная станция, испытательный полигон для торпедного оружия и многое другое. Это говорит о том, что ни Турция, ни Китай сегодня не могут равняться с Россией по степени значимости в обеспечении безопасности Киргизии.

В феврале 2015 г. главой генштаба Киргизии А.Т. Алымкожоевым достигнута договоренность о следующем: для обучающихся в военных учебных заведениях Турции граждан Киргизии были вдвое увеличены квоты; в штабе НАТО города Измир начнет работать военный представитель Киргизии в Турции [11]. Данный факт подтверждает координацию деятельности НАТО в Киргизии через Турцию. Взаимодействие Министерства обороны Киргизии с НАТО в военной области развивается в рамках программы «Партнерство во имя мира». Данное сотрудничество выражается в виде проведения учений, конференций, семинаров. В период с 1994 по 2008 г. более пятисот военнослужащих Министерства обороны Киргизии приняли участие в мероприятиях в рамках указанной программы, которая включала в себя обучение по таким темам, как миротворчество, языковая подготовка, борьба с терроризмом и наркотрафиком, право вооруженных конфликтов и многое другое [12]. По линии НАТО принято решение, что

Турция будет курировать взаимоотношения этой организации с Киргизской Республикой [13]. С 2000 г. Турция ежегодно в рамках программы проводит 12-недельные курсы вместе со специальными подразделениями Вооруженных сил Киргизии.

В 2007 г. Киргизская Республика присоединилась к программе «Процесс планирования и анализа» (ПАРП). Данная программа нацелена на расширение сотрудничества между Киргизией и НАТО. Предпринимаются соответствующие меры по приведению киргизских Вооруженных сил в соответствие с международными стандартами. Программой также предусмотрено привлечение к участию отдельных подразделений силовых структур Киргизии в миротворческих операциях. Выделяются средства на участие военнослужащих Минобороны Киргизии на курсах в рамках программы «Партнерство во имя мира» и Центре совершенствования методов борьбы с терроризмом, а также на затраты по участию в других мероприятиях НАТО «Партнерство во имя мира».

Подводя итоги двустороннего сотрудничества, необходимо отметить следующее. За весь период сотрудничества Турция оказывала в одностороннем порядке помощь Вооруженным силам Киргизии, помогая укрепить как физическую и образовательную подготовку военнослужащих, так и оснастить киргизскую армию современным вооружением и экипировкой. Отсутствие разногласий в киргизско-турецких отношениях лишь способствовало развитию военного сотрудничества между двумя странами, которое особенно усилилось после событий 11 сентября 2001 г. Турция, как и государства Центральной Азии, а также Россия и Китай, всерьез озабочена архитектурой безопасности в регионе и нацелена на решение афганской проблемы, которая многие годы является угрозой стабильности в центральноазиатских республиках. Турция в рамках своей внешнеполитической концепции воспринимает Центральную Азию как зону своих интересов, подкрепленных культурно-лингвистическим и религиозным сходством, а также давними историческими связями с последней. Киргизия как слабейшее государство региона больше остальных нуждается в какой-либо внешней помощи, что встречает понимание и поддержку со стороны турецкого руководства и его военных ведомств. Членство в НАТО также наделяет Турцию определенными полномочиями, способствующими продвижению данной политики. В сравнении с российской военной помощью и российским военным присутствием турецкое военное сотрудничество с Киргизией является крайне незначительным, но все же необходимым элементом, способствующим поддержанию мира и стабильности в Киргизии и в регионе в целом.

Библиографический список

1. Сайт интернет-издания «Тюм газетелер». URL: <http://www.tumgazeteler.com/haberleri/haber-merkezi/>
2. Зарубежные военно-учебные заведения // Сайт Генерального штаба ВС КР. URL: <http://mil.kg/ru/military-education/zarubezhnye-voennouchebnye-zavedeniya.html>

3. *Моисеева С.* Военный атташе Турции завершил дипмиссию в Кыргызстане // Сайт газеты «Вечерний Бишкек». URL: <http://www.vb.kg/282478>
4. Отдел информационного обеспечения Министерства обороны КР. Офицерские горизонты // Сайт Министерства обороны КР. URL: <http://mil.kg/ru/ministry/news/532-officerskie-gorizonty.pdf>
5. Турецкая помощь Кыргызстану // Сайт информационного портала «МСДМ.РУ». URL: http://www.mcds.ru/default.asp?Mode=Review&ID_L0=4&ID_L1=44&ID_L2=431&ID_L3=1502&ID=&ID_Review=56913
6. *Ким А., Груздов Ю.* Турецкий друг лучше новых двух // Сайт общественно-политической газеты «МСН». URL: <http://www.msn.kg/ru/news/11011/>
7. *Бакиев К.* У Турции можно многому поучиться // Сайт центральноазиатской новостной службы «CA-news.org». URL: <https://ca-news.info/2009/05/26/28>
8. *Джумашева А.* Турция подарила швейное оборудование для комбината Минобороны // Сайт газеты «Вечерний Бишкек». URL: <http://www.vb.kg/270573>
9. Протокол между Минобороны Кыргызской Республики и Генштабом Турецкой Республики о предоставлении материально-технической помощи для вооруженных сил Кыргызской республики // Сайт информационного центра «Токтом»: URL: <https://online.toktom.kg/new/741571?documentFtsExpr=%D1%82%D1%83%D1%80%D1%86%D0%B8%D1%8F>
10. Управление информационного обеспечения Министерства Обороны Кыргызской Республики. Расширенное заседание коллегии МО КР // Сайт Министерства обороны Кыргызстана. URL: <http://mil.kg/ru/ministry/news/380>
11. *Джумашева А.* В 2016 году Турция вдвое увеличит квоты на обучение военных из Кыргызстана // Сайт газеты «Вечерний Бишкек». URL: http://www.vb.kg/doc/302479_v_2016_gody_tyrciia_vdvoe_yvelichit_kvoty_na_obychenie_voennyh_iz_kyrgyzstana.html
12. Сотрудничество с НАТО // Сайт Министерства обороны КР. URL: <http://mil.kg/ru/military-cooperation/nato-cooperation.html>
13. NATO's Relations with the Kyrgyz Republic // Website of NATO. URL: http://www.nato.int/cps/en/natohq/topics_49607.htm?selectedLocale=en

---

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

A.P. Yakovleva

Adversarial Administrative Legal Proceedings and the Active Role of the Court

The author examines the combination of adversarial proceedings principles and the court's activity in matters in administrative proceedings of Russia. A comparison of the previous public law proceedings in a civil trial and the new administrative proceeding is drawn.

Key words and word-combinations: the adversary system, truth, administrative conflict, administrative proceedings.

Исследуются вопросы сочетания принципов состязательности и активности суда при рассмотрении дел в порядке административного судопроизводства России. Проводится сравнение ранее действовавшего публично-правового производства в гражданском процессе и нового административного судопроизводства.

Ключевые слова и словосочетания: состязательность, истина, административный конфликт, административное судопроизводство.

УДК 342.9
ББК 67.401

А.П. Яковлева

СОСТЯЗАТЕЛЬНОСТЬ АДМИНИСТРАТИВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА И АКТИВНАЯ РОЛЬ СУДА

В результате принятия и введения в действие Кодекса административного судопроизводства РФ (далее — КАС РФ) административное судопроизводство, предусмотренное ст. 118 Конституции РФ, выделено из гражданского процесса в самостоятельный административный процесс. Административное производство имеет целью защиту прав граждан и организаций в сфере административных и иных публичных правоотношений посредством проверки судами законности деятельности государственных органов, органов местного самоуправления, государственных и муниципальных служащих, должностных лиц.

Ранее такие дела рассматривались в рамках гражданского процесса в так называемом производстве по делам, возникающим из публичных правоотношений. Это производство имело свои процессуальные особенности и отличалось от искового. Особенности обусловлены субъектным составом участников судопроизводства — сторон

административного конфликта и необходимостью независимой защиты со стороны суда участников публично-правового отношения. В первую очередь речь идет о проверке законности деятельности властного субъекта, где суд призван уравновесить их положение с точки зрения принципа процессуального равноправия сторон. Процессуальное равноправие позволяет выйти из отношений власти и подчинения, которая присутствует в материальных правоотношениях, в которых находятся стороны конфликта.

Тем не менее с целью достижения равноправия законодатель совершенно справедливо устанавливает процессуальные особенности рассмотрения административных дел, которые позволяют говорить о более сложном процессуальном положении властвующего субъекта.

Уже в соответствующих главах ГПК РФ, в настоящее время утративших силу регулировалось публично-правовое производство, суду отводилась более активная роль, чем в исковом производстве. Это объясняется тем, что стороны материального правоотношения находятся в отношениях власти и подчинения, а суд устанавливает правомерность действий государственных органов, органов местного самоуправления, государственных и муниципальных служащих, должностных лиц. Как справедливо отмечает Г.А. Жилин, публично-правовой характер предмета судебной защиты по такому делу объективно требует определенного смещения целевой направленности судопроизводства с частного интереса заявителя в сторону обеспечения законности и правопорядка в соответствующей сфере общественной жизни [1, с. 476]. Смещение центра тяжести в сторону проверки законности действий властвующих субъектов требует и соответствующих исключений процессуального характера с целью защиты интересов заявителя.

Принципы гражданского процесса, такие как состязательность, равноправие сторон и диспозитивность, в публично-правовом производстве имели свои особенности применения. Так, суду отводилась более активная роль, нежели в исковом производстве. Главным образом это касалось права суда истребовать доказательства по своей инициативе, суд не был связан основаниями и доводами заявленных требований. Диспозитивность также имела свои особенности, например, отсутствовали такие институты, как признание иска, отказ от иска, мировое соглашение и другие.

Современный интерес вызван принципами нового административного производства и прежде всего изложением в ст. 5 КАС РФ принципа состязательности и равноправия сторон при активной роли суда. Формулировка данного принципа существенно отличается от подобных формулировок современного гражданского и арбитражного процессуального законодательства, где состязательность как раз является противоположностью активной роли суда, что, в свою очередь, основано на норме ст. 123 Конституции РФ, провозглашающей состязательность и равноправие сторон. Принцип состязательности по своей сути является постулатом, который ограничивает активность суда. Одной из главных характеристик состязательного процесса является возможность и обязанность сторон судопроизводства активно доказывать свою позицию, поэтому обязанность по представлению доказательств возлагается на стороны, что и определяет процесс в форме состязания сторон. В этом случае суд лишь оказывает содействие в собирании и истребовании доказательств, если это за-

труднительно для лиц, участвующих в деле (п. 1 ст. 57 ГПК РФ). Аналогичные нормы содержатся и в ст. 66 АПК РФ.

Поскольку состязательность имеет в основе активность сторон, а не суда, то она отходит от такого принципа, как принцип объективной истины, при достижении которого должен проявлять активность суд. Поэтому формулировка принципа состязательности, изложенная в КАС РФ, вызывает недоумение, так как активность суда предполагает стремление к установлению объективной истины по делу, что, в свою очередь, исключает состязательность и активность сторон.

В современной процессуальной теории истину делят на следующие виды: объективная, абсолютная, судебная, формальная, относительная и т.д. [2–4]. А.П. Рыжаков, например, анализируя принципы административного судопроизводства, высказывает мнение об абсолютно-относительной истине [5]. Но возникает вопрос: возможно ли это?

Определение истины, данное еще Аристотелем около двух с половиной тысячелетий назад, дословно звучит так: «Платон друг, но истина еще больший друг». Суть этого определения заключается в следующем: внешняя действительность как предмет познания существует до познания и не зависит от наличия или отсутствия знания о ней; понятие «истина» не совпадает с понятием «бытие» и относится не к бытию, а к суждению разума, выраженному в речи; истинность суждения выявляется в его соответствии предмету познания, а признание его истинным возможно, если только структура и содержание суждения соответствует тому, как обстоит дело с вещами [6, с. 250]. Объективная истина находится выше знания о ней и ее существование не может зависеть от наших сведений. Понятие истины как философской категории заключается в том, что внешняя действительность как предмет познания существует до познания и не зависит от наличия или отсутствия знания о ней [7, с. 138].

М.К. Треушников отмечает, что познающий субъект (суд) для достижения конечных целей правосудия по конкретному делу и обоснования своего решения получил в результате доказывания знания адекватные действительности [8, с. 32]. Процессуальная сторона этого вопроса выражается в том, насколько должен быть активен суд, чтобы достичь эти адекватные действительности знания по делу. Следовательно, вопрос об истине административного судопроизводства в первую очередь затрагивает процесс доказывания. Нельзя не согласиться с мнением, что без установления верных знаний по делу выводы суда не могут быть законными и обоснованными.

Попытка соединить состязательность и активность суда прослеживается уже в общих положениях по доказыванию. Так, в соответствии со ст. 62 КАС РФ главное правило доказывания сформулировано на основе состязательности сторон, то есть лица, участвующие в деле, обязаны доказывать обстоятельства, на которые они ссылаются как на основания своих требований или возражений. Это общее правило, однако законодатель сразу устанавливает исключение из него. В соответствии с ч. 2 ст. 62 КАС РФ обязанность доказывания законности оспариваемых нормативных правовых актов, решений, действий (бездействия) органов, организаций и должностных лиц, наделенных государственными или иными публичными полномочиями, возлагается на соот-

ветствующие орган, организацию и должностное лицо. Указанные органы, организации и должностные лица обязаны также подтверждать факты, на которые они ссылаются как на основания своих возражений. Это же правило закреплено и в разделе ГПК РФ, регулирующем рассмотрение дел, возникающих из публичных правоотношений. Таким образом, бремя доказывания по правомерности принятия определенных решений и совершения конкретных властных действий возлагается не на обе стороны административного судопроизводства, а на субъект, наделенный властными полномочиями. Данное правило не соотносится с главным правилом принципа состязательности и отходит от «абсолютной» состязательности.

Однако нельзя не оценить положительно тот факт, что КАС РФ полностью не освобождает от обязанности доказывания административных истцов и лиц, обращающихся в суд за защитой прав других лиц. При этом указывается три группы фактов, которые должна доказать сторона административного истца, что является новеллой процессуального законодательства. К ним относятся:

во-первых, какому нормативно-правовому акту противоречат акты, решения, действия (бездействие);

во-вторых, чем оспариваемый нормативный правовой акт, решение, действие (бездействие) нарушает или может нарушить права, свободы и законные интересы административного истца или неопределенного круга лиц либо возникла реальная угроза их нарушения;

в-третьих, иные факты, на которых основываются требования административного истца, прокурора, органов, организаций и граждан.

Как видим, формирование предмета доказывания по административному делу осуществляется процессуальными нормами в отличие от искового производства, где факты, имеющие значение для дела, содержатся в нормах материального права. Полагаем, что такое законодательное определение состава предмета доказывания облегчит задачу административных истцов при формировании своих требований и их обоснований.

В проанализированных нормах видим соединение казалось бы не сочетаемых элементов: возложение бремени доказывания на одну из сторон в спорном правоотношении и одновременное обязательство другой стороны доказать определенные факты. С точки зрения соблюдения законности и осуществления судебного нормоконтроля за деятельностью других ветвей власти данное правило будет способствовать защите прав, свобод и законных интересов заявителей, поскольку детализированная процессуальная регламентация устанавливает более четкие рамки поведения суда, рассматривающего дело и, соответственно, других участников процесса.

В ч. 3 ст. 62 КАС РФ определено, что обстоятельства, имеющие значение для правильного разрешения административного дела, определяются судом в соответствии с нормами материального права, подлежащими применению к спорным публичным правоотношениям, исходя из требований и возражений лиц, участвующих в деле. Это общее правило, присущее всем видам гражданского судопроизводства. Однако далее содержится норма, которая говорит о том, что суд не связан основаниями и доводами заявленных требований, хотя идет оговорка, что данное правило относится только к административным делам об оспарива-

нии нормативных правовых актов, решений, действий (бездействия), соответственно принятых или совершенных органами государственной власти, органами местного самоуправления, иными органами и организациями, наделенными отдельными государственными или иными публичными полномочиями, должностными лицами, государственными или муниципальными служащими, а также по административным делам о защите избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации, то есть изначально самым традиционным категориям дел, относящимся к публичным правоотношениям.

В связи с этим возникает вопрос, должен ли суд все-таки исходить из требований и возражений лиц, участвующих в деле, и рассматривать дело в этих рамках или он все же не связан доводами и основаниями, содержащимися в исковом заявлении и возражении на него? Полагаем, что правовая неопределенность в данном вопросе может повлечь за собой слишком разные примеры правоприменения, и многое будет зависеть от личных качеств конкретного судьи и его неравнодушия к исполнению своих обязанностей.

Истребование доказательств тоже вызывает некоторые вопросы. В соответствии со ст. 63 КАС РФ в целях правильного разрешения дела суд вправе истребовать доказательства по ходатайству лиц, участвующих в деле, или по своей инициативе. В каком случае можно ходатайствовать об истребовании доказательств, и в каком случае суд сам будет их истребовать? Опять многое возложено на усмотрение суда, и провозглашенная активность суда обладает большой степенью диспозитивности.

КАС РФ также не содержит нормы о порядке подачи ходатайства об истребовании доказательств. В делах же искового производства суд оказывает содействие сторонам в собирании доказательств, когда это для них затруднительно. Так, в ст. 57 ГПК РФ, содержащей данное правило, четко указывается, что должно содержать ходатайство сторон об истребовании доказательств. Это указание на доказательство, какие обстоятельства подтверждают это доказательство, причины, по которым сторона не может их получить самостоятельно, и местонахождение этого доказательства. Конечно, можно использовать аналогию закона, которая предусмотрена ч. 4 ст. 2 КАС РФ. Но было бы целесообразно предусмотреть в КАС РФ обстоятельства, при которых суд истребует доказательства по своей инициативе, а при каких он оказывает содействие в собирании доказательств. При этом необходимо установить форму ходатайства, которое должна подать сторона.

Отсутствие данного правила в административном судопроизводстве может вызвать затруднения на практике и создать крен в сторону либо истребования доказательств только по ходатайству лиц, участвующих в деле, либо только по инициативе суда.

Таким образом, состязательность при сочетании с активной ролью суда необходимы при рассмотрении дел административного судопроизводства. Однако с сожалением приходится признавать, что текст нового процессуального Закона нуждается в серьезной доработке и детализации по многим вопросам, поскольку законодателем заявлен сложный симбиоз двух основополагающих принципов судопроизводства, что в итоге должно идти на пользу лицам, защищающим свои права в административном процессе.

Библиографический список

1. Комментарий к Гражданскому процессуальному кодексу Российской Федерации (постатейный) / отв. ред. Г.А. Жилин. М., 2013.
2. Боннер А.Т. Проблемы установления истины в гражданском процессе. СПб., 2009.
3. Бернам У., Решетникова И.В., Ярков В.В. Судебная реформа: проблемы гражданской юрисдикции. Екатеринбург, 1996.
4. Гуцин В.З. Принцип объективной истины в гражданском судопроизводстве // Современное право. 2011. № 10.
5. Рыжаков А.П. Постатейный комментарий к Кодексу административного судопроизводства Российской Федерации [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
6. Аристотель. Сочинения: в 4 т. М., 1976. Т. 1.
7. Яковлева А.П. Некоторые вопросы взаимодействия принципов объективной истины и состязательности в современном судопроизводстве // Бюллетень международной ассоциации содействия правосудию (МАСП). 2015. № 1.
8. Треушников М.К. Судебные доказательства. М., 2004.

N.V. Zarochentseva

**Principles of Constructing
Conciliation Procedures
in Modern Criminal Justice
Process of Russia**

The article analyzes methods of influence over conflict situations used by the prosecution and the defense. The indicators of conflicts being solved as well as principles of constructing conciliation procedures in modern domestic criminal proceedings are described.

Keywords and word-combinations: principles of constructing conciliation procedures, conciliation procedures, conflict termination and settlement.

Анализируются способы воздействия на конфликт как со стороны защиты, так и со стороны обвинения. Раскрываются признаки разрешения конфликтов, а также принципы построения согласительных процедур в современном отечественном уголовном судопроизводстве.

Ключевые слова и словосочетания: принципы построения согласительных процедур, согласительные процедуры, прекращение и разрешение конфликта.

УДК 343.13(470)

ББК 67.410.2(2Рос)

Н.В. Зароченцева

**ПРИНЦИПЫ ПОСТРОЕНИЯ
СОГЛАСИТЕЛЬНЫХ
ПРОЦЕДУР
В СОВРЕМЕННОМ
УГОЛОВНОМ
ПРОЦЕССЕ РОССИИ**

Традиционно в уголовном судопроизводстве существуют два основных «психологических» способа воздействия (регулирования) на конфликт: прекращение конфликта и разрешение конфликта. Первый способ предполагает принудительное регулирование (воздействие) на конфликт.

В современном уголовном процессе обвинение, как правило, подчинено принципу публичности. Это означает, что органы расследования и государственный обвинитель проводят волю государственной власти по

изобличению лица, совершившего преступление. По делам публичного обвинения реализуется принцип неотвратимости наказания. Эти положения на протяжении долгого времени питали такую позицию в криминалистической литературе, согласно которой утверждалось, что следователь не имеет права идти на компромиссы с участниками процесса, если это наносит ущерб установлению объективной истины по делу. С учетом специфики уголовного судопроизводства, его публичного характера, доминирующим способом разрешения частно-правовых юридических конфликтов, возникающих при производстве по уголовным делам на протяжении длительного времени, выступал именно силовой метод их регулирования (прекращения).

Долгое время в уголовном судопроизводстве советского и постсоветского периода, в силу отсутствия принципа состязательности и, как следствие, существенного различия в правовом статусе его участников, такое противостояние во всех случаях оканчивалось «победой» государства над изобличаемой личностью. Например, существовавшее ранее прокурорское санкционирование заключения под стражу обвиняемого (подозреваемого), как способ регулирования частного уголовно-процессуального конфликта, осуществлялось в форме его прекращения, а именно погашения конфликта путем подавления органами предварительного расследования противоположной стороны посредством властного приказа (постановления об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу). Этот вопрос решался в одностороннем порядке (следователем, дознавателем, прокурором) при отсутствии беспристрастного арбитра и без предоставления противоположной стороне возможности выразить свою позицию.

Наиболее оптимальным способом окончания конфликта является его разрешение. Разрешение конфликта — способ, предполагающий его рассмотрение и разрешение независимым арбитром с учетом доводов, представляемых сторонами. Именно в такой форме, по общему правилу, разрешается основной уголовно-правовой конфликт по уголовному делу. Исключение составляют уголовные дела, прекращаемые по нереабилитирующим основаниям и рассматриваемые судом в особом порядке. Построение уголовного судопроизводства на состязательных началах обуславливает необходимость разрешения правового спора, возникающего между стороной обвинения и защиты в досудебном производстве, объективным, беспристрастным и независимым судом.

Традиционные формы регулирования конфликтов и противоречий в уголовном судопроизводстве (прекращение и разрешение) характеризуются следующими общими признаками: основываются на юридических нормах, правилах и стандартах; опираются на концепции справедливого, связанного с издержками судебного разбирательства; имеют принудительный характер для сторон, если решение принимается арбитром (судом); сосредоточиваются на обеспечении законных прав и обязательств сторон в процессе управления конфликтом.

Безусловно, традиционные способы регулирования конфликтов объективно необходимы по уголовным делам о тяжких и особо тяжких преступлениях. Однако чрезмерное их применение не учитывает такие психологические характеристики, как «цена конфликта» и «цена выхода из конфликта». Под «ценой конфликта» в конфликтологии понимаются затраты на продолжение

противоборства, а под «ценой выхода из конфликта» — ущерб, понесенный в результате отказа от противоборства.

Не случайно современный этап развития отечественного уголовного судопроизводства характеризуется появлением альтернативных способов регулирования правовых конфликтов. Наряду с силовым прекращением и состязательным разрешением конфликтов, возникают различного рода согласительные процедуры, сущность которых проявляется в так называемой «отмене конфликта». В психологии под отменой конфликта понимается попытка избавиться от него путем примирения или затушевывания, а не преодоления противоположностей, лежащих в его основе. Достижение компромисса требует встречных шагов обоих оппонентов и рассматривается как форма сотрудничества, а достигнутое соглашение — как справедливое решение.

В последние годы наметилась институционализация конфликта, то есть правовое и организационное закрепление процедур урегулирования конфликтов, их разрешения и управления ими, соблюдаемых всеми конфликтующими сторонами; признание каждой из сторон равного с ней права другой стороны на существование, отстаивание собственной позиции в понимании проблемы и путей ее преодоления. Дифференциация способов (форм) регулирования правовых конфликтов позволяет в большей степени учитывать потенциальную ценность правовых конфликтов, помогает найти новые, более совершенные пути решения проблем; наладить взаимоотношения между участниками судопроизводства; облегчить согласие и взаимное понимание проблем, а также способов их разрешения; получить новую и более точную информацию о проблеме и ее решении, а также стабильности ситуации в результате разрешения конфликта.

В связи с этим важное значение приобретает вопрос о принципах построения современных согласительных процедур. Характеризуя принципы построения согласительных процедур, необходимо отметить, что до настоящего времени спорным был и остается вопрос о понятии и системе принципов уголовного судопроизводства. Даже несмотря на то, что в УПК РФ выделена специальная глава, посвященная принципам, о них спорят до сих пор.

С одной стороны, принципы общей по своей направленности деятельности не могут существенно видоизменяться в зависимости от этапа, либо производства (процедуры), на которых она осуществляется. Действительно, системный характер уголовного судопроизводства обеспечивается тем, что в основе всех стадий и производств лежат общие принципы, обуславливающие друг друга, а потому образующие систему принципов — основы единой системы процессуальных действий и решений, а также процессуальных отношений [1, с. 73]. С другой стороны, по нашему мнению, о принципах можно и нужно говорить не только применительно ко всему уголовному судопроизводству, но и в отношении его дифференцированных производств, к числу которых принадлежат согласительные процедуры (производства).

Согласительные процедуры, являясь частью уголовного судопроизводства, не могут не испытывать на себе воздействие исходных его начал. Согласительные процедуры как альтернативные способы регулирования правовых конфликтов (противоречий) должны иметь собственную правовую концепцию

(основу, идею), определяющую общее русло дальнейшего развития и применения согласительных процедур, иначе дальнейшее развитие уголовно-процессуального законодательства и практика его применения потенциально могут быть противоречивыми, многообразными и изменчивыми.

Общая система принципов уголовного судопроизводства не способна в полной мере учитывать специфику построения согласительных процедур, поскольку рассчитана на общий порядок судопроизводства, поэтому существует объективная необходимость дальнейшего развития, адаптации и конкретизации принципов уголовного судопроизводства применительно к согласительным процедурам.

Изложенное позволяет сделать вывод о том, что в основе согласительных процедур лежит система базовых правовых положений, которая включает два уровня: принципы уголовного судопроизводства, устанавливающие исходные правовые положения осуществления согласительных процедур; специальные принципы согласительных процедур, которые не только развивают, дополняют и конкретизируют исходные правовые положения, но и устанавливают собственные основные правила осуществления согласительных процедур.

Что касается специальных принципов построения согласительных процедур, то в современной конфликтологии разработаны основные положения их построения. Так, в книге Б.И. Хасана «Конструктивная психология конфликта» представлены основные принципы переговорного процесса [2, с. 56]. С учетом специфики уголовно-процессуальной деятельности приурочим (адаптируем) их для уголовного судопроизводства:

1. *Добровольность и осознанность волеизъявления сторон.* Стороны согласительной процедуры должны проявить волю к достижению соглашения. Переговоры не могут состояться без осознания участниками их необходимости. Поскольку со стороны обвинения выступают в основном профессиональные и квалифицированные юристы, постольку данный принцип в первую очередь направлен на защиту законных интересов участников уголовного судопроизводства со стороны защиты — обвиняемого и подозреваемого. Добровольный и осознанный характер волеизъявления подозреваемого, обвиняемого обеспечивается обязательным участием защитника при применении согласительных процедур, а также необходимостью предварительной консультации с защитником при заявлении соответствующего ходатайства.

2. *Заинтересованность сторон в альтернативном способе урегулирования конфликта.* Учитывая психологические основы любой согласительной процедуры, можно утверждать, что каждая из сторон должна иметь собственный интерес в переговорах. Интерес в переговорах означает как реальную потребность, так и определенный круг позиций и предложений разрешения конфликтной ситуации. Для переговоров интерес является центральным моментом. Именно интерес (точнее, его удовлетворенность или неудовлетворенность) является мерой эффективности переговоров.

Проблемным представляется определение интересов органов предварительного расследования и прокурора при принятии решения о применении согласительных процедур. Безусловно, в силу публичного характера уголовно-

процессуальной деятельности субъекты, осуществляющие ее, не могут руководствоваться личными интересами. Поэтому при применении согласительных процедур органы предварительного расследования и прокурор в первую очередь должны руководствуются задачами, стоящими перед уголовным судопроизводством (ст. 6 УПК РФ), в каждом конкретном случае должны оценивать целесообразность применения согласительных процедур и возможность посредством их реализации достижения уголовным судопроизводством своего конечного назначения.

Несмотря на то что, как правило, интересы стороны защиты во многом противоположны интересам стороны обвинения, имеются точки соприкосновения, которые обеспечивают баланс интересов посредством взаимовыгодных предложений и уступок. Результатом применения альтернативных форм урегулирования конфликтов выступает взаимовыгодный (усредненный) интерес. Следовательно, если по результатам согласительной процедуры выигрывают интересы только одной стороны, то это чаще всего является результатом заблуждения противоположной.

В психологии общепринятым считается мнение, согласно которому «конструктивное разрешение конфликта достигается лишь в том случае, если будут удовлетворены интересы всех сторон-участниц и достигнут результат, отвечающий подходу «выигрыш — выигрыш»; решение задачи конструктивного разрешения конфликта и достижения результата «выигрыш — выигрыш» возможно лишь в случае отказа сторон от позиционного торга в пользу ведения переговоров на основе интересов» [3].

3. *Правовое регулирование и профессиональная подготовка сторон.* Существенным условием успешного урегулирования конфликта посредством согласительных процедур выступает его институционализация, то есть правовое и организационное закрепление процедур урегулирования конфликтов, их разрешения и управления ими, соблюдаемых всеми конфликтующими сторонами; признание каждой из сторон равного с ней права другой стороны на существование, отстаивание собственной позиции в понимании проблемы и путей ее преодоления. Как следствие, стороны должны иметь подготовку и навыки ведения переговоров. Переговоры являются процессом, который имеет собственные закономерности, поэтому без знания этих закономерностей стороны просто не могут вести переговоры.

Применительно к уголовному судопроизводству это положение имеет первостепенное значение. Переговорный процесс при производстве по уголовному делу имеет детальную правовую регламентацию. По этой причине альтернативные способы разрешения правовых конфликтов в уголовном процессе предполагают обязательное участие профессионального адвоката-защитника. Согласно определению Конституционного Суда РФ от 6 июля 2000 г. № 128-О «юридическая помощь защитника в уголовном судопроизводстве не ограничивается процессуальными и временными рамками его участия в деле при производстве расследования и судебного разбирательства, она включает и возможные предварительные юридические консультации и разъяснения по юридическим вопросам, устные и письменные справки по законодательству,

составление заявлений, жалоб и других документов правового характера, осуществление представительства, оказание иной юридической помощи» [4].

4. *Правовая обеспеченность выполнения договоренностей и совместных решений.* В уголовном судопроизводстве в качестве ресурсов (гарантий) выступают соответствующие права и обязанности участников переговорного процесса, обеспечивающие выполнение договоренностей и совместных решений. Стороны в согласительной процедуре должны быть наделены равными возможностями по защите отстаиваемых интересов. Диалектическая взаимосвязь принципов построения согласительных процедур проявляется, в частности, в том, что правовая обеспеченность выполнения договоренностей и совместных решений во многом гарантируется обязательным участием адвоката-защитника.

5. *Участие «фасилитатора».* Роль фасилитатора заключается в содействии созданию условий для переговоров между конфликтующими сторонами и в способствовании разрешению спорных вопросов. Функциональное назначение деятельности фасилитатора в основном сводится к тому, чтобы обеспечить равное участие каждой заинтересованной стороны в обсуждении проблемы, добиваться строгого соблюдения намеченной программы и процедуры переговоров, следить за тем, чтобы участники переговоров не отклонялись от обсуждения основных проблем, и предлагать процедуры, облегчающие заключение соглашения между сторонами. Таким образом, полномочия фасилитатора как третьей стороны в разрешении конфликта ограничиваются тем, что после консультаций с участниками переговоров он может принимать решения, касающиеся лишь процесса и процедур решения проблем [3].

В уголовном судопроизводстве фасилитатор является факультативным субъектом согласительных процедур, имеющих усложненную форму. Например, прекращение уголовного дела (уголовного преследования) по нереабилитирующим основаниям, как наиболее простая форма согласительной процедуры, не предполагает участие фасилитатора, в то время как досудебное соглашение о сотрудничестве предполагает участие различных субъектов уголовно-процессуальной деятельности в реализации этой согласительной процедуры.

Таким образом, современные согласительные процедуры, будучи частью уголовного судопроизводства, должны базироваться на общих принципах уголовного судопроизводства (гл. 2 УПК РФ). Однако в силу существенных особенностей имеется объективная необходимость выделения частных принципов построения согласительных процедур, отражающих основную идею (концепцию) построения альтернативных способов регулирования правовых конфликтов (противоречий) и определяющих их основное содержание.

Библиографический список

1. *Стремовский В.А.* Актуальные проблемы организации и производства предварительного следствия в СССР. Краснодар, 1978.
2. *Хасан Б.И.* Конструктивная психология конфликта. СПб., 2003.
3. *Морозова А.В.* Социальная конфликтология. М., 2002.
4. По жалобе гражданина Паршуткина Виктора Васильевича на нарушение его конституционных прав и свобод пунктом 1 части второй статьи 72 УПК РСФСР и статьями 15 и 16 Положения об адвокатуре РСФСР: определение Конституционного Суда РФ от 6 июля 2000 г. № 128-О // Российская газета. 2000. 3 авг.

Yu.O. Kovach

**Legal Construction
of the Interaction between
Civil Society and the State**

The article examines the issues of legal interaction between civil society and the state. The author's interpretation of their interaction is proposed. Elements of the legal structure of interaction between civil society and the state are revealed.

Key words and word-combinations: civil society, rule of law, legal construction.

Исследуются вопросы правового взаимодействия гражданского общества и государства. Предлагается авторская интерпретация их взаимодействия. Раскрываются элементы юридической конструкции взаимодействия гражданского общества и государства.

Ключевые слова и словосочетания: гражданское общество, правовое государство, юридическая конструкция.

УДК [1:316]:340.1
ББК 60.027+67.0

Ю.О. Ковач

**ЮРИДИЧЕСКАЯ
КОНСТРУКЦИЯ
ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ
ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА
И ГОСУДАРСТВА**

Проблематике гражданского общества всегда уделялось серьезное внимание со стороны научной общественности, были разработаны философский, культурологический, социологический, юридический, политологический, экономический подходы к его изучению и предложены англо-саксонская и романо-германская модели [1]. Научное юридическое поле насыщено исследованиями, в которых раскрываются понятие, признаки и принципы, функции, структура гражданского общества, проблемы его развития в России.

Вместе с тем некоторая область правового научного знания о гражданском обществе в условиях глобализационных процессов до сих пор остается недостаточно разработанной. Проблематика глобального гражданского общества интересует ученых [2], однако подавляющее большинство исследований выполнено не на юридическую тематику.

В диссертации С.В. Михайкина «Теоретико-правовые основы функционирования гражданского общества в условиях глобализации» освещаются правовые аспекты гражданского общества в условиях глобализации. Но и в данной работе не охвачен весь комплекс теоретико-правовых задач, нуждающихся в осмыслении; остаются малоизученными правовые связи граждан-

ского общества и государства в эпоху глобализации; отсутствует научная юридическая конструкция взаимодействия гражданского общества и государства в условиях глобализации; нуждаются в уточнении методологические вопросы правового взаимодействия государства и гражданского общества в современных условиях глобализирующегося мира; недостаточно изучены правовые закономерности формирования и развития гражданского общества в условиях глобализации. Все это создает определенные сложности в понимании вопросов правового взаимодействия гражданского общества и государства в современном мире.

Между тем в науке предпринимались попытки юридического конструирования гражданского общества [3]. Задачи настоящей работы определяют необходимость его дальнейшего правового взаимодействия гражданского общества и государства в условиях глобализации.

Для всестороннего и полноценного изучения исследуемого вопроса необходимо разобраться с понятием, сущностью, особенностями юридической конструкции как научной категории, данное понятие не остается без внимания гуманитарной науки [4]. Вероятно, причина в методологической результативности применения приемов юридического конструирования в отечественной и зарубежной науке и практике. Следует в полной мере согласиться с Р. Лукичем в том, что формулирование правовых конструкций — «трудное, ответственное и опасное дело» [5, с. 278].

Анализ научной литературы позволяет сделать вывод о том, что юридическая конструкция является сложной правовой, абстрактной категорией, результатом как сопоставления правовой теории и юридической практики, так и интеллектуальной моделирующей деятельности и юристов — теоретиков и практиков.

В современной правовой науке сложилось неоднозначное понимание категории «юридическая конструкция». Одна группа исследователей производит отождествление юридической конструкции с логической дедукцией [6, с. 73], вторая через призму теоретических положений, третья — способ регулирования общественных отношений [7, с. 139, 141], четвертая — средство юридической техники [8, с. 106, 110] и т.д. Не вступая в научную дискуссию по вопросу истинности той или иной позиции, отметим, что весьма продуктивной представляется точка зрения, в соответствии с которой юридические конструкции рассматриваются как методологические приемы научного исследования.

Применительно к предпринятому исследованию юридическая конструкция взаимодействия гражданского общества и государства призвана определить цели, функции, средства, субъекты правового взаимодействия, правовые процедуры взаимодействия гражданского общества и государства. В структурном отношении означенная юридическая конструкция включает следующие элементы: нормативную основу правового взаимодействия гражданского общества и государства; цели правового взаимодействия гражданского общества и государства; средства правового взаимодействия гражданского общества и

государства; субъекты правового взаимодействия; формы правового взаимодействия гражданского общества и государства; правовые процедуры взаимодействия гражданского общества и государства.

Рассмотрим каждую составляющую подробнее.

1. Правовая основа представляет собой систему правовых норм, регламентирующих основы взаимодействия гражданского общества, его институтов с государством, его органами и должностными лицами. На международном уровне регулятивную функцию выполняют такие документы, как Всеобщая декларация прав человека 1948 г., Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод 1950 г. и другие.

На национальном уровне важнейшим нормативным правовым актом является Конституция Российской Федерации, в которой обозначены некоторые элементы конструкции взаимодействия гражданского общества и государства: права и свободы человека, механизмы их правовой защиты, средства воздействия на государственную власть и другие существенные факторы.

Помимо Конституции Российской Федерации, различные стороны правового взаимодействия находят закрепление в следующих нормативных правовых актах: в федеральных законах — «Об основах общественного контроля в Российской Федерации», «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации», «Об общественных объединениях», «О политических партиях», «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации»; указах Президента Российской Федерации — «Об утверждении Положения об Управлении Президента Российской Федерации по применению информационных технологий и развитию электронной демократии», «О рассмотрении общественных инициатив, направленных гражданами Российской Федерации с использованием интернет-ресурса “Российская общественная инициатива”» и многих других.

2. Цели правового взаимодействия гражданского общества и государства обусловлены их взаимным влиянием друг на друга, совместной деятельностью. Именно государство, в пределах которого существует данное гражданское общество, дает ему должную защиту в том, что относится к благосостоянию граждан и их особым целям, если последние не противоречат законам; осуществляет социальные программы, чтобы смягчить противоречия между достатком одних и нищетой других. Воздействие гражданского общества на государство выражается в самозащите от вмешательства в жизнь граждан; контроле за государственной властью; участии в работе в государственных институтов; объединении и артикуляции общественных интересов [9, с. 34–35]. Таким образом, цели взаимодействия гражданского общества с государством в конечном итоге сводятся к обеспечению социально-правовой защищенности граждан, гармонизации правовой жизни, непротиворечивому совместному правовому развитию государства и гражданского общества.

3. Под средствами правового взаимодействия гражданского общества и государства следует понимать предусмотренные нормами права, обеспеченные принудительной силой государства инструменты и технологии правового взаимодействия гражданского общества и государства, направленные на достижение социально-правовой защищенности граждан, обеспечение способности демократии к самосовершенствованию, гармонизации правовой жизни, непротиворечивого совместного правового развития государства и гражданского общества.

В качестве примера правовых средств взаимодействия гражданского общества и государства можно привести такие инструменты, как референдум, электронная демократия, общественная экспертиза НПА и проектов НПА на коррупциогенность, общественный контроль и другие.

4. Субъектами правового взаимодействия выступают, с одной стороны, государство, в лице его органов, должностных лиц, а с другой — институты гражданского общества. При этом каждый из институтов в определенной степени и реально, и потенциально находится в правовой связи и взаимодействии с государством.

5. Формы правового взаимодействия гражданского общества и государства: правотворческая, правоприменительная, правоохранительная. Прежде чем раскрыть их сущность обратимся к дефиниции понятия «правовая форма» и попытаемся сформулировать определение правовой формы взаимодействия гражданского общества и государства.

В научной литературе под правовой формой понимается совокупность юридических средств, участвующих в правовом регулировании и опосредовании тех или иных социальных процессов. Применительно к правовым формам взаимодействия гражданского общества и государства приведенная дефиниция нуждается в уточнении. Следует отталкиваться от широкого понимания категории «правовая форма», а не ограничиваться лишь средствами регулирования и опосредования общественных отношений. Думается, необходимо говорить не только о средствах, но и процедурах, методах, способах выражения общественных отношений, механизмах правового регулирования.

На наш взгляд, под правовой формой взаимодействия гражданского общества и государства следует понимать систему юридических (правотворческих, правоприменительных, правоохранительных) инструментов, предназначенных для выражения, регулирования и опосредования отношений и процессов правового взаимодействия институтов гражданского общества и государства.

6. Каждая из приведенных ранее форм правового взаимодействия гражданского общества и государства реализуется через разнообразные юридические процедуры. Юридическая процедура есть предусмотренный законом порядок совершения отдельного процессуального действия.

В научной литературе и на общетеоретическом, и на отраслевом уровнях раскрывается проблема юридических процедур. Они подразделяются на общие и специальные [10, с. 36].

Общие процедуры имеют универсальный характер, так как применяются в различных сферах государственной жизнедеятельности. Специальные процедуры содействуют более правильному и эффективному правовому взаимодействию государства и гражданского общества.

В качестве примера юридических процедур в конструкции правового взаимодействия государства и гражданского общества можно привести следующее:

- процедуры участия в референдумах;
- обращения граждан в органы государственной власти;
- общественная экспертиза НПА и проектов НПА на коррупциогенность;
- участие институтов гражданского общества в процедуре обсуждения законопроектов, в осуществлении общественного контроля, управлении делами государства, в том числе через институт политических партий, обеспечения, защите и охране прав и свобод человека и гражданина (адвокатура, правозащитные организации).

Юридические процедуры в силу своей специфики и содержательности составляют сердцевину, ядро предлагаемой конструкции взаимодействия гражданского общества и государства.

Подводя итог, изложенному отметим, что осмысление юридической конструкции взаимодействия гражданского общества и государства позволит исследовать правовые связи гражданского общества и государства в эпоху глобализации, уточнить методологические вопросы правового взаимодействия, выявить правовые закономерности формирования, развития гражданского общества в глобализующемся миропорядке, его взаимодействия с государством.

Библиографический список

1. Взаимодействие гражданского общества и государства в России: правовое измерение / под ред. О.И. Цыбулевской. Саратов, 2013.
2. *Гайнутдинова Л.А.* Ослабление государства и гражданское общество в условиях глобализации // Политическая экспертиза. 2010. Т. 6. № 1.
3. *Грандонян К.А.* Противоречия гражданского общества: теоретико-правовое исследование: теоретико-правовое исследование: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2011.
4. *Чевычелов В.В.* К вопросу о понятии «юридическая конструкция» // Государственная власть и местное самоуправление. 2005. № 11.
5. *Лукич Р.* Методология права. М., 1981.
6. *Ушаков А.А.* Очерки советской законодательной стилистики. Пермь, 1967.
7. *Мальцевич В.В.* Об одной правовой конструкции // Вопросы философии. 1965. № 6.
8. *Ерошенко А.А.* Гражданско-правовая защита личной собственности в СССР // Советское государство и право. 1968. № 6.
9. *Цыбулевская О.И., Милушева Т.В.* Власть и реформы в России: нравственно-правовой аспект. Саратов, 2003.
10. *Мартынов А.В.* Принципы как необходимый элемент правовой конструкции административного надзора // Научный вестник Омской академии МВД России. 2009. № 4.

S.R. Gadisov

**Threats to National Sovereignty
in Conditions of Globalization**

Threats to the state sovereignty in the context of globalization are considered. Based on the analysis of threats to national sovereignty the author offers an original approach to the legal enforcement of the guarantees of state sovereignty.

Key words and word-combinations: globalization, sovereignty, threats, national security strategy.

Рассматриваются угрозы государственному суверенитету в условиях глобализации. На основании анализа угроз государственному суверенитету предлагается авторский подход к юридическому закреплению гарантий государственного суверенитета.

Ключевые слова и словосочетания: глобализация, государственный суверенитет, угрозы, стратегия национальной безопасности.

УДК 323/327
ББК 66.2

С.Р. Гадисов

**УГРОЗЫ
ГОСУДАРСТВЕННОМУ
СУВЕРЕНИТЕТУ
В УСЛОВИЯХ
ГЛОБАЛИЗАЦИИ**

Глобализационные процессы оказывают мощное влияние на политику национальных государств, что в перспективе может по-новому поставить вопрос о существовании государственного суверенитета, его функциях и месте в системе мирового устройства. Несмотря на то что в современном мире положение о суверенном равенстве всех государств формально не имеет исключений для какого-либо из них, однако на практике государствам приходится все более активно его защищать.

Недостаточная научная разработанность исследуемой проблематики диктует необходимость тщательного анализа правовых аспектов суверенитета в условиях глобализации. В рамках данного исследования для уточнения современной концепции суверенитета рассматриваются факторы, которые могут представлять угрозу для современных государств, заключающуюся в ослаблении их суверенитета, протекающего на фоне всеобщей глобализации.

В действующем российском законодательстве заложен комплексный подход к проблемам регулирования безопасности. Его основу составляют Военная доктрина Российской Федерации 2010 г., Стратегия национальной безопасности Российской Федерации 2009 г., Концепция внешней политики Российской Федерации 2008 г.,

Концепция противодействия терроризму в Российской Федерации 2009 г., Законы РФ «О безопасности» 1992 г., «О государственной границе Российской Федерации» 1993 г., Федеральные законы «О защите населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера» 1994 г., «О Федеральной службе безопасности» 1995 г., «О радиационной безопасности населения» 1996 г., «О внешней разведке» 1996 г., «О государственной охране» 1996 г., «Об обороне» 1996 г., «О внутренних войсках Министерства внутренних дел Российской Федерации» 1997 г., «О мобилизационной подготовке и мобилизации» 1997 г., «О противодействии терроризму» 2006 г., Федеральные конституционные законы «О чрезвычайном положении» 2001 г., «О военном положении» 2002 г. и, конечно же, Конституция РФ 1993 г.

В пункте 6 Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 г. национальная безопасность страны определяется как состояние «защищенности личности, общества и государства от внутренних и внешних угроз, которое позволяет обеспечить конституционные права, свободы, достойные качество и уровень жизни граждан, суверенитет, территориальную целостность и устойчивое развитие Российской Федерации, оборону и безопасность государства». Под угрозой национальной безопасности понимается «объективная или гипотетическая возможность нанесения ущерба конституционным правам, свободам, достойному качеству и уровню жизни граждан, суверенитету и территориальной целостности, устойчивому развитию Российской Федерации, обороне и безопасности государства» [1].

Понятие «угроза безопасности», содержащееся в ст. 3 Закона РФ «О безопасности», трактуется как «совокупность условий и факторов, создающих опасность жизненно важным интересам личности, общества и государства». Согласно п. 6 ст. 6 Военной доктрины Российской Федерации под военной опасностью подразумевается такое состояние внутригосударственных или межгосударственных отношений, при котором имеющийся комплекс факторов способен спровоцировать при определенных условиях возникновение военной угрозы. Военная угроза, как гласит п. в ст. 6 данной доктрины — состояние межгосударственных или внутригосударственных отношений, характеризующееся реальной возможностью возникновения между противостоящими государствами военного конфликта, высоким уровнем готовности группы государств или какого-либо одного государства, а также террористических (сепаратистских) организаций к использованию военной силы [2]. Раздел 2 Концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 г. содержит перечень «долговременных системных вызовов», ожидающих российскую экономику [3].

Анализ перечисленных законодательных актов позволяет говорить об отсутствии унифицированного толкования таких понятий, как «угроза», «опасность», «вызов», «риск» и т.д. С.В. Картунов выстраивает данные категории от наибольшей к наименьшей: угрозы, вызовы и риски [4, с. 23]. В.М. Мирошниченко и О.А. Бельков классифицируют причины снижения уровня безопасности по целенаправленности, характеру и значению субъективного фак-

тора / критерия в складывании неблагоприятных обстоятельств — на угрозы, опасности, вызовы и риски [5].

Как представляется, необходимо подразделять причины ослабления суверенитета государства, определившись в первую очередь с понятиями «угроза государственному суверенитету», «вызов государственному суверенитету», «риск, которому подвергается государственный суверенитет» и обозначив при этом наиболее весомые причины данного явления. Предлагается причины ослабления суверенитета государства классифицировать по уровню опасности на угрозы, вызовы и риски. Усугубление вызовов в угрозы, а рисков — в вызовы должно пресекаться адекватными и своевременными действиями со стороны государственной власти или, иначе говоря, через формирование единых условий и внедрение специальных правовых средств, целью которых являются юридические гарантии суверенитета государства.

Опасностью, которой может подвергаться государственный суверенитет, следует, на наш взгляд, считать возможность реализации государственной властью не соответствующего действительности решения в обстановке неопределенности, когда выбор неизбежен, но может спровоцировать вызов суверенитету государства. В самом деле, государство, выполняя свои функции, не всегда в состоянии достичь поставленных целей. Иногда полученный результат является совершенно противоположным тому, который планировался. В качестве примера можно привести государственную реформу вооруженных сил, целью которой должно было стать повышение в военных локальных конфликтах боеспособности армейских соединений. Реализация данной задачи должна привести к внедрению системы формирования вооруженных сил страны лишь на контрактной основе, основные ресурсы идут на разработку дорогостоящего высокотехнологичного вооружения и т.д. Описанные мероприятия закономерно понижают возможности государства при ведении этой же армией полномасштабной длительной войны с противником, вооруженные силы которого делают ставку на количество и комплектуются по призыву. Следует признать, что какие действия ни предпринимало бы государство, оно неизбежно рискует допустить просчет, способный ослабить его суверенитет. Тем не менее прогресса без рисков не бывает. Значит, возможные итоги всех принимаемых верховной властью управленческих решений следует подвергать предварительной оценке для выявления потенциальных негативных воздействий на суверенитет государства. Подобное прогнозирование и своевременные контрмеры позволят существенно снизить риски.

Потенциальные угрозы суверенному государству целесообразно определить как потенциальные возможности ослабления государственного суверенитета, которые при том или ином развитии событий и отсутствии мер государственного противодействия могут преобразоваться в реальные. Наглядным примером угрозы для суверенитета Российской Федерации является расширение НАТО на восточноевропейские страны, создающее обстановку, при которой (к примеру, если произойдет провоцирование России на вооруженный кон-

фликт с приграничным государством — членом НАТО) возможно появление непосредственной опасности государственному суверенитету нашей страны. Есть и другие угрозы — это и распространение оружия массового поражения, и неконтролируемая миграция и многое другое.

Угроза государственному суверенитету может трактоваться как реальный риск ослабления суверенитета государства, который с большой долей вероятности может стать реальностью при отсутствии своевременных и достаточных действий в рамках государственного противодействия. Современному государству для гарантирования своего суверенитета следует своевременно выявлять и адекватно реагировать на внешние угрозы государственному суверенитету. Не менее важен оперативный анализ возможных ошибок при разработке и утверждении управленческих решений, упреждающий их трансформацию в угрозы суверенитету страны.

К вызовам государственному суверенитету в обеспечении национальной безопасности допустимо отнести выход за пороговые показатели в соответствующих сферах деятельности страны. В экономике, к примеру, подобными показателями можно считать: долю в экспорте высокотехнологичной продукции, объем промышленного производства, долю импорта продуктов потребления, динамику снижения ВВП и другое; в сфере социальной — это уровень смертности, продолжительности жизни, потребления алкоголя и т.д., количество самоубийств, преступлений, психических заболеваний и т.д., доля граждан страны, которые находятся за чертой бедности, соотношение количества безработных и экономически активных граждан; в политико-правовой сфере — это рейтинг властных структур, количество респондентов, призывающих к переменам, и т.д.

В российском законодательстве уже начался процесс по закреплению конкретных угроз, вызовов и рисков. К примеру, п. 30 Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 г. содержит формулировку угрозы военной безопасности; в ст. 8, 9 Военной доктрины Российской Федерации имеются определения внутренних и внешних военных опасностей [2]; в разделе II Концепции внешней политики Российской Федерации в перечне стоящих перед страной угроз отмечены организованная преступность, наркотрафик, международный терроризм, риск распространения оружия массового поражения и иное. Нужно также понимать, что, как показывает история, угрозы и риски суверенитету государств могут, исходя из конъюнктуры и политики самих государств, переходить взаимно друг в друга.

Среди причин, способных объективно ослабить государственный суверенитет, особенно следует отметить распространение идеологии нигилизма в отношении положения о суверенитете. Суверенитет по различным причинам как на идеологическом уровне, так и на научном не воспринимается как ценность и неотчуждаемая характеристика современного государства рядом авторов, которые, поддаваясь веяниям глобализации, считают его «отмирающей категорией», помехой на пути интеграции государств в единую мировую

структуру, тормозом для «прогрессивного развития» человеческой цивилизации, становления «мирового правительства» [6].

По мнению сторонников такого подхода, в современной действительности ни одно государство в одиночку не способно решить таких мировых проблем, как международный терроризм, пандемия, ухудшение экологии. Кроме того, любая страна малоэффективна при решении проблем собственных регионов (в наибольшей степени это относится к федеративным государствам). В связи с этим следует большую часть государственных полномочий передать наднациональным структурам и международным организациям. Делается вывод о том, что государство утратило статус всеобъемлющей организации властвования [7, с. 12]. Несмотря на многочисленность и разнообразность подобного рода утверждений, следует признать, что суверенитет остается явлением государственно-политической культуры человечества и его «нельзя отменить росчерком пера» [8, с. 38].

Важнейшими гарантиями государственного суверенитета в современных условиях являются система правовых средств его обеспечения — закрепленных в источниках права инструментов (установлений, юридических предписаний) и деяний (технологий, актов реализации прав и обязанностей), с помощью которых государство формирует общие условия и противодействует вызовам, нейтрализует риски, непосредственно реагирует на угрозы государственному суверенитету.

Следуя общетеоретической схеме «цель — средство — результат», для обеспечения фактического и формально-юридического государственного суверенитета представляется необходимым заблаговременно выявлять, анализировать и учитывать в правотворческой деятельности причины, ослабляющие суверенитет (риски, вызовы и угрозы); в соответствии с целью противодействия данным негативным факторам — конструировать эффективные правовые процедуры, постоянно совершенствуя систему гарантий государственного суверенитета.

Библиографический список

1. Стратегия национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года: утв. Указом Президента РФ от 12 мая 2009 г. № 537) // СЗ РФ. 2009. № 20. Ст. 2444.
2. Военная доктрина Российской Федерации: утв. Указом Президента РФ от 5 февр. 2010 г. № 146) // СЗ РФ. 2010. № 7. Ст. 724.
3. Концепция долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года от 17 нояб. 2008 г. № 1662-р (в ред. от 8 авг. 2009 г.) // СЗ РФ. 2008. № 47. Ст. 5489.; 2009. № 33. Ст. 4127.
4. *Кортунов С.В.* Диалектика национальной и международной безопасности: некоторые методологические проблемы. М., 2009.
5. *Бельков О.А., Мирошниченко В.М.* Опасность как социальное явление и научное понятие. URL: <http://www.naukaxxi.ru/materials/2/>
6. *Явич Л.С.* О философии права на XXI век // Правоведение. 2000. № 4.
7. *Пономарева И.П.* К новейшему решению проблемы суверенитета // Российский юридический журнал. 2008. № 6.
8. *Милушева Т.В.* Пределы деятельности государственной власти в России: вопросы теории и практики. Саратов, 2011.

V.A. Ruchin, A.V. Ruchin

Higher Education as a Key Factor of Innovative Business Environment

The article considers the role of higher education in the development of innovative business environment. Based on the analysis of entrepreneurship phenomenon and global tendencies of economic development, the authors conclude that there is a necessity to develop the new institutional status of the Russian universities.

Key words and word-combinations: innovative business environment, university status, entrepreneurship, knowledge society, Russia, Taiwan.

Рассматривается роль высшего образования в формировании инновационной предпринимательской среды. Авторы на основе анализа феномена предпринимательства и глобальных тенденций экономического развития приходят к заключению о необходимости формирования нового институционального статуса российских университетов.

Ключевые слова и словосочетания: инновационная предпринимательская среда, статус университета, предпринимательство, общество знаний, Россия, Тайвань.

УДК 378
ББК 74.58

В.А. Ручин, А.В. Ручин

ВЫСШЕЕ ОБРАЗОВАНИЕ КАК КЛЮЧЕВОЙ ФАКТОР ИННОВАЦИОННОЙ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЙ СРЕДЫ*

Глобализация и вызванная ею социокультурная динамика настоятельно диктуют формирование на базе университетов инновационной предпринимательской среды, которая в обществе знаний неразрывно связана с новой социальной функцией высшего образования. Именно университеты позволяют создавать и накапливать необходимый для развития общества человеческий капитал, однако следует помнить, что образование как социальный институт формируется тогда, когда само общество осуществило необходимые реформы [1, с. 373]. Сегодня российские программы развития достаточно полно охватывают круг социально-экономических проблем, но одна из них, хотя и названа, четко не обозначена, а именно университетская среда, где молодежная

---

*Публикуется в рамках проекта РГНФ № 13-23-10002 «Передача знаний в системе высшего образования и развитие общества: сравнение социально-экономических условий России и Тайваня».

когорта, способная эффективно синтезировать академическое образование и предпринимательство, используется не в полной мере. Для понимания роли университета как источника экономического прорыва необходимо найти консенсусную точку в отношении принципиально нового для современной России явления — предпринимательства.

В последних выступлениях российского руководства дан достаточно полный анализ международной ситуации [2] и состояния экономики [3]. Сегодня ясно, что мы живем в период глубокой трансформации системы глобального миропорядка, где экспортно-сырьевая модель общества перестает работать. И хотя российская экономика в целом «приспособилась к нынешней ситуации на мировых рынках, в частности к ценам на нефть, у правительства есть план... но его смысл не в том, чтобы просто расходовать резервы. Генеральная линия заключается в расширении свободы предпринимательства, в разбюрокрачивании нашей экономической системы, в улучшении системы принятия решений, бизнес-климата... в создании точек роста» [4].

Воплощая в жизнь государственные планы, такие как Антикризисный план Правительства РФ на 2015 г., Основные направления деятельности Правительства РФ на период до 2018 г., Прогноз долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2030 г., участвуя в дискуссиях на проблемные темы мирового развития, мы все чаще используем термин *new normal* — «новая нормальность». Это ключевые характеристики, которые «здесь и сейчас» будут определять развитие глобальной экономики на протяжении предстоящего периода [5]. В новых условиях нестабильности устойчивое развитие может быть обеспечено только нововведениями, востребованными реальным сектором мировой экономики. В связи с этим целесообразно «способствовать широкому взаимодействию наших университетов, исследовательских центров и компаний» [6]. При помощи такого взаимодействия структурные кризисы общества, ставшие сегодня нормой, могут дать и положительный импульс, в частности, для понимания сущности инновации не только технологической, но и институциональной [5]. Цель настоящей статьи: с позиций институционального подхода рассмотреть высшее образование и предпринимательство как факторы инновационной экономики в России и Тайване.

Одна из злободневных российских задач — осуществить импортозамещение [3], устоять под давлением механизма санкций системообразующих организаций [5] — достижима, если находить инновационные решения, правда не всегда масштабные по своим затратам. Часто кажется, что инновация рождается случайно, на самом деле это «случайно» предварено благоприятной для развития предпринимательской средой и системной интеллектуальной работой. Во второй половине XX в. развитыми странами, учитывая потребность в инновациях, создаются новые типы университетов: научно-исследовательские и предпринимательские. Первый тип университетов описан в работах Ф. Альтбаха [7] и Дж. Сальми [8]. Второй тип сформулировал Б. Кларк [9]. В наши дни эти идеи уже реализуются в высшем образовании и России, и Тайваня. Для стимулирования университетской среды в России созданы различные типы университетов, например национальный исследовательский уни-

верситет, федеральный университет. Но важно, чтобы тренды современного образования, декларированные публично, достигали результата и складывались в действенную систему.

Перечислим достигнутое в отечественном образовательном пространстве: созданы и успешно действуют российские университеты нового типа [10]; в текущем году в число лучших внесены тринадцать российских университетов [11]. МГУ стал лидером среди университетов страны по международной рейтинговой оценке и переместился со 196-го на 161-е место в мире; расширились международные связи и возросло количество зарубежных публикаций [12]; Россия по международной базе данных Scopus находится на тринадцатом месте, а Тайвань — на семнадцатом [12] (отметим, что разница, если сравнить масштабы двух стран, небольшая). В настоящее время создан ряд фондов, координирующих исследовательскую деятельность университетов, — РГНФ, РФФИ, РНФ, особое место принадлежит Фонду «Сколково». На базе университетов зарождаются малые инновационные предприятия (МИП), появляются университетские экспериментальные площадки на партнерских предприятиях, созданы большие возможности для реализации частных инициатив талантливой молодежи, проводятся многообразные конференции, фестивали науки, встречи представителей образования и бизнеса.

Каково состояние высшего образования в Тайване? По результатам авторского наблюдения, в Китайской Республике подход к образованию и предпринимательству нацелен на индустриально-академическое сотрудничество, а сами образовательные программы приведены в соответствие с потребностями в промышленности. Текущие проекты, связанные с профессиональным образованием, такие как «The Last Mile», а также проект двойной системы профессиональной подготовки, направлены на предоставление студентам непосредственной занятости после окончания учебы, вплоть до согласования учетных данных. Сами университеты стараются двигать местное производство в целях его модернизации, то есть непосредственно участвуют в модернизации малого бизнеса. Одним из внутренних ресурсов образовательного процесса является приглашение венчурных менеджеров для работы со студентами.

Правительство Тайваня энергично действует в создании промышленных парков, всячески поощряя преподавателей вузов к совмещению своей деятельности с фирмами. Все это ориентировано на обеспечение, как принято считать, беспроигрышной ситуации посредством преподавания, привязанного к практике. Это, безусловно, увеличивает и конкурентные преимущества фирм. В настоящее время созданы центры региональной промышленности Academia для всестороннего продвижения академического сотрудничества с промышленностью и управления интеллектуальной собственностью. Ожидаемые результаты, как надеются разработчики, будут использованы в обучении и сегодняшнего, и последующих поколений студентов [13, с. 25]. Кроме того, чтобы поощрить тайваньские вузы и учреждения профессионального образования за шаги по институциональному развитию, разработана система грантов, поддерживающих программы с наиболее эффективной практикой (Best Practices). Эти гранты, получаемые образовательными учреждениями

с 2001 г., сфокусированы не только на разработку новых специальностей, но и на развитие межведомственного сотрудничества и на институциональную интеграцию ресурсов. Создается впечатление, что в целом обе страны упорно трудятся в схожих ситуациях. И все же, на наш взгляд, образовательная политика Тайваня более сконцентрирована на формировании региональной предпринимательской среды, а его университеты занимают более активную позицию в обществе, то есть высшее образование на Тайване осуществляет важную социальную функцию, мобилизуя регион на совершение инновационных прорывов [13, с. 33–34].

Понять детали формирования инновационной предпринимательской среды невозможно, признавая только рыночную экономику как неотъемлемый атрибут современного экономического развития. Крайне важно различать такие виды деятельности, как предпринимательство и бизнес. Именно поэтому необходимо, по нашему мнению, подробно рассмотреть феномен предпринимательства, оценивая не только его экономический, но и социальный аспект, что есть, в каком-то смысле, компонент процесса институционализации.

Любой человек по своей природе наделен определенной долей предприимчивости [14, с. 338], творчества, инициативы, самостоятельности, ответственности. Но только в свободном социально-экономическом пространстве, где созданы условия для раскрытия человеческого потенциала, человек способен успешно реализоваться. Общеизвестно, что на постсоветском пространстве понятие «предпринимательство» синонимично таким понятиям, как «предпринимательская деятельность», «предпринимательская способность», «бизнес». Это связано с тем, что гуманитарное образование нашего недалекого прошлого фактически игнорировало указанные термины, тогда как на Западе в течение столетия изучение их было частью университетских курсов.

Исторически феномен предпринимательства рассматривался как зарубежными учеными: Р. Кантильоном, Ж. Сеем, В. Зомбартом Г. Зиммелем, Т. Вебленом, так и российскими исследователями: М.И. Туган-Барановским, П.Б. Струве, С.Н. Булгаковым, Н.М. Федоровым, В.С. Соловьевым, Н.А. Бердяевым, Г.В. Вернадским, П.А. Сорокиным, С.Ю. Витте [15, с. 157]. В их трудах подробно анализировалась история зарождения предпринимательства, но первоначальный его смысл ни за рубежом, ни в нашей стране никогда не сводился только к экономике, а рассматривался комплексно, а именно: и посреднические функции предпринимательства, и координирующие действия предпринимателя, и социальный аспект предпринимательской среды. Эволюция взглядов связана с тем, что этот социальный институт постоянно менял свою сущность, находясь под влиянием институциональной структуры общества.

Многозначность понятия «предпринимательство» в прошлом определила многообразие его определений, в то же время социокультурный, а вместе с ним и образовательный аспекты всегда сводились к минимуму [15, с. 161], и только во второй половине XX в. с появлением концепции общества знаний понятие «предпринимательство» сближается с понятием «образование». Становится очевидным, что «знание является не только конституирующей особенностью современной экономики, но также базовым организационным принципом нашей жизни» [16, с. 6].

Отметим, что в политическом дискурсе постсоветского периода предпринимательство уже не имело такого смыслового многообразия и употреблялось только как экономическая категория [15, с. 161] и, конечно, никак не связывалось с образованием. Институциональные реформы современной России проводились, базируясь на гуманитарные знания советской эпохи. Эти знания всегда были в рамках односторонней трактовки истории, согласно которой не делалось различия между предпринимателем и буржуазией, которая, как известно, появляется в индустриальную эпоху [17, с. 172].

Перестройка 1990-х годов в России, как и любая революционная деятельность, началась с декларации идей, прежде всего идей либеральных. Но в основе теоретических подходов так или иначе присутствовала марксистская идеология, а советские традиции сосуществовали с проводимыми реформами. Исторический материализм до сих пор латентно присутствует в современном экономическом мышлении. Общественное сознание с трудом избавляется от устойчивой привычки односторонне подходить к предпринимательству, сохраняя приверженность и патернализму, и авторитаризму.

Игнорирование социальной сферы на первых этапах перестройки приводило к тому, что декларируемые идеи извращались, а экономическая модернизация, по существу, превращалась в утилитарную борьбу за частную собственность. Эта борьба маскировалась под цивилизованные социально-экономические отношения [18, с. 138], но, по сути, формирование инновационной предпринимательской среды выходило за пределы интересов реформаторов, то есть обоснование реформ было псевдонаучным. Именно псевдонаучность стала идеологической платформой нововведений, а потому зародившееся в тот период предпринимательство, или так называемый бизнес, игнорировало и трудовую мотивацию, и рациональные формы социального взаимодействия, и инновационность, и высшее образование. А университетская среда как источник социальных и экономических реформ пребывала в депрессивном состоянии. Следовательно, общество в период перестройки оказалось отстраненным и безучастным к социальным преобразованиям по причине насильственного вмешательства в эволюционные процессы. Такая ситуация в чем-то напоминала начало XX в.

В наши дни подходы к предпринимательству все более склоняются к оценке его как социологического явления, а это значит, что признается главное — социальные отношения меняются в ходе экономической деятельности, то есть предпринимательство непосредственно участвует в качественном преобразовании социальных процессов. Более того, высшая школа все чаще вовлекается в экономическую сферу, и вовлекается не только в роли поставщика трудовых ресурсов. В то же время в отличие от идей австрийской и новоавстрийской школ социология не смогла перевести проблемы формирования современного предпринимательства в отдельное направление [18, с. 14].

Обобщая характеристики феномена «предпринимательство», изложенные в концепциях различных авторов, а также определениях законодательства Российской Федерации, можно констатировать наличие нескольких трактовок этого феномена. В основе их лежат или стремление к материальной выгоде, или врожденная склонность рисковать, или желание достижения прибыли путем инвестиций. Обращаясь к высшему образованию в контексте предпри-

нимательства, нельзя не заметить качеств, присущих интеллектуальной элите (предпринимательский дух, стремление к новому, жажда исследований социально-экономической сферы, потребность менять социальную среду, социальная мобильность и желание самоутвердиться через сложный вид социального взаимодействия). Именно эти качества присущи университетской среде, что и необходимо для создания инновационной предпринимательской среды.

Для того чтобы устранить терминологические различия в толковании понятий «предприниматель», «предпринимательство», особенно различий субъективного свойства [20, с. 130], целесообразно создать, по А. Шюцу, типизирующие конструкты объектов мышления. Такой подход и к предпринимательству, и к образованию способствует четкому определению социальной группы с присущими ей «согласованными традициями (конвенциями) их поведения как социокультурных элементов» [9, с. 5] посредством реализации социального единства. В этом случае вступает в силу процесс преодоления общественным сознанием, в нашем случае российским сознанием, противоречивости в терминологии, а это особенно важно для формирования на базе российских университетов инновационной предпринимательской среды. Назовем предложенные нами уровни понимания предпринимательства.

Первый уровень — широкий смысл понимания предпринимательства — обозначим как свойство личности, наделенной активной позицией по совершенствованию любой деятельности, направленной на достижение поставленной цели, например: получение выгоды.

Второй уровень — активная инвестиционная деятельность, включая вложения в предпринимательские способности, то есть деятельность, нацеленная на максимизацию прибыли.

Третий уровень — узкий смысл понятия «предпринимательство» — малый бизнес.

Предложенные уровни понимания подтверждают, что явление это социокультурное и свидетельствующее о наличии различных способов самоутверждения личности в социально-экономическом пространстве. Социокультурный аспект предпринимательства указывает на связь экономического поведения с различными типами культур. Следуя этой логике, представители разных культур, осуществляя хозяйственную деятельность, ведут себя в соответствии с архетипическим образом народа. Институциональная структура общества всегда отражается в смысловом контексте понятий. Таким же способом институциональная структура определяет и особенности национальной образовательной политики. Следовательно, анализируя функции и дисфункции таких социальных институтов, как образование и предпринимательство, необходимо учитывать их глубокую связь с национальной традицией. При этом важно подчеркнуть: универсализм как основа анализа заведомо порождает проблему институциональной неопределенности [19, с. 150].

Сегодня развитие высшего образования и предпринимательства направлено на трансформацию структуры общества, смену иерархии социальных акторов; иначе говоря, через повышение роли этих социальных институтов меняется социальная структура общества. Такая направленность выражается в органи-

зационных, экономических и правовых мероприятиях, однако масштабность сочетается с некоторой упрощенностью представлений. Очевидно, предполагается, что создание только экономических и правовых условий будет само по себе способствовать вовлечению активной массы граждан в инновационную предпринимательскую деятельность. На деле реформаторский потенциал общества определяется более всего институциональными факторами, которые и задают перспективы преобразований.

Итак, констатируем следующее:

во-первых, российское общество и его элита не достаточно консолидированы вокруг инновационных идей, культурная пропасть 1990-х годов пока не преодолена до конца. Собственники средств производства, лишенные ценностных установок на творчество, ориентированы в основном на быстрые деньги; часть чиновничества, о чем свидетельствует серия резонансных дел, коррумпирована;

во-вторых, отмечается слабый охват вузов второй линии, то есть университетов, не наделенных высоким статусом (особенно с точки зрения венчурных фондов);

в-третьих, сегодня чрезмерный акцент в развитии инновационной экономики ставится на особо талантливую молодежь, а ведь ее меньшинство. Усилия же, направленные на создание массового контингента профессионалов, слабы;

в-четвертых, необходимы продвинутые отечественные компании, обладающие привлекательным для молодежи брендом, так как для талантливой молодежи это служит стимулом развиваться, работать в перспективных отечественных компаниях;

в-пятых, работа в инновационных областях не допускает ведомственной разобщенности, а она пока существует. Идея «общества знаний» не мобилизует общество в единый социальный проект;

в-шестых, необходимо диверсифицировать экономику, в том числе региональную, и за счет этого увеличить доходы семей, их покупательский потенциал, что будет также способствовать формированию развивающейся модели общества;

в-седьмых, для восприимчивости экономики к инновациям необходимо укреплять технологический сектор, фокусировать подготовку различных специалистов высшей школы на проблемах институционализации общества знаний.

Таким образом, построение на базе университетов инновационной предпринимательской среды в стране, пережившей потрясения, серьезно повлиявшие на социальную структуру, возможно и усилиями власти, и консолидированной поддержкой российского общества. Синергетическим импульсом такой поддержки может стать сильная сторона российского общества — высокий индекс развития человеческого капитала. Именно интеллектуальный капитал, формируемый в университетах, может стать базой институциональных преобразований. Однако нельзя полагать, что прежние успехи в отечественном образовании — абсолютная гарантия будущих побед. Даже «лидирую-

щее положение США в качестве магнита для академического и студенческого таланта “не может быть само собой разумеющимся”» [11]. Вот почему важно не только опираться на интеллектуальный капитал, но и развивать социальную функцию российских университетов как центров инновационной предпринимательской деятельности. При этом общественное сознание должно воспринимать предпринимательство как вид деятельности и как способ самоорганизации общества. Следовательно, глобальная ситуация и порожденная ею социокультурная динамика актуализируют проблему нового институционального статуса российских университетов как полноправных субъектов российской экономики.

Библиографический список

1. *Durkheim E.* Suicide: A Study in Sociology. Chicago, 1951.
2. *Путин В.В.* Речь на пленарном заседании юбилейной, 70-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН в Нью-Йорке. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/50385>
3. Заседание Правительственной комиссии по импортозамещению. URL: <http://government.ru/news/19937/>
4. *Путин В.В.* Речь на Первом Восточном экономическом форуме во Владивостоке 4 сентября 2015 года. URL: www.ltv.ru/news/economic/291591
5. *Медведев Д.А.* Новая реальность: Россия и глобальные вызовы // Вопросы экономики. № 10. 2015.
6. *Медведев Д.А.* Интеграция – в целях развития, инновации – в интересах процветания. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/14392>
7. *Altbach P.G., Salmi J.* The Road to Academic Excellence: The Making of World Class Research Universities. Washington, 2011.
8. *Salmi J.* The Challenge of Establishing World-Class Universities. Washington, 2009.
9. *Clark B.R.* Creating entrepreneurial universities: organizational pathways of transformation: Issues in Higher Education. Paris, 1998.
10. О конкурсном отборе программ развития университетов, в отношении которых устанавливается категория «национальный исследовательский университет» [Электронный ресурс]: постановление Правительства РФ от 13 июля 2009 г. № 550. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
11. World University Rankings 2015-2016: results announced. URL: <https://www.timeshighereducation.com/news/world-university-rankings-2015-2016-results-announce>.
12. SCImago Journal & Country Rank. URL: <http://www.scimagojr.com/countryrank.php>
13. Performance Excellence in Industrial-Academic Cooperation // Technological and vocational education in Taiwan, ROC, 2012.
14. *Даль В.* Толковый словарь живого великорусского языка / издание книгопродавца-типографа М.О. Вольфа. СПб.; М., 1882. Т. 3.
15. *Маришак А.Л.* Предпринимательство как общественное явление: экономическая или социальная константы // Предпринимательство и государство: сб. науч. трудов. М., 2005.
16. Концепция «общества знания» в современной социальной теории: сб. науч. тр. / РАН. ИНИОН. Центр социал. науч.-информ. исслед. отд. социологии и социал. психологии; отв. ред. Д.В. Ефременко. М., 2010.
17. *Маришак А.* Принципы экономической науки. М., 1993.
18. *Орлова Е.В.* Современное российское предпринимательство: экономико-социологический анализ / под ред. Г.В. Дыльнова. Саратов, 2002.
19. *Шкаратан М.О.* Феномен предпринимателя: интерпретация понятий // Мир России. М., 1994. № 2.
20. *Щюц А.* Структура повседневного мышления // Социологические исследования. 1988. № 2.

I.V. Gamova, D.I. Prisyazhnyuk

**Practices of Health Behavior
as a Priority
of the State Healthcare Policy**

Health behavior practices of patients with chronic bronchopulmonary diseases are analyzed. The empirical base of the study was the dataset of nationwide survey "Russian monitoring of the economic situation and health of population" (2014). The paper demonstrates that the culture of health behavior in many respects continues to be formed "from above", due to the measures of the state policy in health care.

Key words and word-combinations: health behavior, social policy in healthcare, patients with chronic bronchopulmonary diseases.

Анализируются практики самосохранительного поведения на примере группы пациентов с хроническими бронхолегочными заболеваниями. Эмпирической базой исследования стал массив данных всероссийского опроса населения «Российский мониторинг экономического положения и здоровья населения» (2014). Демонстрируется, что культура самосохранительного поведения во многом продолжает формироваться «сверху», благодаря мерам государственной политики в сфере здравоохранения.

Ключевые слова и словосочетания: самосохранительное поведение, социальная политика в здравоохранении, пациенты с хроническими бронхолегочными заболеваниями.

УДК 316.334.3:61
ББК 66.3(0),4+5

И.В. Гамова, Д.И. Присяжнюк

**ПРАКТИКИ
САМОСОХРАНИТЕЛЬНОГО
ПОВЕДЕНИЯ
КАК ПРИОРИТЕТ
ГОСУДАРСТВЕННОЙ
ПОЛИТИКИ
ЗДРАВООХРАНЕНИЯ**

Международные тренды социальной политики в сфере здравоохранения, которых придерживается и Россия, направлены на усиление профилактической направленности отрасли [1] с акцентом на повышение качества жизни пациентов с хроническими заболеваниями и воспитание ответственности человека за состояние собственного здоровья. Соответственно, развитие культуры самосохранительного поведения граждан сегодня стоит на повестке дня перед российской системой здравоохранения. Наиболее актуальным становится этот вопрос по отношению к пациентам с бронхолегочными заболеваниями. Смертность от хронических респираторных заболеваний ежегодно возрастает, приобретая наибольшую актуальность в группе пациентов с хронической обструктивной болезнью легких: по уровню смертности по этой причине Россия находится на втором месте в мире [2].

Указанные обстоятельства актуализируют анализ практик самосохранительного поведения на примере группы пациентов с хроническими бронхолегочными заболеваниями. Каковы основные факторы, способствующие и сдерживающие ее проявление? Каковы механизмы развития практики самосохранительного поведения: формируется

ли она «сверху», государством, или «снизу», благодаря повышению личной ответственности граждан за состояние своего здоровья? Таковы ключевые вопросы данного исследования.

Самосохранительное поведение граждан выступает в качестве одного из приоритетов социальной политики в здравоохранении. В европейских странах государственная политика, направленная на стимулирование самосохранительного поведения среди граждан (health behavior), стартовала в 1960–1970-х годах [3, с. 179–191] как часть общего тренда консьюмеризма — движения в защиту интересов потребителей медицинских услуг [4]. Новая политика предполагала, что пациент перестает быть пассивным получателем медицинской помощи, он становится клиентом, начинает играть активную роль в поддержке и сохранении своего здоровья. Эта тенденция в Европе начала быстро приносить свои плоды: со второй половины 1960-х годов наблюдается рост продолжительности жизни в этих странах [5].

В России же в это время сохраняются патерналистские тренды в системе здравоохранения, когда государство оказывается основным актором в этой сфере. Исследования советского здравоохранения демонстрируют, что практики самосохранительного поведения в СССР поддерживались «сверху» за счет, в частности, профилактических осмотров на производстве [6, с. 541–558]. В настоящее время государство продолжает развивать профилактическую направленность здравоохранения и активизирует просветительскую работу. С 2000-х годов реализуются обязательные профилактические осмотры для работающего населения [7], ведется деятельность по популяризации здорового образа жизни, спорта, отказа от вредных привычек [8]. Несмотря на усилия со стороны государства, исследования 2000-х годов демонстрируют слабое развитие культуры самосохранительного поведения россиян, о чем свидетельствуют распространенные практики позднего обращения в учреждения здравоохранения и самолечение [9; 10]. Исследователи приходят к выводу, что пациенты в 2000-х годах склонны выбирать краткосрочные стратегии поддержания своего здоровья, оказывающиеся недостаточно эффективными в долгосрочной перспективе [11].

Какова же ситуация с практиками самосохранительного поведения граждан в 2010-х годах? Какие факторы оказывают влияние на укорененность такого поведения? Для ответа на эти вопросы раскроем содержание понятия «практики самосохранительного поведения», опишем дизайн исследования и перейдем непосредственно к анализу его результатов.

Вслед за Г.А. Ивахненко [12, с. 78–81] операционализируем практики самосохранительного поведения через несколько измеряемых показателей: медицинские (частота посещения врача, причины обращения в медицинское учреждение) и стилевые (наличие или отсутствие вредных привычек, занятий спортом).

Анализ данных осуществлен на уровне описательной статистики, а также с помощью логистической регрессии, выявляющей вероятность наступления события (1) с помощью логистической функции (2), значение экспонент вычисляется с помощью линейной множественной регрессии (3):

$$P\{y = 1|X\} = f(Z), \quad (1)$$

$$f(Z) = 1 / (1 + e^{-Z}), \quad (2)$$

$$Z = b_0 + b_1 X_1 + b_2 X_2 \dots + \dots b_n X_n. \quad (3)$$

Логистическая регрессия представляет собой альтернативу более упрощенным методикам выявления сопряженности номинальных переменных, таких как, например, хи-квадрат, поскольку позволяет строить комплексные модели и учитывать параметры влияния. В соответствии с предлагаемой моделью практик самосохранительного поведения возможно выделить ряд зависимых и независимых переменных. В качестве зависимых выступили две категории переменных. Первая из них связана с практиками потребления медицинских услуг: с частотой обращения к врачу по причине заболевания хотя бы один раз в год (1 — да, 0 — нет), посещении медицинского учреждения за последние три месяца с целью профилактики (1 — нет, 0 — да). Вторая категория зависимых переменных относится к приверженности к здоровому образу жизни: наличию практик курения (1 — нет, 0 — да), регулярного занятия спортом (1 — да, 0 — нет). В качестве независимых выступили пять переменных. Среди них — пол респондента, его возраст, наличие или отсутствие работы (1 — работает ли респондент в данный момент, 0 — не работает), тип поселения (1 — областной центр, 2 — город, 3 — поселок городского типа, 4 — село) и удовлетворенность материальным положением (1 — полностью, 2 — скорее да, 3 — и да и нет, 4 — не очень, 5 — вообще нет).

Источником данных исследования послужила база «Российский мониторинг экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ» за 2014 г. («полная выборка») [13; 14]. Среди более чем 18 тыс. опрошенных в рамках мониторинга, кластер больных хроническими заболеваниями бронхолегочной системы составляет 1120 человек (более 5,5% выборки). Зависимые переменные «посещение врача хотя бы один раз в год с целью лечения» и «регулярные занятия спортом» были перекодированы из порядковых в дихотомические.

Результаты опроса демонстрируют, что 72% респондентов посещают врача хотя бы один раз в год, при этом 28% опрошенных не бывали ни одного раза в медицинском учреждении за этот промежуток времени. Данные табл. 1 (1) указывают на факторы, оказывающие влияние на посещение врача хотя бы раз в год. Определена достоверная значимость только одной переменной — пол. Женщины, как правило, чаще склонны посещать врача с целью как минимум ежегодного лечения. Результаты анализа показывают, что принадлежность к женскому полу при прочих равных условиях увеличивает вероятность обращения к врачу на 64,7% (согласно первой модели). Этот вывод коррелирует с результатами других исследований, демонстрирующих большую включенность женщин в практики самосохранительного поведения [15, с. 110–133].

Таблица 1

Результат регрессионного анализа

Зависимая переменная	Независимая переменная	1	2	3	4	5
(1) Посещение врача хотя бы раз в год по болезни	Пол	,515*** (,147) 1,647	,551*** (,150) 1,735	,543*** (,150) 1,721	,523*** (,152) 1,688	,521*** (,153) 1,684
		-,152 (,150) ,859	-,226 (,153) ,798	-,209 (,154) ,811	-,302* (,167) ,739	-,302* (,167) ,739
(1)	Возраст		-,005 (,004) ,995	-,005 (,004) ,995	,001 (,005) 1,001	,001 (,005) 1,001
		(2)		,010*** (,003) 1,011	010*** (,003) 1,010	-,002 (,005) ,998
(1)	Поселение			-,047 (,061) ,954	-,081 (,062) ,923	-,080 (,062) ,923
		(2)			,127** (,063) 1,136	,152** (,069) 1,164
(1)	Работа				-,230 (,166) ,794	-,234 (,166) ,792
		(2)			-,364** (,177) ,695	-,364** (,177) ,695
(1)	Константа	,490** (,237) 1,632	,706** (,279) 2,026	,810*** (,311) 2,249	,606 (,386) 1,833	,617 (,387) 1,854
		(2)	1,550*** (,254) 4,711	1,143*** (,285) 3,136	,869*** (,315) 2,385	1,860*** (,430) 6,422
(1)	-2Log	1140,2	1137,9	1137,9	1085,1	1085,1
(2)	Likelihood	1160,2	1150,8	1146,7	1022,6	1022,6
(1)	Correctness	78,5	78,5	78,5	77,3	77,3
(2)	(%)	78,7	78,7	78,7	80,2	80,2

Примечание. * – значимость на уровне 0,1; ** – на уровне 0,05; *** – на уровне 0,01.

В табл. 1 (1) иллюстрируется, что остальные переменные — уровень материального положения, наличие и отсутствие работы, тип населенного пункта и возраст не оказывают влияния на склонность граждан посещать врача с целью лечения хотя бы раз в год.

Результаты опроса демонстрируют, что более 76% респондентов не проходили профилактический осмотр в течение последних трех месяцев. Это позволяет предположить, что респонденты с хроническими бронхолегочными заболеваниями более склонны посещать медицинские учреждения в связи с выявленным заболеванием, в то время как профилактические походы к врачу на данный момент не получают широкого распространения для этой социальной группы.

Результаты регрессионного анализа, представленные в табл. 1 (2), менее однозначны, чем те, что отражены в табл. 1 (1). Модели 1–3 указывают на значимость возраста, однако в моделях 4 и 5 влияние этой переменной исчезает, но, в свою очередь, проявляется значимость пола респондента. Такое поведение переменных объясняется включением в анализ индикатора работы: факт официального трудоустройства увеличивает вероятность профилактической модели поведения при прочих равных условиях на 69,5%. Как правило, такая модель взаимодействия с системой здравоохранения более характерна для взрослых мужчин. Полученные результаты позволяют предположить, что практики самосохранительного поведения россиян во многом поддерживаются «сверху» и связаны со встраиванием людей в рынок труда. Наличие официальной занятости, присущей в большей степени мужчинам и жителям городов, предполагает ежегодные прохождения профилактических осмотров, осуществляемых учреждениями министерства здравоохранения. Отсутствие официального трудоустройства, напротив, исключает индивида из организованной государством системы профилактики заболеваний.

Наиболее устойчивым в табл. 1 представляется влияние типа поселения, в котором проживает пациент с хроническим респираторным заболеванием: чем крупнее населенный пункт, тем выше вероятность обращения к врачу с профилактической целью. Полученные результаты могут иметь несколько объяснений. Проведенный анализ показал четкую зависимость между размером населенного пункта и уровнем безработицы, которая значительно выше в сельской местности [16]. Это, в свою очередь, коррелирует с предположением о связи между практиками самосохранительного поведения и вовлеченностью индивида в официальный рынок труда. Кроме того, качество и доступность медицинской помощи в России значительно отличаются в различных регионах и типах населенных пунктов. Относительная обеспеченность врачами и средним медицинским персоналом, объемы медицинских услуг и процедур, которые могут быть оказаны пациентам в сельской местности, существенно уступают соответствующим показателям в городах, особенно в мегаполисах [17].

Отметим, что материальное положение респондентов не оказывает существенного влияния на частоту обращения к врачам с целью профилактики заболеваний. Эти данные могут свидетельствовать о достаточно высоком уровне доступности государственной медицинской помощи для всех категорий российских граждан. Полученные результаты оказываются сопоставимыми с итогами работы некоторых зарубежных социологов [18]. Авторы ставят под сомнение идеи М. Вебера об экономической детерминации стилей жизни; материалы их исследования свидетельствуют о более сложных и комплексных причинах, обуславливающих приверженность практикам здорового образа жизни.

Данные опроса демонстрируют, что лишь треть респондентов, имеющих

хронические бронхолегочные заболевания, курят в настоящее время. Причем каждый пятый опрошенный отказался от курения. Более 30% респондентов, бросивших курить, приняли такое решение в последние два года. Можно констатировать, что государственная политика, направленная на борьбу с табакокурением, оказалась достаточно эффективной.

Изучение детерминант отсутствия привычки курения (табл. 2) выявило устойчивое влияние трех переменных: пола, возраста и наличия работы. Принадлежность к женскому полу при прочих равных условиях снижает вероятность курения респондента приблизительно в 6 раз. Эти данные соотносятся с результатами некоторых исследований практик курения, проведенных в 2000-х годах [19] и свидетельствуют с высокой долей вероятности, что традиционные гендерные роли накладывают определенные ограничения на практики, к которым прибегают женщины. Курение женщин вызывает наибольшее общественное неодобрение, отсюда — снижение вероятности курения в данной социальной группе.

Регрессионный анализ демонстрирует следующую закономерность: чем старше респондент, тем ниже вероятность его курения: на 2,4–2,8% ежегодно. Например, при наличии двух респондентов с одинаковыми социально-демографическими характеристиками, но с разницей в 10 лет, старший будет менее склонен к курению на 24–28%, чем младший. Наличие постоянной работы также влияет на повышение вероятности курения. Эти результаты противоречат данным другого исследования о паттернах курительного поведения у петербуржцев, согласно которому частота курения усиливается с возрастом [19]. Можно предположить, что это несоответствие объясняется спецификой выборок этих двух исследований. В отличие от исследования, выполненного в Санкт-Петербурге, где респондентами выступали все граждане города, в нашем случае в выборку были включены только индивиды с хроническими респираторными заболеваниями. Вероятно, наличие указанной патологии стимулирует отказ от курения в долгосрочной перспективе.

Отметим, что материальное положение и тип населенного пункта, в котором проживает респондент, не оказывают влияния на частоту практики курения.

Данные опроса демонстрируют, что к регулярным занятиям спортом прибегает менее четверти респондентов с хроническими бронхолегочными заболеваниями. Регрессионный анализ показал, что регулярным занятиям спортом препятствуют (табл. 2 (2)) проживание в малых населенных пунктах, наличие работы (на 28%) и более старший возраст (на 1,3–1,6% в пересчете на каждый год). Пол и материальное положение не оказывают влияния на укорененность этой практики.

Таким образом, в ходе проведенного исследования выявлена гендерная специфика практик самосохранительного поведения: женщины чаще мужчин посещают медицинские учреждения, реже курят. Мужчины и женщины по-разному ориентируются в потреблении медицинских услуг: если вторые склонны обращаться к врачу в связи уже возникшими проблемами в состоянии здоровья, то первые чаще обращаются в медицинские учреждения с профилактической целью. Данные регрессионного анализа продемонстрировали, что регулярными профилактическими осмотрами охвачены преимущественно мужчины, жители крупных городов, имеющие официальное трудоустройство. Результаты

исследования позволяют предположить, что практики самосохранительного поведения россиян во многом поддерживаются государством и связаны со встраиванием человека в рынок труда. Отсутствие официальной работы, напротив, исключает индивида из организованной государством системы профилактики заболеваний. Удовлетворенность материальным положением никак не влияет на самосохранительное поведение. Этот факт, с одной стороны, позволяет констатировать достаточную доступность государственного сектора здравоохранения для разных социально-экономических групп населения, а с другой — свидетельствует о более комплексной, чем просто социально-экономическая, детерминации приверженности здоровому образу жизни.

Таблица 2

Результат регрессионного анализа

Зависимая переменная	Независимая переменная	1	2	3	4	5
(1) «Курение»	Пол	1,867***	1,801***	1,802***	1,791***	1,791***
		(,144) 6,472	(,148) 6,055	(,148) 6,062	(,148) 5,993	(,148) 5,996
(2) «Регулярные занятия спортом»		,179	,260	,223	,205	,205
		(,153) 1,196	(,155) 1,297	(,158) 1,250	(,159) 1,227	(,159) 1,228
(1)	Возраст		,027***	,027***	,024***	,024***
			(,004) 1,028	(,004) 1,028	(,004) 1,024	(,004) 1,024
(2)			-,014***	-,013***	-,016***	-,016***
			(,004) ,986	(,004) ,987	(,004) ,984	(,004) ,984
(1)	Поселение			,008	-,002	-,003
				(,061) 1,008	(,062) ,998	(,062) ,997
(2)				-,363***	-,371***	-,372***
				(,070) ,696	(,070) ,690	(,071) ,690
(1)	Работа				-,314**	-,313*
					(,160) ,730	(,160) ,731
(2)					-,328*	-,326*
					(,167) ,720	(,167) ,722
(1)	Константа	-2,212***	-3,559***	-3,575***	-3,226***	-3,229***
		(,226) ,109	(,322) ,028	(,375) ,028	(,384) ,040	(,385) ,040
(2)		1,472***	-,864***	-,159	,196	,191
		(,259) ,229	(,004) ,422	(,341) ,851	(,384) 1,217	(,384) 1,211
(1)	-2Log	1149,5	1104,5	1104,5	1100,6	1100,6
(2)	Likelihood	1117,7	1106,3	1076,8	1072,8	1072,8
(1)	Correctness	72,8	75,1	75,0	74,7	74,6
(2)	(%)	76,5	76,5	76,5	76,6	76,6

Примечание. * – значимость на уровне 0,1; ** – на уровне 0,05; *** – на уровне 0,01.

Стилевые практики самосохранительного поведения получили слабое развитие: несмотря на некоторые тенденции по снижению числа граждан, потребляющих табачные изделия, число курильщиков в данной социальной группе остается достаточно высоким. Занятия спортом считают привлекательными лишь некоторые пациенты, имеющие хронические бронхолегочные заболевания: это молодые жители крупных городов. Следовательно, в настоящее время культура самосохранительного поведения в большей степени иницируется и формируется государством, в дальнейшем необходимо продолжать формирование у населения страны устойчивого представления о личной ответственности каждого гражданина за сохранение собственного здоровья.

Библиографический список

1. Алма-Атинская декларация. URL: <http://www.un.org/ru/documents/decl.shtml>
2. Специалисты озабочены проблемой бронхолегочных патологий // Медицинский вестник. 2010. № 517.
3. Ковалева А.А. Самосохранительное поведение в системе факторов, оказывающих влияние на состояние здоровья // Журнал социологии и социальной антропологии. 2008. № 2. С. 179–191.
4. Кульман Э. Разновидности профессионализма поздней современности: на примере немецкой системы здравоохранения // Профессии. doc. Социальные трансформации профессионализма: взгляды снаружи, взгляды изнутри / под ред. Е. Ярской-Смирновой, П. Романова. М., 2007.
5. Юмагузин В.В. Влияние основных классов причин смерти на разницу в ожидаемой продолжительности жизни в России и европейских странах // Демоскоп Weekly. 2011. № 467–468.
6. Бартон К. Здравоохранение в период позднего сталинизма и дух послевоенного государства благоденствия, 1945–1953 гг. // Журнал исследований социальной политики. 2007. Т. 5, № 4. С. 541–558.
7. Коллегия Министерства здравоохранения и социального развития РФ от 14 октября 2005 г. «О задачах по реализации приоритетного национального проекта в сфере здравоохранения». URL: <http://federalbook.ru/files/FSZ/soderghanie/1/fradkov.pdf>
8. Формирование здорового образа жизни в средней школе. URL: <http://www.mosgorzdrav.pdf>
9. Шилова Л.С. Отношение населения к модернизации здравоохранения // Управление здравоохранением. 2009. № 2.
10. Антонова Н.Л. Качество медицинского обслуживания в системе обязательного медицинского страхования (на примере г. Екатеринбурга) // SPERO. 2007. № 7.
11. Чирикова А.Е. Здравоохранение для среднего класса: институты и практики // SPERO. 2008. № 8.
12. Ивахненко Г.А. Здоровье московских студентов: анализ самосохранительного поведения // Социологические исследования. 2006. № 5. С. 78–81.
13. Russia Longitudinal Monitoring Survey of HSE. Центр народонаселения Университета Северной Каролины в Чапел Хилле. URL: <http://www.cpc.unc.edu/projects/rlms>
14. Российский мониторинг экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ. URL: <http://www.hse.ru/rlms>
15. Иванова Л.Ю. Самосохранительное поведение и его гендерные особенности. М., 2006.
16. Мухарямова Л.М., Кузнецова-Моренко И.Б., Петрова Р.Г., Салахатдинова Л.Н. Региональное здравоохранение в условиях реализации национального проекта «Здоровье» и разграничения бюджетных полномочий // Журнал исследований социальной политики. 2008. Т. 6, № 4.
17. Здравоохранение в регионах Российской Федерации: механизмы финансирования и управления / отв. ред. С.В. Шишкин. М., 2006.
18. Cockerham W., Rutten A., Abel T. Conceptualizing contemporary health lifestyles: moving beyond Weber // The Sociological Quarterly. 1997. Vol. 38, № 2.
19. Бурмыкина О.Н. Гендерные различия в практиках здоровья: подходы к объяснению и эмпирический анализ // Журнал социологии и социальной антропологии. 2006. № 2.

I.V. Shindryaeva

**Professional Value Orientations
of Youth in the Context
of Generational Theory**

The article explains the system of professional values of youth in modern conditions of society development. Analysis of variance of professional values reveals their dependence on a particular generation of employees. The professional values inherent in representatives of different generations are identified.

Keywords and word-combinations: professional values, generational theory; generational values.

Обосновывается система профессиональных ценностей молодежи в современных условиях развития общества. Дисперсионный анализ профессиональных ценностей выявляет их зависимость от принадлежности сотрудников к тому или иному поколению. Определяются профессиональные ценности, свойственные представителям различных поколений.

Ключевые слова и словосочетания: профессиональные ценности, теория поколений, поколенческие ценности.

УДК 316.34:35
ББК 60.54

И.В. Шиндряева

**ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЕ
ЦЕННОСТНЫЕ
ОРИЕНТАЦИИ МОЛОДЕЖИ
В КОНТЕКСТЕ
ПОКОЛЕНЧЕСКОЙ
ТЕОРИИ**

Компаративный анализ профессиональных ценностных ориентаций трех поколений наших соотечественников, личностное формирование которых происходило в разные исторические вехи и периоды, — актуальная исследовательская проблема. В связи с этим своевременным является вопрос оценки существующей структуры и динамики профессиональных ценностей представителей старших и средних поколений россиян и профессиональных ценностных ориентаций, складывающихся у учащейся молодежи России, что и повлияло на выбор темы данного изыскания.

Для проверки гипотетических положений настоящего исследования, проведенного в течение 2014–2015 гг., применялся метод фокус-групп. Состав участников групп имел репрезентативный характер и стандартизировался по возрастным параметрам: рожденные в период с 1943 по 1963 гг.; рожденные с 1963 по 1984 гг.; рожденные с 1984 по 2000 г.

Методологическим основанием выявления ценностей профессиональной ориентации молодежи служит определение природы ценности. Концептуальные основы исследования данного понятия анализируются в трудах А.Г. Здравомыслова, который трактует ценности как материальные

или идеальные предметы, обладающие значимостью для данного социального субъекта с позиций удовлетворения его потребностей и интересов [1]. По мнению М. Рокича, ценности — это устойчивые убеждения о предпочтительных способах поведения или конечных целях [2]. Сходной позиции придерживается и Ш. Шварц: ценности — это желаемые, транситуационные цели, значимость которых меняется и которые функционируют в качестве руководящих принципов в жизни людей или группы. Каждая ценность обладает определенными мотивационными тенденциями или целями. Ценности абстрактны, благодаря этому они могут влиять на образ действий людей в самых многообразных ситуациях. Ценности как идеал представляют собой желательное (для личности, социальной группы, социума в целом) состояние социальных отношений, критерий оценивания действительности; они обуславливают ориентации индивида (ценностные ориентации), его деятельность, тем самым регулируя социальные взаимодействия. Ш. Шварц и Х. Шалом указывают, что профессиональные ценности могут быть внутренними (личностный рост, автономность, увлеченность, креативность и др.); внешними (оплата труда и безопасность); социальными (взаимодействие с людьми и собственный вклад); властными (престижность, авторитет, власть) [3].

Проблема поколений, и в частности их характерных особенностей, в ситуации стремительных социально-экономических трансформаций в последние десятилетия стала предметом внимания социологических, культурологических и педагогических исследований западных и отечественных ученых. Так, популярна «теория поколений», разработанная американскими учеными демографом Н. Хоувом и историком У. Штраусом в 1990-е годы. Исследователи выявили, что примерно каждые 20 лет появляется новое поколение со своими ценностями, представители которого ведут себя не так, как их предшественники в том же возрасте. Авторы трактовали поколение как определенную категорию людей, родившихся в определенную эпоху и испытавших воздействие одинаковых явлений и принципов развития [4].

В разных странах границы поколений часто не совпадают из-за экономических и культурных особенностей. В России в 2003—2004 гг. группа исследователей во главе с Е. Шамис адаптировала «теорию поколений» к российской действительности. В основание данной теории заложены ценности репрезентантов среднего класса [5]. Следует отметить, что в нашей стране средним классом считают людей, отличающихся по двум критериям: наличию высшего образования и специфицированному уровню достатка.

Современному поколению руководителей (беби-бумеров и поколения X) для успешного развития необходимо претерпевать определенные изменения, так как к ним на работу устраиваются люди с совершенно иным мировоззрением, те самые представители поколения Y (таблица). Характеристики профессиональных ценностных ориентаций трех поколений россиян представим в табл. 1.

**Отличительные характеристики профессиональных
ценностных ориентаций трех поколений россиян**

Название поколения	Профессиональные ценностные ориентации
Поколение беби-бумеров (1943–1963 г.р.)	Трудолюбие, настроенность на результат, независимость, оптимистичность, энергичность, здоровый образ жизни, лояльность, уважение старшего поколения, любовь к руководству, склонность к ручному управлению
Поколение X, или неизвестное поколение (1963–1984 г.р.)	Самостоятельность, гибкость, ориентированность на семейные ценности, самодостаточность, прагматичность, индивидуализм, циничность, недостаточная лояльность
Поколение Y (игреки), или поколение милениум, поколение Сеги, Next (1984–2000 г.р.)	Адаптивность, открытость, склонность к командной работе, самоуверенность, амбициозность, энтузиазм, надежность, общительность, нетерпеливость

Таким образом, основные характеристики представителей поколения Y в России: нетерпеливы (хотят всего и сразу); верят в Интернет; самоуверенны (их сложно удивить); любят учиться; жаждут видеть перспективу; стремятся к разнообразию; желают иметь возможность выбора; надеются на гибкость; стараются стать членом команды. Факторы, оказавшие воздействие на возникновение ценностных ориентаций поколения Y в России: экономический рост; политическая стабильность; глобализация; возрастающая роль Интернета и социальных сетей; международный терроризм.

Перечисленное подтверждается количественными исследованиями современных авторов. Например, анкетный опрос, проведенный Ю.Ю. Чилипёнок, выявил, что в наибольшей степени важными факторами для «поколения 20» служат: перспектива карьерного роста, уровень заработной платы и гибкий рабочий график; менее значимый фактор — близость места работы к дому и дружеские отношения в коллективе. Представители «поколения 40» среди особенно значимых факторов указывают заработную плату, получение нового опыта и возможность самореализации; наименее важны стабильная, спокойная работа и близость работы к дому. Для «поколения 60» весомыми стали такие факторы, как близость работы к дому, заработная плата и стабильная, спокойная работа; наименее значимы самостоятельность в решениях и приобретение нового опыта [6, с. 83]. Б.В. Черников, обобщив полученные результаты своего исследования, выделяет следующие особенности каждого поколения Y: возможность профессионального роста, открытость и предсказуемость, гибкость, отсутствие бюрократии и излишних правил [7, с. 156].

Возникает возможность выявить особенности профессиональных ценностей поколения Y в сравнении с другими поколениями.

Во-первых, приоритет отдается повышению заработной платы при усложнении содержания самой работы, то есть в процессе карьерного повышения сотрудник не просто формально меняет позицию, но и берет на себя большую ответственность, чтобы решать сложные и интересные задачи. Представители этого поколения не стремятся найти теплое место и отсидеться до пенсии.

Во-вторых, склонность к самореализации в работе и личной жизни (социальная активность, хобби, микропредпринимательство и т.д.) влечет за собой интерес к гибкому графику работы, позволяющий совместить данные предпочтения.

В-третьих, прослеживается стремление к получению обратной связи по итогам своего труда и к обмену информацией о работе с коллегами. Представителям поколения Y важно знать, как оцениваются итоги их труда, что было выполнено правильно, а что нет. Как показывает практика, у сотрудников поколения беби-бумеров и поколения X более болезненная реакция на критику, часто возникает сложность с обратной связью (ограничение «претензиями» и замечаниями).

В-четвертых, особое значение для молодого поколения имеет корпоративная культура в компании. Сотрудники поколения Y мечтают найти такую компанию, где можно с комфортом увлеченно работать в окружении близких по духу люди.

В-пятых, высока степень открытости в коммуникациях. Представители поколения Y уважительно, без страха относятся к своему руководителю, более того, если они задают вопросы, значит, для них ценно мнение данного человека, что значительно экономит временные затраты: вместо того чтобы тратить время на переписку, молодые специалисты предпочитают встретиться и в устной форме обговорить все вопросы.

В-шестых, типична способность быстро принимать решения. В современных обстоятельствах на сотрудников обрушивается огромный поток разнообразной информации, которую необходимо уметь быстро обрабатывать и анализировать. Поэтому люди поколения Y больше ценят компании, в которых все процессы проходят динамично.

Перечисленные особенности объясняют, почему молодые люди поколения Y часто меняют место работы и стремятся к быстрому профессиональному росту: они живут здесь и сейчас и не готовы долго ждать своего шанса, сами его ищут и используют. Таким образом, сложности взаимопонимания заключаются не только в сотрудниках поколения Y, но и в сотрудниках поколения беби-бумеров и поколения X, представители которого являются их руководителями, которые сталкиваются со сложностями адаптации к ценностям нового поколения. Чем моложе представители поколения Y, тем ярче проявляются следующие их ценности: гражданский долг и мораль, ответственность, доверчивость, инфантильность, намерение получить незамедлительно вознаграждение, жизнь в удовольствие, изменчивость, коммуникабельность, уверенность в себе, уверенность в применении технических средств и прочие.

Таким образом, результаты исследования призваны помочь сотрудникам ориентироваться в базирующихся на ценностях ожиданиях сотрудников, поддерживать диалог между поколениями и стимулировать работников разного возраста учиться друг у друга. С учетом изложенного можно сформулировать направления работы по развитию согласованных профессиональных ценностных ориентаций у молодежи поколения Y:

- построение и продвижение бренда работодателя (проактивный поиск своей целевой аудитории, продвижение преимуществ работы в данной компании, повышение престижа профессии, использование всех каналов коммуникации, фокус на личное общение);
- обучение и развитие (коучинг, использование современных технологий, международный или региональный опыт);
- введение гибких систем управления (гибкие организационные структуры, возможность нелинейного построения карьеры, стимулирование через создание интереса, гибкая система мотивации);
- трансформация социального пространства работодателя (программы для работающих родителей, гибкое управление рабочим временем, помощь в организации социальной жизни, использование внешних и внутренних социальных сетей).

Результаты исследования подтверждают сформулированную гипотезу о наличии существенных различий между поколениями в их предпочтениях профессиональных ценностных ориентаций. В целом проведенное исследование профессиональных ценностных ориентаций молодежи в контексте поколенческой теории дает возможность сделать следующие выводы:

Во-первых, результаты исследования профессиональных ценностных ориентаций обозначили наличие существенных расхождений в предпочтениях между представителями разных поколений. Любое поколение обладает профессиональными ценностями, но их формирование не происходит одновременно и в отрыве от предшественников, они аккумулируются с течением времени и, как правило, устремлены в сторону утилитарности и прагматизма.

Во-вторых, молодежь в большей степени подвержена процессам трансформации ценностей, так как в силу своей социально-демографической специфики именно она быстрее всех усваивает новые ценности и больше остальных групп нуждается в социальной идентичности, принадлежности. Следовательно, анализ ценностных ориентаций, предпочтений и приоритетов молодежи на рынке труда предоставляет возможность осознать устремленность и составляющие трудовой активности молодежи и в результате определить степень ее включения в общество, принятие молодым поколением общественно значимых ценностей.

Библиографический список

1. *Здравомыслов А.Г.* Потребности. Интересы. Ценности. М., 1986.
2. *Rokeach M.* Beliefs, Attitudes and Values. San Francisco, 1972.
3. *Шварц Ш.* Культурные ценностные ориентации: природа и следствия национальных различий / пер. с англ. Е.А. Валуевой // Психология. 2008. Т. 5, № 2. С. 37–67.
4. *Strauss W., Howe N.* The Fourth Turning: An American Prophecy – What the Cycles of History Tell Us About America's Next Rendezvous with Destiny. N.Y., 1997.
5. *Шамис Е., Антипов А.* Теория поколений. 2011. URL: http://old.executive.ru/publications/specialization/newfolder8086/article_5457
6. *Чилипёнок Ю.Ю.* Три поколения российских работников: исследование трудового опыта // Вестник Поволжского института управления. 2015. № 3 (48). С. 79–85.
7. *Черников Б.В.* Дифференциация трудовых ценностей среди поколений современных работников // Вестник Томского государственного университета. 2014. № 385. С. 153–158.

K.P. Afrikantov, D.A. Ushakov

**Pedagogical Conditions
of a Future Officer's Individual
Communication Pattern Formation
in a Military Higher Education
Institution**

The issue of developing future officers' communicative competence is studied. The essence of the concept "military student's individual communication pattern" is revealed, and the applicability of its formation due to the new professional requirements is grounded. Special attention is paid to the analysis of pedagogical conditions that allow forming the competence efficiently in the military higher education institutions training process.

Key words and word-combinations: communicative culture, military higher education institutions students, individual communication pattern, military pedagogies.

Исследуется проблема развития коммуникативной компетенции будущих офицеров. Раскрывается сущность понятия «индивидуальный стиль общения курсанта», доказывается актуальность его формирования в связи с новыми профессиональными требованиями. Особое внимание уделяется анализу педагогических условий, позволяющих эффективно формировать данную компетенцию в учебном процессе военных вузов.

Ключевые слова и словосочетания: коммуникативная культура, курсанты военных вузов, индивидуальный стиль общения, военная педагогика.

УДК 378:174
ББК 74.58+87.754

*К.П. Африкантов,
Д.А. Ушаков*

**ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ УСЛОВИЯ
ФОРМИРОВАНИЯ
ИНДИВИДУАЛЬНОГО
СТИЛЯ ОБЩЕНИЯ
БУДУЩЕГО ОФИЦЕРА
В ВОЕННОМ ВУЗЕ**

В современных общественно-политических условиях, характеризующихся значительной трансформацией конфигурации межсубъектного взаимодействия в изменяющемся социокультурном пространстве, осложнением международной обстановки, эскалацией военных действий в разных регионах мира, увеличением активности террористических организаций, к силовым структурам предъявляются повышенные требования, а для их выполнения необходимы качественно подготовленные и профессионально компетентные солдаты и офицеры. Обеспечение соответствующего уровня боеспособности подразделений внутренних войск МВД России предполагает организацию эффективного взаимодействия между военнослужащими подразделений, в том числе между офицерами и подчиненными. Эффективное взаимодействие находит выражение в разнообразных формах как служебного, так и неслужебного общения, которое оказывает серьезное влияние на результативность выполнения служебных и боевых задач, сплочение воинских коллективов, состояние воинской дисциплины, удовлетворенность службой.

Общению отводится особая роль в процессе развития поведенческой культуры,

поскольку оно способствует формированию у личности ориентиров в окружающей действительности. В процессе общения осуществляется процесс передачи и восприятия не только социальных, но и культурных и нравственных ценностей, а также обеспечивается развитие духовного мира человека, оказывается воздействие на сознание и поведение людей.

Роль общения в служебной деятельности офицера велика. Оно решает задачи социально-психологического обеспечения трудовой деятельности, помогает организации взаимоотношений с подчиненными и коллегами, способствует передаче информации. Воспитательно-педагогическая ориентированность общения предполагает способность офицера в любых условиях продолжать выполнение основной педагогической задачи, приспособляя формы и методы работы с подчиненными к конкретной обстановке, и поэтому культура общения для него — это, по существу, культура его повседневного военно-педагогического труда.

Проведенное исследование научных работ доказывает актуальность темы коммуникативной культуры курсантов военных вузов. Только за последние десять лет по разным аспектам данной темы были защищены диссертации В.Е. Акинтьевой [1], А.В. Верещак [2], Д.И. Новоселецкой [3], А.В. Почепавой [4], А.В. Соловьевой [5]. Проанализированные работы свидетельствуют о том, что обучение курсантов в образовательных учреждениях высшего образования является частью единого военно-педагогического процесса с присущими ему определенными закономерностями.

Научные исследования и практический опыт показывают, что далеко не у всех будущих офицеров сформирован индивидуальный стиль общения, а у большинства молодых военных специалистов имеются значительные пробелы в знаниях и умениях, необходимых для общения в военно-профессиональной и военно-педагогической деятельности [6]. Многими из них не осознается ценность и значимость культуры общения; недостаточно проявляется направленность в общении на другого человека; не в полном объеме сформированы коммуникативные умения.

Коммуникативная компетентность может быть охарактеризована как способность использовать язык в виде средства общения, что предполагает грамотное владение как устной, так и письменной речью, обладание навыками общения в конкретной ситуации, техникой анализа своего поведения в процессе общения. Маркерами сформированности коммуникативной компетентности при этом могут выступать: степень соответствия ситуации используемых курсантом языковых средств, четкость и логичность изложения своих мыслей, разнообразие используемых коммуникативных приемов, соответствие стиля общения и занимаемой ролевой позиции; отсутствие конфликтно-деструктивных элементов в ходе процесса общения [7; 8].

В то же время процесс формирования коммуникативной компетентности у курсантов военных вузов отличается определенной спецификой. Так, на формирование личности специалиста, получающего образование в гражданском вузе, оказывают воздействие следующие факторы: нацеленность на развитие творческих способностей студентов, предоставление возможности осуществ-

влять выбор деятельности в условиях рынка, значительная самостоятельность в процессе обучения, вариативность средств и способов обучения. В образовательном процессе военного вуза перечисленные факторы играют меньшую роль, а наиболее значимыми обстоятельствами являются: узкая специализация будущих офицеров, сильно насыщенная военно-специальными дисциплинами программа обучения, наличие принципа субординации, специальные условия функционирования военного вуза и другие факторы военно-профессиональной деятельности.

Современное образование развивается в сторону гуманизации, когда индивидуальность человека начинает восприниматься как наивысшая ценность, и в этих условиях формирование индивидуальности курсанта как будущего офицера становится важнейшей целью профессиональной подготовки (учебного процесса) в условиях военного вуза. Процесс индивидуализации будущего офицера в профессиональной деятельности в условиях военного вуза может иметь разные выражения; индивидуальные отличия могут рассматриваться: а) как спорадические проявления собственной уникальности в профессиональном поведении и деятельности; б) как индивидуальный стиль, воспринимаемый как устойчиво сохраняющееся продолжительное время разнообразие в профессиональной деятельности, уникальная комбинация способов и задач профессиональной деятельности; в) индивидуальность как выражение исключительности, своеобразности личности офицера в военном деле, персональный профессиональный взгляд на мир, а также индивидуальный вариант профессионального типа личности в труде.

На наш взгляд, наибольшим потенциалом для использования обладает рассмотрение процесса индивидуализации будущего офицера через призму становления и развития индивидуального стиля общения, поскольку остальные перечисленные категории в большей степени предполагают наличие врожденных талантов у курсанта и минимизируют вклад педагогической составляющей. Следовательно, можно, по-нашему мнению, определить курсанта военного вуза как относительно зрелую личность, обладающую собственной сформированной системой взглядов на мир, целенаправленно приобретающую знания в профессиональной сфере. В то же время будущий офицер имеет потребность утвердиться в собственном профессиональном выборе и в полной мере реализовать свои возможности для профессионального роста. Представляется, что период обучения в военном вузе наиболее благоприятен для формирования жизненной и профессиональной стратегии развития с опорой на рефлексию, формирования отношений к военной профессии, сопоставления своих личностных склонностей, черт и амбиций с требованиями, предъявляемыми со стороны общества, а также осознания того, что индивидуальный потенциал и достижения являются базисом нового самовыражения, саморазвития, открытия и формирования в самом себе новых способностей, качеств, в частности индивидуального стиля общения.

Проанализировав научную литературу по проблеме развития личности курсантов, мы выявили наиболее существенные признаки индивидуального стиля общения. Во-первых, индивидуальный стиль общения — это

не отдельные элементы общения, а определенное его сочетание, система. Во-вторых, это такая уникальная комбинация способов, которая определяет наиболее оптимальную реализацию своей трудовой функции конкретным человеком. Таким образом, индивидуальный стиль общения представляет собой средство наилучшего приспособления человека к реально существующим требованиям той или иной деятельности. В-третьих, индивидуальный стиль общения не абсолютно определяется индивидуально-типологическими особенностями (познавательными стилями, свойствами темперамента, личностными качествами) субъекта, а складывается в результате взаимодействия человека с предметной и социальной средой; может трансформироваться, если условия взаимодействия претерпевают изменения; вырабатывается в ходе развития, обучения и воспитания.

Теоретический анализ научных работ по проблеме индивидуального стиля общения позволил нам сформулировать свое определение индивидуального стиля общения будущего офицера, под которым мы понимаем сочетание особенностей, полученных от природы, и образовавшихся в период обучения военному ремеслу качеств личности, детерминированных контактами курсанта с социально-предметной средой, в пределах которой осуществляется процесс его личностно-профессионального становления на основе повторения наиболее часто встречаемых способов решения профессиональных задач и внутренних процессов развития.

Представляется важным определить педагогические условия, необходимые для формирования индивидуального стиля общения курсанта, которые представляют собой совокупность специально смоделированных профессиональных ситуаций, действия конкретных факторов и обстоятельств, оказывающих прямое и опосредованное влияние на эффективность деятельности по управлению и самоуправлению процессом становления и последующего развития индивидуального стиля общения будущего офицера МВД России.

Условия, способствующие, по нашему мнению, формированию индивидуального стиля общения, стоит распределить на две группы: надситуативные (устойчивые, обобщенные) и конкретно-ситуативные. Устойчивые, обобщенные условия можно характеризовать как набор тесно связанных мер, сопровождающих процесс развития индивидуального стиля общения будущего офицера. Перечислим эти условия, дав общую характеристику.

Создание адаптивной информационно-динамической образовательной среды, обеспечивающей благоприятные условия для формирования индивидуального стиля общения, подразумевает использование параметров и возможностей среды (в частности, анализ влияния сложившихся отношений, специфических ценностей, символов, вещей, предметов) в целях наиболее сильного влияния (воздействия) на формирование личности будущего офицера. Адаптивная информационно-динамическая среда представляет собой образовательную среду, способную варьировать свои свойства в ходе процесса формирования стиля в зависимости от активности будущего офицера. По способу организации взаимодействия в обучающей ситуации основное внимание уделяется развитию игровых, тренирующих и формирующих адаптивных информационно-дина-

мических сред, способствующих усилению внутренней активности будущих офицеров, направленной на актуализацию их внутреннего мира, личностного роста и самореализацию.

Эффективное взаимодействие педагога и курсанта по поводу планирования траектории формирования процесса становления индивидуального стиля общения предполагает разработку содержания, показывающего многоаспектность процесса развития индивидуального стиля, институционализацию подготовки курсантов, адресное соуправление процессом развития индивидуального стиля общения будущего офицера через непосредственное воздействие на разрозненные, несформированные или частично сформированные компоненты стиля для побуждения осуществления сознательной деятельности по их структурированию. Научно-методическое сопровождение процесса развития индивидуального стиля является управленческой технологией и содержит в себе дидактическую, психологическую и эргономическую составляющие. Выбор типа сопровождения осуществляется исходя из ориентации на принципы индивидуализации и дифференциации.

Конкретно-ситуационные условия формирования индивидуального стиля общения будущего офицера представляют собой систему созданных стимулирующих мер, осуществление которых имеет целью осознание необходимости формирования стиля, определение трудностей и проблем данного процесса, способствует его целенаправленному протеканию, базируясь на модели создания ситуации успеха.

Субъект-субъектные отношения, на наш взгляд, представляются одними из наиболее важных педагогических условий формирования индивидуального стиля общения будущего офицера, так как трансляция (введение) этого условия в собственную профессиональную деятельность позволит специалисту выстраивать и поддерживать партнерские отношения со всеми акторами образовательного процесса. Основой для возникновения эффективных межсубъектных взаимодействий являются субъектная позиция сторон педагогического процесса и принятие педагогом ролей модератора, тьютора, супервизора, что позволяет раскрывать, реализовывать и развивать потенциал будущего офицера и заключается: а) во включении личного опыта курсанта в общую структуру сопровождения; б) в обеспечении условий для преодоления препон и формировании у будущего офицера умений и навыков групповой работы; в) в осуществлении подбора необходимых дидактических материалов с учетом индивидуальных особенностей курсантов, специфической социокультурной среды и индивидуального плана; г) в перенаправлении внимания на решение будущими офицерами конкретных задач саморазвития.

Мониторинг становления индивидуального стиля общения ориентирован на оценку по количественным и качественным параметрам трех взаимосвязанных подсистем: педагогической, научно-методической и социальной — в результате входящей диагностики, текущего и итогового контроля на внутреннем и внешнем уровнях. Результаты проводимого мониторинга развития индивидуального стиля общения и определение тенденций его из-

менения на каждом отрезке позволяют скорректировать технологии учебной работы и задания, тем самым совершенствуя дидактический процесс, обеспечивающий достижение намеченного результата в строго установленные временные промежутки. Востребована на практике методика оценки уровней сформированности психолого-педагогической компетенции у младших командиров; система педагогических (проблемных, логических и др.) заданий, внедрение программ для ЭВМ, позволяющих выявить «ядро» ценностных ориентаций личности, уровень овладения психолого-педагогической компетенцией.

Комплексное использование указанных условий, на наш взгляд, дает возможность более полно и разносторонне организовать направленную работу по проблеме формирования индивидуального стиля общения у будущих офицеров МВД, применять позитивный опыт, накопленный современной наукой, и тем самым позволяет эффективнее использовать имеющиеся ресурсы в условиях военного вуза. В результате все это должно обеспечить формирование качественной коммуникативной компетенции у курсантов, овладеть умениями объективно контролировать процесс коммуникации, стимулировать активность обучающихся в военном вузе, правильно планировать и проводить индивидуально-воспитательную работу, проявлять инициативность и конкурентоспособность.

Библиографический список

1. *Акинтьева В.Е.* Формирование коммуникативной культуры будущего специалиста в образовательном пространстве военного вуза: автореф. дис. ... канд. пед. наук. Ставрополь, 2008.
2. *Верецкяк А.В.* Формирование готовности к профессиональному общению у курсантов вуза МВД РФ: автореф. дис. ... канд. пед. наук. Чебоксары, 2010.
3. *Новоселецкая Д.И.* Педагогическое проектирование формирования профессионально-коммуникативной компетенции у курсантов военных вузов: автореф. дис. ... канд. пед. наук. Краснодар, 2012.
4. *Почпаева А.В.* Формирование коммуникативной компетенции курсантов образовательных учреждений МВД России: автореф. дис. ... канд. пед. наук. М., 2005.
5. *Соловьева А.В.* Профессионально-личностное развитие курсантов в условиях образовательной среды учреждения военной направленности: автореф. дис. ... канд. пед. наук. М., 2011.
6. *Немушкин А.В., Сыромятников И.В.* Формирование коммуникативной компетентности у будущих офицеров в процессе профессиональной подготовки вуза // *Инновации в образовании.* 2003. № 3. С. 114–132.
7. *Машин В.Н., Свиридов А.А.* Коммуникативная культура курсантов военных вузов как междисциплинарный феномен // *Вестник Тамбовского университета. Сер.: Гуманитарные науки.* 2013. № 11 (127). С. 143–148.
8. *Голубев Ю.В.* Структура модели коммуникативной компетентности офицера // *Известия Волгоградского государственного педагогического университета.* 2015. № 1 (96). С. 17–20.

ФИЛОСОФИЯ И КУЛЬТУРА СОЦИУМА: ПОДХОДЫ, КОНЦЕПЦИИ, МНЕНИЯ

E.Yu. Shakirova

Sociocultural and Axiological Aspects of Security

The article examines the sociocultural and axiological aspects of security. It is postulated that security is manifested as a steady state of the sociocultural formation in which it retains integrity and the capacity for self-development, despite growing risks.

Key words and word-combinations: security, values, modern society, social and cultural field, axiological sphere, rhizome.

Рассматриваются социокультурные и аксиологические аспекты безопасности. Постулируется, что безопасность проявляется как устойчивое состояние социокультурного формирования, при котором оно сохраняет целостность и способность к саморазвитию, несмотря на возрастающие риски.

Ключевые слова и словосочетания: безопасность, ценности, современное общество, социокультурное пространство, аксиосфера, ризома.

УДК 1:316
ББК 60.02

Е.Ю. Шакирова

СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ И АКСИОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ БЕЗОПАСНОСТИ

Мировое социокультурное пространство находится на пороге серьезных изменений, связанных с новым пониманием ценностных основ обеспечения защиты своих интересов. Происходящие в современном мире события свидетельствуют лишь об одном: проблема безопасности во всех ее проявлениях становится первоочередной.

Безопасность — феномен комплексный и многоуровневый. Безопасность не только входит в число крупнейших глобальных проблем, но и выступает основой сохранения и развития любого социокультурного организма. Естественно, что тенденции качественных трансформаций современности требуют глубокого теоретико-методологического осмысления проблемы безопасности, уточнения принципов научного исследования и понятийного аппарата.

Первые исследования безопасности восходят ко времени формирования общества. Взятая в самой общей форме проблема безопасности предстает как исторически из-

меняющаяся задача с позиций развития и самосохранения общества. В рамках каждой исторической эпохи вырабатываются определенные подходы, стратегии обеспечения безопасности. Безопасность, несомненно, имеет гуманитарную сущность. На ранних исторических стадиях, на этапе мифологического мировоззрения, безопасность понималась через отношение человека с природой, опасные явления которой казались ему непостижимыми и безропотно принимались, а сами опасности персонифицировались. В мифе человек имеет дело с одушевленными существами, от которых зависит его существование, а познание безопасности протекает в форме их «узнавания».

В философии Древнего Востока мир предстает полным угроз и опасностей, которые угрожают и телу и духу: «Какие наслаждения от желаний могут быть в этом теле, пораженном страстями. Гневом, алчностью, заблуждением, страхом, отчаянием, завистью, разлукой с желанным и навязыванием нежеланного, голодом, жаждой, старостью, смертью, болезнью, печалью и тому подобным...» [1, с. 238]. В учениях Древней Индии сочетается признание необходимости мироутверждения — счастливой (безопасной) земной жизни — и в то же время мироотрицание — освобождение от множественных страданий сущего и стремление к абсолютно благим (абсолютно безопасным) первоначалам. В философских школах Древнего Китая бытие определяют справедливость, порядок и закономерность в мире, которые исходят от Неба. Следование им — добро, нарушение — зло. Особая значимость придается книжной учености, государственности и социальной активности, благодаря которым жизнь человека приближается к гармонии, упорядоченности и безопасности. Конфуций полагал, что условием социально-политической стабильности и безопасности является привлечение к управлению государством «прямых» людей и устранение бесчестных, в этом случае «народ будет покорен» [2, с. 171].

Наиболее полное оформление взглядов на природу безопасности можно найти у Платона и Аристотеля. Выдвинутая Платоном концепция идеального государства представляет, по существу, установленную гармонию отношений человека и общества в системе безопасности. Высшим государственным благом считается справедливость — то, что служит общей пользе и безопасности [3]. В государстве безопасность наиболее обеспечена там, где нет ни чрезмерного богатства, ни чрезмерной нищеты и которым управляют люди среднего достатка ради общей пользы. Аристотель развивает идеи Платона, полагая, что важную роль начинают играть личностные способности субъекта к управлению государством: «Суметь понять зарождающееся зло в самом его начале — дело не первого встречного, а опытного государственного мужа» [4, с. 482].

Сущность безопасности на этапе религиозного мировоззрения предстает как абсолютное благо. В исламе и христианстве она персонифицируется в понятии всемогущего Бога как средоточения и истока безопасности, способного карать и спасать, перед которым человек испытывает страх. Страх божий предохраняет человека от неправильных поступков, а религиозная вера играет основополагающую роль в создании безопасного жизненного мира человека.

Сама же безопасность связывается не с желанием человека избежать физической смерти, а с потребностью нравственного совершенствования, позволяющего достигнуть вечной жизни.

Средневековая европейская философия в осмыслении проблем безопасности отдает приоритет христианской вере по отношению к человеческому разуму. Безопасность определяют доверие Богу, верность ему и уверенность в истинах, данных в Откровении. Так, представление о безопасности в эпоху средневековья формируется, во-первых, на базе христианских ценностей миропонимания: люди равны как между собой, так и перед Богом, а во-вторых, на основе процесса формирования национальных государств. Важное место в формировании государственной безопасности занимало развитие военной культуры в виде рыцарства.

Эпоха Возрождения вносит свои коррективы в осмысление проблем безопасного существования. Гуманисты видят творцом собственной жизни и счастья человеческую индивидуальность. Для достижения личного благополучия и безопасности человек должен следовать своей природе, абсолютно греховной по меркам аскетического средневекового нравственного идеала. Возрождение дает толчок формированию нового социального миропонимания, что находит отражение в появлении теорий, учений об обществе, о государстве. Например, в рамках теории общественного договора были впервые изложены основные принципы безопасного существования. Т. Гоббс писал: «...надежда каждого на свою безопасность и спасение состоит в том, что он сможет с помощью собственных сил и умения открыто или путем ухищрений предупредить своих близких, поскольку безопасность жизни согласована с естественными законами и состоит в согласии многих» [5, с. 79].

Существенный вклад в развитие взглядов на безопасность внес Э. Дюркгейм, поставивший во главу угла учение о социальной солидарности. Социальная солидарность не может быть достигнута ни взаимодействием личных интересов индивидов, ни посредством жесткого государственного диктата. Между человеком и государством должны находиться интересы различных профессиональных групп, которые по своим функциям и своему предназначению приближаются к представлениям о гражданском обществе в современной гуманитаристике [6, с. 191]. Элементами обеспечения безопасности выступают социальные нормы, направленные, с одной стороны, на ограничение устремлений каждого в отдельности, а с другой — на предотвращение социальных конфликтов.

Можно выделить следующие аспекты понимания безопасности, оформившиеся в период Нового времени: правовой аспект (констатируется право каждого на индивидуальную безопасность), антропоцентристский аспект (благополучие и счастье каждого рассматриваются как высшая ценность), социальный аспект (выдвигается идея естественного развития общества и государства как инструмента обеспечения безопасности). Любое философское направление, используя собственные эпистемологические, онтологические и аксиологические критерии для оценки безопасности, наполняет специфическим содержанием знание о безопасности, которое определялось культурно-

исторической ситуацией и господствующим мировоззрением. Тем не менее важно признать, что на любом этапе социального развития безопасность имеет человеческое измерение. Она предстает как главнейшая ценность и наивысшее условие жизнедеятельности самого человека и развития общества, поэтому можно говорить об аксиологическом и социокультурном характере безопасности.

Все существующие в отечественной и зарубежной науке определения безопасности можно условно разделить на три группы:

1) безопасность как отсутствие опасностей (на основе принципа дихотомии);

2) безопасность — определенная деятельность по обеспечению или по предупреждению каких-либо угроз, опасностей (деятельностный подход, связанный с уровнем развития общественного производства, благодаря которому и создаются те или иные предупреждающие действия);

3) безопасность — осознанная потребность, ценность, интерес, так или иначе связанные с тем или иным целеполаганием [7].

Н.Н. Рыбалкин дает следующее определение безопасности: «Безопасность — это рефлексивно определенное и контролируемое субъектом единство естественного существования и развития объекта» [8]. Добавим: и самого субъекта. Так, любое формирование, в том числе и социокультурное, для своего собственного движения и изменения, а также для сохранения имеющихся потенциалов неизменно создает какие-либо защитные механизмы, функции которых многогранны, но главная из них — защита от опасностей, основанная на внутренних потребностях.

Социокультурное формирование в качестве основного механизма обеспечения безопасности выбирает ценностно-нормативную защиту. Основопологающие ценности, определяющие своеобразие данной социокультурности, являются и своеобразными ограничителями ее функционирования. Развитие любого формирования должно определяться наличием неких пограничных значений для данного временного периода. Подобные пограничные значения назовем пограничными точками: они разграничивают внешнюю среду и социокультурное пространство формирования (функция огораживания). Кроме того, одной из функций пограничных точек является осуществление контакта с другими средами. Так, пограничные точки, с одной стороны, принадлежат данной социокультурности, а с другой — непосредственно ответственны за соприкосновения с элементами других формирований [9]. Пограничными точками следует считать те основополагающие ценности, которые определяют отличие данной социокультурности от других. Для прикладных целей классификация ценностей по их роли в обеспечении функционирования социокультурного формирования является наиболее приемлемой. В этом отношении ценности не только являются регулятором социальных отношений, но и задают границы этих отношений, то есть границы социокультурного формирования. Эти ценности наиболее подвержены «атаке» извне, и от степени их устойчивости внешним воздействиям зависит и степень

«непроницаемости» всего социокультурного пространства. О. Тоффлер считает, что современность — конец XX столетия — это совершенно новый этап в развитии общества и что это новое состояние своим появлением обязано развитию технологий хранения, передачи и обработки информации, они и их использование придает всем процессам, протекающим в обществе, небывалый динамизм и разнообразие [10]. Развитие подобных технологий, получившее столь бурный толчок в XX в., способствовало «сглаживанию» функций пограничных ценностей и активному проникновению и внедрению в социокультурность иных аксиологических элементов. Данные процессы выражаются в появлении новых ценностей, имеющих характер симбиоза с ценностями данного формирования, в чем и заключаются метаморфозы всего социокультурного пространства.

Огораживающая функция пограничных точек неизменно сопряжена с функцией обеспечения безопасности. Однако современность благодаря процессам глобализации, интернационализации, культурной ассимиляции деформирует ценностные основы социокультурных формирований. Тем не менее современную аксиологическую ситуацию нельзя охарактеризовать как полное разрушение ценностной системы. В настоящее время целесообразнее вести речь не о четко структурированной социальной аксиосфере, а скорее о нелинейном ценностном образовании, которое, сохраняя определенную целостность, отличается гетерономностью. Постмодернистская философия для характеристики подобных образований употребляет понятие «ризомы», которое наилучшим образом отражает существующую в мире ценностей ситуацию. Отсутствие единого семантического центра, равновесия, но при этом наличие определенного организационного порядка и креативной подвижности — вот существенные черты ризомы. В ситуации ценностной ризомы обеспечение безопасности осложняется отсутствием единого аксиологического стержня, а также тем, что ризома характеризуется потенциальным самоварьированием. Разумеется, историческое развитие общества немислимо без непрерывного процесса трансформации ценностей.

Однако та аксиологическая ситуация, которая характеризуется здесь как ризомная, исторически беспрецедентна и является результатом действия многочисленных факторов как внутреннего, так и внешнего характера, среди которых наиболее действенным является распространяющийся вглубь и вширь процесс глобализации. Именно вследствие глобализации ценностные основы, цементирующие общество на самом что ни на есть глубинном уровне, начали терять свою актуальность и стали появляться иные, не свойственные для того или иного социокультурного формирования ценностные парадигмы, что и привело к появлению новых стержневых оснований ценностной сферы. В подобных условиях обеспечение безопасности представляет собой весьма затруднительную задачу, однако следует признать тот факт, что в современном обществе существование единой системы ценностных приоритетов практически невозможно. Расслоение общества, манипулирование сознанием, экономическая нестабильность ставят под сом-

нение легитимность одного ценностного ядра, именно поэтому аксиосфера современного общества может быть определена как ризомоморфная среда. Занесенный в такую среду любой ценностный информационный «вирус» может вызвать непредсказуемые последствия нелинейных трансформаций, которым подвержена подобная среда, что повышает рискогенность социума в целом.

В современном обществе риск, являясь неотъемлемой составляющей жизни, приобрел черты универсальной характеристики, способной раскрыть сущность социокультурного бытия на данном этапе развития. Мышление в понятиях риска и его оценки превратилось в свойство и экспертного и массового сознания. Общество осознает себя в категориях риска, неуверенности и необходимости выбора. При этом рисками наполнена любая ситуация — бездействие так же рискованно, как и традиционное действие или инновационная деятельность. Э. Гидденс отмечает, что риски — продукт деятельности именно человека. Риски порождаются институтами общества модерна: «Мы живем в мире, где опасности, созданные нашими же руками, не менее, а то и более серьезны, чем те, которые приходят к нам извне» [11, с. 67]. Но, полагает Э. Гидденс, институты общества рефлексивного модерна порождают риски не только в силу динамики общества, «отменяющей» стабильные структуры индустриального общества, но и в силу того, что в условиях глобализации происходит их «высвобождение» из локальных контекстов с определенной пространственно-временной привязкой, что деформирует не только ценностную сферу порождающего риски социокультурного формирования, но и аксиос основания иных социокультурностей. Обновления и социокультурные метаморфозы перманентны. Логика непрерывного обновления, лежащая в основе культуры модерна, привела к тому, что современное общество развивается вопреки ее институтам и структурам. «Мы переживаем изменения основ изменения», — отмечает А. Бек [12, с. 18].

В современных условиях социокультурных изменений, аксиологических трансформаций, роста рискологической составляющей ценность безопасности выходит на первый план. Но поскольку общество риска нацелено не на поиск лучшего, а на избежание худшего в своем сценарии развития, то модифицируется само представление о безопасности. Безопасным следует считать устойчивое состояние социокультурного формирования, при котором оно сохраняет целостность и способность к саморазвитию, несмотря на возрастающие риски. Такое безопасное состояние может иметь множество проявлений, при этом социокультурность должна оставаться в рамках допустимых аксиосемантических значений пограничных точек. Выход за пределы данных значений есть показатель кризисности и уменьшения степени безопасности, что повышает неопределенность социокультурности.

П. Штомпка, характеризуя процесс социокультурных изменений, вводит такое понятие, как «культурная травма»: в настоящее время нормой является становление социума, которое происходит сквозь призму перманентных травм [13]. Травмы — атрибуты становления. Травма — не состояние, а

«динамично развивающийся процесс», предполагающий «травматическую последовательность» из шести стадий [13, с. 7]. «Травма — «социальный факт» в классическом, дюркгеймовском смысле термина... И, по определению, — культурный феномен» [13, с. 10]. Культурная травма выражается в метаморфозах аксиологических оснований. Травма есть результат воздействия на социокультурное формирование рисков одного типа, которые производят другие риски. Травматичность социокультурности и ее рискогенность связаны особым типом причинности, характерной для нелинейных сред — циклической, которая действует по принципу «все во всем» и нивелирует смысловые и пространственно-временные границы между причиной и следствием. Повышение травматичности социокультурного формирования выражается в его «разрывах», в появлении мозаичного типа связи между некоторыми его элементами, не гарантирующими стабильность и постоянство. «Готовность к травме возникает, когда появляется форма дезорганизации, смещения, несогласованности в социальной структуре, иными словами, когда контекст человеческой жизни и социальных действий теряет гомогенность, согласованность и стабильность», — отмечает польский исследователь [13, с. 8]. Подобное социокультурное формирование находится всегда в состоянии напряженности. Любое внешнее воздействие или проявление внутренней несогласованности приводит к непредсказуемым результатам.

Обеспечение безопасности в условиях «общества риска», перманентно подвергающегося травмам, — задача сверхсложная. Необходимо понимать, что абсолютно безопасного общества в принципе не может быть. Поиск оптимального пути развития подразумевает детальный анализ прошлого и настоящего, на основе которого возможно будет хотя бы в общих чертах предвидеть стратегии развития социокультурного формирования в сложных условиях аксиологической нестабильности и повышения степени рискогенности.

Библиографический список

1. Древнеиндийская философия. М., 1972.
2. Конфуций. Суждения и беседы. СПб., 2001.
3. Платон. Диалоги. М., 2011.
4. Политика. Наука об управлении государством / Платон, Аристотель. М., 2002.
5. Гоббс Т. Философские основания учения о гражданине. М.; Минск, 2001.
6. Дюркгейм Э. О разделении общественного труда: метод социологии. М., 1991.
7. Викторов А.Ш. Философия безопасности в контексте гуманитарного миропонимания глобальных проблем // Ломоносовские чтения – 2006: Глобализация и социальные изменения: материалы научной конференции: сб. науч. докладов. URL:<http://lib.socio.msu.ru/l/library>
8. Рыбалкин Н.Н. Природа безопасности // Вестник Московского университета. Сер. 7: Философия. 2003. № 5. С. 36–52.
9. Шакирова Е.Ю. Социокультурное пространство современности: социально-философский анализ. Саратов, 2014.
10. Тоффлер О. Третья волна. М., 2000.
11. Гидденс Э. Ускользающий мир. Как глобализация меняет нашу жизнь. М., 2004.
12. Бек У. Общество риска: На пути к другому модерну. М., 2000.
13. Штомпка П. Социальное изменение как травма // Социс. 2001. № 1. С. 6–16.

Е.А. Pilipenko

The Concept of Mythological Time

The ontological contour of the concept of “mythological time” is determined. It is shown that personification of time attributes is characteristic of different mythological conceptualizations, which allows discovering its different features.

Key words and word-combinations: the mythological time, the sacral time, the profane time, cyclic recurrence, linearity.

Определяются онтологические контуры концепта «мифологическое время». Показано, что для различных мифологических представлений характерна персонификация свойств времени, что и позволяет обнаружить разные его свойства.

Ключевые слова и словосочетания: мифологическое время, сакральное время, профанное время, цикличность, линейность.

УДК 11:12

ББК 87.21

*Е.А. Пилипенко***КОНЦЕПТ
МИФОЛОГИЧЕСКОГО
ВРЕМЕНИ**

Категория «время» играет большую роль в философии и других науках. Однако представления о времени имеют гораздо более долгую историю, поскольку укоренены в мифе. Именно в мифологии были конституированы важнейшие архетипы времени, во многом определившие последующие философские и научные представления о нем. Следовательно, философский анализ мифа позволяет определить самые глубокие пласты смыслов времени, обнаружить фундаментальные моменты в понимании его онтологии, сохранившиеся и в современном рациональном знании.

Для человека особая значимость времени во многом определяется интуитивно постигаемой связью его со смертью. Человек обречен на смерть, и именно время неизбежно ведет к ней всякого — отсюда и рождается культ времени, обозначающий благоговение перед ним и попытки отсрочить собственную смерть или исчезновение того, что дорого, даже всего мира. Обладая такой властью над человеческим существованием, время становится самостоятельным и значимым основанием мироздания, оно само ни от чего не зависит и определяет все. Трудно найти мифологическую систему, в которой время не было бы так или иначе представлено. Культ времени у разных народов олицетворяли высшие и низшие божества: Озирис — у египтян; Кронос, Дионис и мойры у греков; Сатурн, Янус и парки у римлян; Зерван — у иранцев; норны у скан-

динавов и т.д. Безусловно, самые последовательные и полные представления о времени принадлежат античной мифологии.

В архаическом сознании время всегда двойственно. Во-первых, оно сакрально и изначально представляется как «первовремя», время Начала Мира, ассоциирующееся с космогонией. Времени нет в Начале, там, в Вечности, существует Вселенский Хаос, но время рождается из него, определяя судьбу мира и человеческую историю. И появляется природное, календарное время, необходимое в повседневности, обеспечивающее историческую память и традиции. Так, в иранской мифологии, где культ времени был чрезвычайно развит, время олицетворяло высшее божество — Зерван, сначала мыслящийся как бесконечное время, вечность (Зерван Акарана), и лишь потом, в более поздних частях «Авесты», принимающий образ конечного, природного, мирового времени (Зерван Даргахвадата), предполагающего не только начало мира, но и его конец, гибель. Время Начала всегда скрыто, затемнено, загадочно, имеет особые, глубинные смыслы, нуждающиеся в расшифровке. Первичное не поддается познанию, оно непостижимо и множится интерпретациями. Интересно, что и современная наука описывает начало мира лишь гипотетически, неверифицируемость же научных представлений о начале мира во многом связана с отсутствием времени в первые моменты появления Вселенной [1].

Таким образом, архаическим профанным сознанием время воспринималось не только абстрактно, но и конкретно, и находилось в неразрывной связи с происходящим «здесь и сейчас». В сознании древнего человека время — не просто абстрактная «чистая длительность», а сам поток событий, цепь ситуаций, связь поколений, оно полностью определяется тем, что его наполняет. Эти два ракурса в отношении времени: сакральный и обыденный — укоренены в архаике и существуют по сей день. Следует заметить, что именно так, в связи с происходящими конкретными событиями, воспринимали время — не только обыватели, но даже первые ученые и философы. Так, Гесиод рассматривал время в связи с пребыванием на земле предыдущих человеческих поколений, а его земледельческий календарь систематизирует взаимосвязь небесных и биологических ритмов, изначально присущих всем живым существам.

В связи с этим в мифологических представлениях традиционно выделяются два типа времени: время объяснения явлений и время происхождения явлений — таким образом, в мифе соединяются два уровня: диахронический и синхронический. Миф — это повествование о каком-то первичном сакральном действии, которое произошло в начальное время [2]. Первопредки, первопредметы и первопричины относятся к некоторому начальному времени первотворения — «мифологическому прошлому» (которое не соответствует историческому прошлому), когда происходило создание Космоса из Хаоса и упорядочивание Мира. Создавая Вселенную, боги сотворили также и Сакральное Время, а нынешнее устройство Вселенной, ее порядок — следствие деятельности богов и первопредков в «первовремя». Это время начала возникло «сразу», до него не существовало никакого другого времени, так как никакое время не могло существовать до событий, рассказанных в мифе [2]. Сакральное время не течет непрерывно, из прошлого в будущее, а состоит из независимых друг от друга временных образцов. Прошлое, настоящее и будущее

рассматриваются при этом не диахронически, а в рамках единой циклической модели мифологического времени: прошлое может постоянно возрождаться в настоящем, являясь при этом и предопределением будущего, как результат — в настоящем прошлое и будущее сливаются, существуя одномоментно.

В мифологических системах, помимо представлений о двойственности времени, впервые появляется и понимание его структурированности, его линейной направленности, существования временных модусов «прошлое — настоящее — будущее». Мифологическому сознанию именно прошлое в этой структуре представлялось преимущественным, первостепенным и фундаментальным, поскольку оно задает настоящее и будущее и воспринимается как нечто вневременное, а не становящееся и проходящее. Это преобладание прошлого существенно отличает мифологические представления о времени от последующих воззрений античной философии, от знаменитой «метафизики присутствия», где всегда доминирует настоящее.

Для мифа характерна персонификация свойств времени, и именно она позволяет обнаружить самые разные его свойства. Неумолимость (*необратимость*) времени и его власть над миром и людьми персонифицированы в греческой мифологии в образе бога времени Кроноса (в римской мифологии — Сатурна). Время божественно, оно главенствует в мире, вот почему Кронос становится верховным божеством; оно безжалостно настолько, что Кронос поднимает скопавший серп даже на своего отца Урана. Интересно, что существуют и версии мифа, согласно которым Кронос стал верховным божеством изначально, свергнув Офиона, космического змея, существовавшего до мироздания — и это указывает на фундаментальность, первичность времени. Хорошо известен миф о свержении Кроноса его сыном Зевсом, но это не конец времени, не его утрата или умаление, а лишь воцарение нового времени, смена природного, стихийного, исконного времени более разумным и упорядоченным социальным, но по-прежнему властвующим над людьми и природой. Впрочем, и сам Зевс, олицетворяющий силу и разум, оказывается во власти мойр (по одной из версий — дочерей Кроноса), определяющих судьбу, будущее и смерть.

Тема связи времени, будущего, и судьбы вообще характерна для мифа. Мойры в античной мифологии символизируют высший закон природы, божественное и всеобщее предопределение, и это означает, что только законы природы властны над временем. Мойры в греческой мифологии (парки у римлян) не богини времени, но очевидно, насколько глубоко они с ним связаны, ведь именно они определяют все происходящее в мире и момент смерти. А тройственность мойр определяет троичную структуру времени, неразрывную связь прошлого, настоящего и будущего. Мойры — это и богини закономерности и порядка, с ними связаны первые представления о каузальности. Время в их олицетворении упорядочивает происходящее, определяет плетение цепи событий, причинно-следственные связи. Клото прядет, задает временное течение всего существующего; Лахесис определяет судьбу, олицетворяет необходимость временного течения и изменения; Атропос неумолимо перерезает нить, символизирует временной конец всякого существования.

Итак, множественность свойств времени, их неоднозначность отражается в античной мифологии существованием различных богов времени. И если

Кронос символизирует силу времени, а мойры — его упорядоченность, закономерность, то Янус со всей определенностью указывает на наличие у него модусов прошлого и будущего. Янус — знаменитый двуликий бог начала и конца, лица которого обращены в прошлое и будущее; бог порядка, небесный привратник, у которого есть ключи ко всем дверям. Известно, что именно Янус научил людей исчислению времени, сам же он ведет счет дням, месяцам и годам — не случайно на его руках начертаны числа «триста» и «шестьдесят пять», именно его именем назван первый месяц года, а этимология его имени, по некоторым версиям, связана с глаголом «проходить» [3].

Время в мифологическом сознании не только обладает множеством свойств, но и представляется неоднородным. В самом деле, человек мифологической эпохи жил не только в упорядоченном, хронологическом профанном времени, проходящем, необратимом, направленном из прошлого в будущее, навстречу смерти, но и во времени сакральном, возвышающемся над непрерывным потоком времени хронологического [4]. Сакральное время повторяется бесчисленное количество раз и вечно пребывает в настоящем: все события настоящего и будущего имеют свой священный первообраз в мифе, способный наполнить их первозданным смыслом. В силу этого вечного повторения сакральное время оказывается циклическим, не разомкнутым и направленным, а закрытым. И именно сакральное время является фундаментальным для человека, именно оно определяет его подлинное существование. В связи с этим, на наш взгляд, необходимо упоминание о том, что именно к подобным представлениям, к представлениям о подлинном, не связанном с физическим миром, особом времени человеческого существования, пришел в XX в. философский экзистенциализм, показавший, что истинное человеческое бытие имманентно временным переживаниям всего происходящего.

Если говорить о характере течения времени, о направленности его хода, то и тут мифологическое сознание двойится смыслами. Для мифологических систем типичными являются представления о двух типах времени: линейном, необратимом, направленном из прошлого в будущее, и циклическом, регулярно повторяющемся все происходящее. В наиболее полном виде концепция циклического времени изложена в книге М. Элиаде «Миф вечного возвращения: архетипы и повторения». Представления о циклическом времени возникают благодаря тому, что архаический человек не пытался активно воздействовать на историю, но старался стать частью реальности через повторение архетипических мифологических моделей. В архаическом сознании протекание времени фиксировалось через регулярное чередование природных явлений: дня и ночи, лета и зимы, рождения и смерти — как следствие того, что различие между природным и человеческим мирами отсутствовало, а личность не являлась чем-то обособленным. Как результат, природные и космические процессы определяли *осознание* времени как циклического. Поскольку архаичный человек не мог остановить течение мирского времени, он был вынужден «отказаться» от истории, а это можно было сделать только через цикличность. Возвращение к началу, приобщение к Вечности означало достижение покоя, постоянства и гармонии. Таким образом, циклическая модель времени стала характерна для сакральных темпоральных представлений, а профанное время воспринималось как линейное. Цикличность времени,

как правило, представлена в мифе косвенно, опосредованно: и через регулярное сходжение в Аид и возвращение греческой богини плодородия Деметры; и через возрождения Озириса; и через периодичность многих, связанных с природными процессами ритуалов. Однако некоторые исследователи полагают, что в основе самых первых темпоральных представлений циклическая концепция времени подчинена линейной [5]. Считается, что архаическая мифическая модель времени выражается в дихотомии «начальное время — эмпирическое время», где под эмпирическим временем понимают профанное.

В контексте анализа характера протекания времени интересными представляются существующие пространственные модели мифологического времени [6]. Так, можно показать, что для индоевропейского мифического времени прошлое, настоящее, будущее лежат в одной плоскости, являются рядоположенными. Но если время циклично и прошлое повторяется, то будущее есть не что иное, как возобновляющееся настоящее и прошедшее. Однако будущее время существует в сознании, на него можно воздействовать с помощью магии, его видят в вещих снах, его можно пророчить, будущее время — это судьба.

Представления о судьбе имеют различные аналогии в разных мифологических традициях. Ранее уже упоминалось о мойрах и парках. В скандинавской же мифологии судьбу людей при рождении определяют норны, а судьбу воинов в битвах — валькирии. Одна из норн, Урд (Urðr), представляет собой персонификацию судьбы, будущего, того, что должно свершиться. В дагомейской мифологии богиня гадания и судьбы Фа считается и хранительницей ключей от будущего. Несомненно одно, будущее определяется настоящим, на него можно влиять. Трудно сказать, что было бы с современной наукой, если бы она не приняла этих очень значимых взглядов, ведь представления об однозначной предопределенности будущего прошлым легли в основание многочисленных концепций детерминизма, задали вектор развития всего классического естествознания и, начиная с ньютоновской динамики, обозначили саму возможность научного предсказания.

Итак, мифологические представления о времени имеют трехчастную структуру: прошлое — настоящее — будущее. Свидетельством наличия целостной временной парадигмы «прошлое — настоящее — будущее» в развитых мифологиях является даже сама структура мифов, где можно со всей определенностью выделить три различные группы, относящиеся к прошлому, к настоящему и к будущему. Мифы о прошлом — это этиологические и космогонические мифы, повествующие о вселенских началах. Настоящее время описывается в так называемых календарных мифах, фиксирующих некоторые моменты и периоды человеческой истории. С будущим связаны эсхатологические мифы, мифы о конце времен и о загробной жизни [7].

Эсхатология вообще непосредственно связана с представлениями о времени. Именно в ней наряду с образом Времени Начала возникает образ страшного Времени Конца. Время Конца обозначает гибель Мира и слито с конкретным содержанием этого акта, оно ужасно и неотвратимо, это тотальная смерть всего природного и человеческого. Именно такие представления существуют во всех монотеистических религиях. Однако благодаря представлениям о циклическом времени ужас неотвратимого конца смягчается: мир должен возродиться сразу после его гибели. Так и происходит в индуистской мифологии: Вселенная погибает

ет, когда засыпает Брахма, и наступает его ночь, а с наступлением дня он вновь творит Вселенную, причем повторяется это бесчисленное число раз. Картины будущего возрождения мира встают из памяти богов о прошлом творении, тем самым память богов обращает время вспять и проецирует акты прошлого творения в будущее. Даже темпорально-линейные монотеистические доктрины содержат отголоски представлений о цикличности: смерть попирается, потому что после Конца Света должен возникнуть новый, светлый и чистый мир, Царство Божие.

Все эти рассуждения позволяют заметить, что в отдельных мифологических системах доминирует либо линейная, либо циклическая модель времени. Сакральное время греческого мифа, например, циклично, и незываемое священное прасобытие постоянно актуализируется в рамках профанного времени, оставаясь при этом тождественным самому себе, поскольку принадлежит вечному миру. «Хотя все смертное идет своим ходом, но в нем действуют неизменные прасобытия» [4]. Вавилонским представлениям о времени, например, чужда идея цикличности, в них время линейно [8]. В христианской мифологии доминирует линейная модель восприятия времени: «...по кругу человека водит бес; устрояемая богом “священная история” идет по прямой линии» [9]. Циклические представления о времени характерны и для профанного сознания, ведь человеческая повседневность регулируется биокосмическими ритмами (смена времен года, фаз луны, дня и ночи, цикличность в движении планет, хорошо известная в настоящее время периодичность биоритмов, физических, психологических, эмоциональных циклов), определяющих периодичность социальных процессов [7].

Время в мифе всегда аксиологически окрашено: оно может быть добрым или злым, благоприятным или враждебным, умным или безрассудным. Такое качественно неоднородное время не столько осознается, сколько проживается и переживается [6].

В настоящее время существует много литературы по проблеме мифологического времени, и, несмотря на это, остается масса вопросов, которые до сих пор не имеют однозначных ответов. Проблема неструктурированности, неупорядоченности сакральных представлений о прошлом, настоящем и будущем поднята в работе И.М. Савельевой и А.В. Полетаева «История и время в поисках утраченного». Они приводят точки зрения М. Барга и А. Гуревича. М. Барг полагает, что мифологическое время одномоментно, не связано ни с прошлым, ни с будущим и в этом смысле лежит вне потока истории. Для А. Гуревича мифологическое сознание антиисторично, а настоящее время жизни архаического человека вмещает и прошедшее, и будущее [7]. С точки зрения М. Элиаде, мифологическое Священное Время — это «вечное настоящее», отличное от исторического настоящего [2]. К. Хюбнер рассматривает мифологическое время как состоящее из двух измерений: профанного и сакрального. При этом в сакральном времени нельзя выделить «сейчас», как настоящий момент, и оно не представляется текущим из прошлого в будущее. Так как сакральное время встроено в профанное, в котором присутствуют священные прасобытия, то «с профанной точки зрения прошлое может постоянно повторяться и возникать в настоящем. Как нечто вечное, оно является с профанной точки зрения также и будущим. Так, совпадают в настоящем прошедшее и будущее» [4]. С.М. Телегин

выделяет во времени мифа два временных пласта: «древний, не имеющий структурной организации, хаотичный и застывший в своей несотворимости, и новый, созданный, структурированный, циклический» [10, с. 140]. Мифическое время противопоставлено историческому линейному и, благодаря своей цикличности, сопрягается с Вечностью. Однако все исследователи сходятся в том, что в мифологических представлениях существует два разных образа времени: вечного непреходящего времени и времени земного, проходящего, при этом мифологическое время является ведущим. Заметим, что идея сакрального времени, в котором прошлое, настоящее и будущее сосуществуют друг с другом, в силу чего само время окальзуется статичным, незбылемым, неизменным, в более поздних философских и теологических воззрениях получило название Вечности.

Такое разнообразие взглядов немудрено: время само по себе — чрезвычайно сложный, может быть, даже самый сложный объект человеческого познания; время, представленное в мифе, еще более затемнено сложными образами, тысячелетними наслоениями смыслов. Но можно настаивать на следующем: уже в архаических мифологических представлениях с достаточной определенностью обозначены важные онтологические проблемы времени, исследуемые и современными науками. Это и существование временных модусов «прошлое», «настоящее» и «будущее»; и связь времени с причинностью; и его возможные необратимость или обратимость; и проблема числа его измерений; и его «человекомерность» [11], или антропоморфизм. Многообразие свойств мифологического времени, значительное число его исследований позволяют говорить о существовании чрезвычайно значимого концепта «мифологическое время», позволяющего обнаружить временные архетипы в человеческом сознании. Можно утверждать, что эти архетипы существуют и сейчас: современный человек по-прежнему спокойно и утилитарно относится к времени как к удобной в повседневности измерительной системе, но одновременно с этим перманентно ощущает неумолимость, неустранимую власть времени, связанный с ним сакральный ужас, позволяющий ему быть человеком экзистенциальным.

Библиографический список

1. Хокинг С. Краткая история времени: от Большого взрыва до черных дыр / пер. с англ. Н.Я. Смородиной. СПб., 2001.
2. Элиаде М. Священное и мирское. М., 1994.
3. Овидий. Fasti. Лондон, 2013. Книги III: A IV.
4. Хюбнер К. Истина мифа. М., 1996.
5. Мелетинский Е.М. Поэтика мифа. М., 1976.
6. Гуревич П.С. Мифология наших дней // Свободная мысль. 1992. С. 53–60.7.
7. Савельева И.М., Полетаев А.В. История и время. В поисках утраченного. М., 1997.
8. Клочков И.С. Восприятие времени в древней Месопотамии // Народы Азии и Африки. 1980. № 2. С. 91–102.
9. Аверинцев С.С. Порядок космоса и порядок истории в мировоззрении раннего средневековья // Античность и Византия / отв. ред. Л.А. Фрейберг. М., 1975. С. 266–321.
10. Телегин С.М. Философия мифа: Введение в метод мифореставрации. М., 1994.
11. Афанасьева В.В., Пилипенко Е.А. Онтология времени // Вестник ВолГУ. Сер. 7: Философия. Социология и социальные технологии. 2014. № 4. (24). С. 6–14 с.

M.V. Demidova

**Social Mobility in the Era
of Social Capitalism: Philosophy
and Means of Research**

The paper analyzes peculiarities of social dynamics based on the structural-functional approach. The original concept of symbolic capitalism is explained. Social stratification and new means of social mobility rotation within the given stratification contributing to social integration are identified.

Key words and word-combinations: symbolic capital, habit, institution, social mobility, information and communication technologies, social partnership.

На основе структурно-функционального подхода проанализирована специфика современной социальной динамики. Обоснован оригинальный концепт – символический капитализм. Выявлены социальная стратификация и новые социальные лифты ротации внутри данной стратификации, способствующие социальной интеграции.

Ключевые слова и словосочетания: символический капитал, габитус, социальный лифт, информационно-коммуникативные технологии, социальное партнёрство.

УДК [1:316]:167
ББК 87.6

М.В. Демидова

**СОЦИАЛЬНЫЕ ЛИФТЫ
ЭПОХИ
СИМВОЛИЧЕСКОГО
КАПИТАЛИЗМА:
ФИЛОСОФИЯ
И МЕТОДОЛОГИЯ
ИССЛЕДОВАНИЯ**

Современная социальная динамика обусловлена пространственно-временными изменениями, вызванными совершенствованием информационно-коммуникативных технологий, ускоряющих время и размывающих социальное пространство. С этих позиций очевидны реструктурирование и реорганизация общества и в национальном, и в глобальном масштабах. Прояснение сути динамики современных социальных процессов неотделимо от понимания механизмов их осуществления. В качестве одного из таких механизмов выступает социальный лифт, главная функция которого — социальная ротация, перемещение положения человека в структуре общества на том или ином этапе его развития.

Начальным этапом формирования глобального общества является общественное устройство, основанное на принципах функционирования символического капитала. Данный этап социального развития мы назвали символическим капитализмом, который, следуя формационному подходу К. Маркса [1], можно считать новой общественно-экономической формацией, так как он базируется на новом способе производства — символическом капитале как стратегии накопления доверия и социаль-

ного функционирования на его основе [2]. Автор понятия «символический капитал» современный французский философ и социолог П. Бурдьё в 1980 г. определил его как «капитал чести и престижа, который производит институт клиентелы, в той же мере, в какой сам производится ей» [3, с. 231]. Через десять лет американский исследователь Э. Тоффлер назвал «символическим капиталом» капитал информационный; в широком смысле — это знания, отождествляемые с богатством [4, с. 87–89].

Несомненно, сегодня в социально-экономических системах информационный труд преобладает над физическим. Но приоритет в данном взаимодействии принадлежит не количеству, а качеству информации, которая вызывает или не вызывает доверие как основу социального взаимодействия и производства. Поэтому трактовка понятия «символический капитал» в интерпретации П. Бурдьё в большей степени отражает современные социально-экономические реалии, так как фиксирует одну из основных стратегий развития общества в его различных аспектах. Чем большее доверие вызывают репутация и имидж субъектов социума как главные способы не только материального производства, но и производства услуг в целом, тем большими будут выгоды не только экономические, но и символические — политические, культурные и другие.

Продолжив развивать идеи П. Бурдьё и применив структурно-функциональный подход к исследованию современных социально-экономических систем, мы установили, что символический капитал имеет социально-эпистемологический статус [5], так как функционирует исходя из логики социального признания. Социально-экономические отношения выстраиваются по принципу «услуга — доверие — услуга». Единицей измерения символического капитала является «услуга как эквивалент доверия... Результатом функционирования данного капитала становится доверие, выраженное в последующих услугах» [6, с. 120, 123]. Преимуществом существования символического капитала считается его мобильность. Причина данного преимущества — информационная природа функционирования символического капитала. Из этого следует наше утверждение о том, что ликвидность символического капитала (то есть процесс преобразования услуги в доверие) базируется на его социальном контексте — символическом капитализме как общественном устройстве, осуществляемом на основе функционирования символического капитала. Стратификация такого общества состоит из двух базовых классов — символических капиталистов (уже имеющих символический капитал) и символических рабочих (начинающих его зарабатывать).

Социальные лифты эпохи символического капитализма, таким образом, осуществляют перемещение индивидов и социальных групп внутри данной символической стратификации, которая «по форме далека от традиционных линейных, вертикальных, горизонтальных, пирамидальных, спиралевидных и других построений. Она больше напоминает сеть или ризому. Поэтому внутри данной стратификации можно также выделить классовые “сетевые ответвления”. Это символическая элита, состоящая из: 1) символических олигархов, обладающих огромным кредитом доверия, 2) символических тиранов — тех, кто злоупотребляет своим символическим капиталом, 3) символических аристократов как знатной и привилегированной верхушки

общества. Также в данной стратификации можно выделить символическую массу, обладающую гораздо меньшим символическим капиталом. Она ведома, пассивна в плане зарабатывания символического капитала, обладает меньшей степенью ответственности за свои действия, в связи с чем не вызывает большого доверия. Особое место в данной стратификации занимает класс социальных симулякров, симулирующих свою социальную принадлежность к той или иной символической страте (как правило, капиталистической) с помощью имиджевых и PR-технологий» [2, с. 77].

В рамках данной стратификации социальные классы формируются по принципу приверженности индивидов тому или иному «стилю жизни» или «образу деятельности». Их переход из одного класса в другой осуществляется не только посредством вертикальной или горизонтальной мобильности, а преимущественно посредством сетевой социальной мобильности, обусловленной доступностью к средствам информационной коммуникации, как электронным, так и реальным. Сетевая социальная мобильность строится по принципу производства доверия как инструмента социальной интеграции. Именно поэтому только в современном обществе, благодаря интернет-технологиям, появилось и активно распространяется такое явление, как краудсорсинг — «использование ресурсов толпы» в целях осуществления информационного взаимодействия: «У Интернета есть качественно новые технологии, которые позволяют людям общаться, интерактивно обмениваться информацией и способствуют пробуждению гражданской активности» [7, с. 57]. Методика краудсорсинга способствует формированию нового сетевого социального пространства, в котором «возникла интерактивная система взаимопомощи, основанная на взаимном доверии пользователей сети» [8, с. 47]. Наряду с краудсорсингом формируются и другие виды электронных коммуникаций — социальные сети, интернет-сообщества, блоги, выступающие в качестве габитусного инструмента публичного общения. Здесь их эффективность определяется контентом, а также лайками (одобрением) пользователей сети.

Но данный способ социального взаимодействия доступен не всему социуму, а только адаптированным к нему индивидам. Это, в свою очередь, может быть причиной социального расслоения и тем самым свидетельствует о выделении нового для современного общества социального лифта, в качестве которого выступают информационно-коммуникативные технологии. Такой лифт является средством символического производства и реализации личного мнения индивида, подобным образом осуществляющего символическое социальное взаимодействие. В данном случае, например, электронная демократия и электронное правительство представляют собой институциональные технологии реализации социального обмена власти и индивидов, осуществляемые посредством информационно-коммуникативных технологий. В процессе и в результате реализации таких технологий властью она вызывает или не вызывает доверие у общества, а индивиды, используя указанные технологии, имеют возможность реализовать свои гражданские права и обязанности, демонстрируя тем самым активную гражданскую позицию и продвигаясь в социальном пространстве. Так становится возможной «коммуникативная модель демократии» [9].

Выявлять и классифицировать другие социальные лифты современности следует, на наш взгляд, исходя из способа функционирования общества с помощью символического капитала как стратегии социального взаимодействия, осуществляемой посредством накопления и применения кредита доверия. Вместе с тем общественное устройство «символический капитализм» — это, как отмечалось, начальный этап формирования глобального общества. Поэтому еще одно основание выявления и классификации современных социальных лифтов — это их возможность перемещаться одновременно и в национальном, и в глобальном социальных пространствах.

В связи с этим в качестве второго нового социального лифта общества эпохи символического капитализма выступает социальное партнерство, обеспечивающее социальную мобильность посредством гражданского правосознания как регулирующего механизма общественных отношений, актуализирующего социальную ответственность индивидов. Согласно П. Бурдьё, социум структурирован посредством практик, основной стратегией которых является символический капитал. «В основе социальной структуры лежат два уровня социальных взаимодействий — институция и габитус. Габитус происходит из повседневного жизненного опыта людей, регулируется нерелексивными нормами — обычаями, традициями. Институция второстепенна по отношению к габитусу, так как представляет собой делегированную форму габитуса» [10]. «Ее основная функция состоит в организации социума посредством релексивных регуляторов, то есть посредством правовой системы в качестве легитимной, что подтверждается принятием властных решений не своевольно, а делегатом, представляющим интересы габитуса» [11].

Из этого следует, что институционализация есть легитимный способ организации габитуса, выступающий в качестве формы гражданского правосознания. В гражданском обществе это возможно, поскольку юридический закон есть конвенция, которая, прежде чем быть принятой, требует обсуждения и одобрения официальных представителей габитуса. «Легитимация гражданских инициатив представляет собой механизм выявления зародившихся в социуме объективно-правовых интересов и наделение их актуальным статусом. При этом актуальный статус — это критерий, согласно которому определенная гражданская инициатива обладает необходимыми условиями для ее оформления в качестве законодательной инициативы, то есть перерастает в правовой интерес, представляющий собой осознанную личностью необходимость в использовании правовых средств удовлетворения потребностей, имеющих существенное значение в процессе осуществления правомерных действий» [12, с. 65]. Следование институциональным нормам означает соблюдение официальных (формальных) социальных норм, основанное на осознании социальной ответственности индивидов, что вызывает социальное доверие и способствует интеграции. Осуществление социального партнерства возможно на основе взаимного доверия его участников, институционально обеспечиваемого посредством гражданского правосознания индивидов.

Профессор Г.А. Тульчинский называет социальное партнерство приоритетным фактором в процессе становления полноценного гражданского

общества, которое по сути есть самоорганизующееся общество: «Главное в гражданском обществе — это свободные и ответственные граждане, которые его составляют» [13, с. 33].

Возможно ли в связи с этим глобальное гражданское общество? Это очень сложный вопрос, так как право не универсально. Правовые системы отдельных государств — результат длительной культурной эволюции конкретного общества, поэтому сегодня можно говорить только о начале глобального диалога, в качестве основной стратегии которого выступает символический капитал. В таком диалоге социальное взаимодействие обусловлено «этикой ответственности» [14, с. 57]. Современное международное право далеко не абсолютно и требует основательного совершенствования. Именно социальное партнерство как свободные и одновременно ответственные отношения власти и граждан, власти и бизнеса, бизнеса и граждан и другие посредством правосознания партнеров выступает в качестве основного социального лифта, обеспечивающего социальную мобильность и в национальном, и в глобальном масштабах.

Таким образом, выявленные нами два новых социальных лифта — *информационно-коммуникативные технологии* и *социальное партнерство* — способствуют социальной мобильности посредством символического капитала как стратегии социального взаимодействия, осуществляемой путем накопления и применения кредита доверия.

Сегодня, в ситуации глобального социального взаимодействия, стратегия символического капитала выступает в качестве основной, так как способствует адаптивности членов социума к изменяющимся условиям. Успех адаптированности индивидов зависит от степени интегрирования в систему социальных отношений. Интенсификация данного интегрирования обеспечивается, наряду с традиционными социальными лифтами (армия, церковь, образование, семья, собственность), также и выявленными в процессе проведенного исследования новыми социальными лифтами, выступающими в качестве механизмов распределения по классам в социальной стратификации эпохи символического капитализма.

Библиографический список

1. Маркс К. К критике политической экономии // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. 13. С. 1–167.
2. Демидова М.В. Социальная стратификация в условиях символического капитализма: философский подход // Известия Томского политехнического университета. Сер.: Социально-гуманитарные технологии. 2014. Т. 325, № 6. С. 75–80.
3. Бурдье П. Практический смысл. СПб., 2001.
4. Гоффлер Э. Метаморфозы власти: Знание, богатство и сила на пороге XXI века. М., 2003.
5. Демидова М.В. Модели управления символическим капиталом // Вестник Поволжской академии государственной службы. 2015. № 1 (46). С. 91–98.
6. Демидова М.В. Единицы измерения и ликвидность символического капитала: социально-философский подход // Вестник Поволжской академии государственной службы. 2014. № 2 (41). С. 117–124.
7. Акаев Д.В. Использование краудсорсинговых интернет-проектов в социально-политических процессах // Вестник Поволжской академии государственной службы. 2013. № 4 (37). С. 56–60.

8. Акаев Д.В. Социально-политическая активность участников интернет-сообществ // Среднерусский вестник общественных наук. 2014. № 4. С. 45–48.
9. Тетюев Л.И. Идея коммуникативного разума в социальной философии Юргена Хабермаса // Поволжский торгово-экономический журнал. 2010. № 3. С. 70–76.
10. Бурдые П. Социология социального пространства. М., 2007.
11. Демидова М.В. Методология постнеклассической науки: проект рекурсивной парадигмы социального знания // Гуманитарные научные исследования. 2015. № 8. С. 20–23.
12. Земченков Н.Ф., Костенко М.А. Проблема легитимации гражданских инициатив в условиях устойчивого развития правовой системы // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение: вопросы теории и практики. Тамбов, 2013. № 2 (28), ч. 1. С. 63–66.
13. Тульчинский Г.Л. От общества недоверия – к социальному партнерству (школа в системе социального партнерства) // Инновационное развитие профессионального образования. Челябинск, 2014. № 1 (05). С. 32–36.
14. Орлов М.О. Этика дискурса как основа стратегий социализации в глобализирующемся мире // Известия Саратовского университета. Новая серия: Философия. Психология. Педагогика. 2012. Т. 12, № 2. С. 55–59.

Z.V. Fomina

**A Man of the Epoch
of Historical Disasters**

As exemplified by the novel “Doctor Zhivago” by Boris Pasternak, the transformations of a man’s spiritual world in conditions of World War I, revolution and civil war in Russia are traced. The idea of reverence for life is accentuated and the thought of individual inner world integrity maintenance as a condition for true existence is explicated.

Key words and word-combinations: lifepurpose reflection, transitivity experience, apologia of life, inner world, creativity.

На материале романа Б.Л. Пастернака «Доктор Живаго» прослеживаются трансформации духовного мира человека в условиях Первой мировой войны, революции и Гражданской войны в России. Акцентируется идея благоговения перед жизнью, развивается мысль о сохранении целостности внутреннего мира личности как условию подлинного бытия.

Ключевые слова и словосочетания: смысловознательная рефлексия, опыт переходности, апология жизни, внутренний мир, творчество.

УДК 316.75:32
ББК 66.05

З.В. Фомина

**ЧЕЛОВЕК ЭПОХИ
ИСТОРИЧЕСКИХ
КАТАСТРОФ**

Драматизм человеческого существования, изначально присущий всякому жизненному пути, наиболее остро проявляется в переходные эпохи. Черты переходности, катастрофичности характерны и для социально-исторической ситуации последних десятилетий, что с неизбежностью порождает особый накал и напряженность смысловознательной рефлексии современного человека. Значительное место в пространстве отмеченных экзистенциальных вопрошаний принадлежит литературе. Поразительно то сходство, которое обнаруживается при сопоставлении двух, разделенных столетием,

исторических ситуаций — первых десятилетий XX и XXI вв. Для обеих характерны острое ощущение надвигающейся мировой войны и социальные потрясения, граничащие с революцией. В такие периоды наиболее полно раскрывается подлинная сущность человека — его глубинные смысложизненные ориентации, его фундаментальные ценности. С этой точки зрения поистине бесценен опыт осмысления драматических перипетий жизненного мира личности, который дает литература.

В качестве объекта анализа избран роман, события в котором разворачиваются на фоне важнейших социальных потрясений первой четверти XX в. — Первой мировой войны, революции и Гражданской войны в России, — роман Бориса Пастернака «Доктор Живаго». Предметом внимания выступает эволюция внутреннего мира главного героя Юрия Живаго.

Социальные катастрофы не возникают сами по себе: помимо объективных предпосылок они есть результат сознательных усилий, целенаправленной деятельности наиболее активных элементов общества — тех, кого Н. Гумилев назвал «пассионариями». При этом каковы бы ни были масштабы исторических событий, основной массе населения принадлежит в них роль пассивных участников. Однако это пассивность особого рода — отличная от обычного толкования этого свойства как «безучастности, бездеятельности, вялости», ибо именно на плечи простых обывателей ложится наиболее тяжелая в человеческом отношении ноша — *пере-жизить* ломку всех жизненных устоев. Вырванные из привычной жизни, погруженные, чаще всего против своей воли, в катастрофическую ситуацию, они, помимо необходимости выжить, адаптироваться к новым реалиям жизни, оказываются в ситуации экзистенциальной — стоящими перед выбором пути, выбором себя. «Революция вырвалась против воли, как слишком долго задержанный вздох, — говорит Живаго. — Каждый ожил, переродился, у всех превращения, перевороты. Можно было бы сказать: с каждым случилось по две революции, одна своя, личная, а другая общая» [1, с. 196].

Хорошо известно настроение восторженности, которое сопровождало ожидание революции представителями разных слоев российской интеллигенции, мыслившей грядущие перемены как очищающий пожар, зарю новой, более совершенной жизни. Открывшаяся в первые после переворота годы свобода как будто подтверждала эти ожидания. «Вы подумайте, какое сейчас время! И мы с вами живем в эти дни! — восклицает Юрий Живаго в разговоре с Ларой. — Ведь только раз в вечность случается такая небывальщина. Подумайте: со всей России сорвало крышу, и мы со всем народом очутились под открытым небом. И некому за нами подглядывать. Свобода! Настоящая, не на словах и в требованиях, а с неба свалившаяся, сверх ожидания. Свобода по нечаянности, по недоразумению. И как все растерянно-огромны! Вы заметили? Как будто каждый подавлен самим собою, своим открывшимся богатырством» [1, с. 196]. В этом пока еще не вполне определившемся восторженном рассуждении обращает на себя внимание уже присутствующее понимание тяжести ответственности, сопутствующей свободе.

Дальнейшее развитие событий, погружение в реальный процесс осуществления этой свободы, разворачивания революционной стихии не только корректирует прежние, идеализированные ожидания, но и формирует новый жизненный опыт. «Таким новым была война, ее кровь и ужасы, ее бездомность и одичание. Таким новым были ее испытания и житейская мудрость, которой война учила. Таким новым были захолустные города, куда война заносила, и люди, с которыми она сталкивала. Таким новым была революция, не по-университетски идеализированная под девятьсот пятый год, а эта, нынешняя, из войны родившаяся, кровавая, ни с чем не считающаяся солдатская революция, направляемая знатоками этой стихии, большевиками» [1, с. 212].

Осмысливая эти перемены, Живаго, пребывающий все еще в горизонте своих прежних жизненных установок, пытается пересилить внешнюю ситуацию: удержать собственный мир, сохранить самоидентичность. «Три года перемен, неизвестности, переходов, война, революция, потрясения, обстрелы, сцены гибели, сцены смерти, взорванные мосты, разрушения, пожары — все это вдруг превратилось в огромное пустое место, лишенное содержания. Первым истинным событием после долгого перерыва было это головокружительное приближение в поезде к дому, который цел и есть еще на свете и где дорог каждый камушек. Вот что было жизнью, вот что было переживанием, вот за чем гонялись искатели приключений, вот что имело в виду искусство — приезда к родным, возвращение к себе, возобновление существования» [1, с. 216]. Однако уже вскоре он осознает невозможность возвращения к старым устоям: «В течение нескольких следующих дней обнаружилось, до какой степени он одинок. Он никого в этом не винил. Видно, сам он хотел этого и добился. <...> Странно потускнели и обесцветились друзья. Ни у кого не осталось своего мира, своего мнения. Они были гораздо ярче в его воспоминаниях» [1, с. 226].

Этот момент имеет особое значение для характеристики внутреннего мира Юрия Живаго, поскольку здесь отчетливо вскрываются признаки экзистенциальной ситуации — ситуации выбора себя. Что означает это осознание своего одиночества? Каковы будут его следствия? Потеря привычного, родного мира, «обесцвечивание» друзей легко может привести к позиции гордого одиночного противостояния новому чуждому миру. Но и в этом проявляется подлинная — христианская — сущность его личности, духовная эволюция Живаго идет в ином направлении. Он чувствует невозможность отделить себя от других, от своей страны, своего народа:

«Всего же грустнее было, что вечеринка их представляла отступление от условий времени. Нельзя было предположить, чтобы в домах напротив по переулку так же пили и закусывали в те же часы. За окном лежала немая, темная и голодная Москва. Лавки ее были пусты, а о таких вещах, как дичь и водка, и думать позабыли.

И вот оказалось, что только жизнь, похожая на жизнь окружающих и среди нее бесследно тонущая, есть жизнь настоящая, что счастье обособленное не есть счастье, так что утка и спирт, которые кажутся единственными в городе, даже совсем не спирт и не утка. Это огорчало больше всего» [1, с. 227].

Сознательный выбор общей судьбы, причастности своему народу продекларирован им и в напряженном разговоре с коллегой, отказывающимся служить в больнице при новой власти: «Служу, — говорю, — и прошу не прогневаться: нашими лишениями я горжусь, и людей, которые делают нам честь, подвергая нас этим лишениям, уважаю» [1, с. 250]. Таков первый — стоический — выбор Живаго, принявшего судьбу своего народа и готового разделить все ее тяготы.

Обращает на себя внимание интуитивно мудрая умеренность жизненной позиции доктора. В ней нет экстремистской направленности и пафоса героя, нет желания выделиться, нет презрения к «толпе». В романе Б. Пастернака отчетливо показано, что прямолинейно, безоглядно служащие идее герои погибают — будь то красный командир Стрельников или неопытные мальчишки-добровольцы в рядах белой армии. Вот рассуждения автора о поведении молодых белогвардейцев во время боя с партизанами: «Служение долгу, как они его понимали, одушевляло их восторженным молодечеством, ненужным, вызывающим. Они шли рассыпным редким строем, выпрямившись во весь рост, превосходя выправкой кадровых гвардейцев и, бравирюя опасностью, не прибегали к перебежке и залеганию на поле, хотя на поляне были неровности, бугорки и кочки, за которыми можно было укрыться. Пули партизан почти поголовно выкашивали их» [1, с. 395].

Живаго, от души сочувствующий погибающим, тем не менее далек от подобного героизма. Он целиком принадлежит срединному пути — пути, завещанному Сократом и Конфуцием, пути, указанному Христом. Именно это удерживает его от активной социальной деятельности в последующий, мирный послевоенный период. Для него неприемлема симуляция величия свершаемых перемен. Он занят поисками смысла человеческого существования и в этой напряженной рефлексии утверждает в своей приверженности и симпатии к обычному рядовому человеку, своей повседневной, будничной жизнью поддерживающему и воспроизводящему традиционные основы бытия. «Что же мешает мне служить, лечить и писать? — размышляет Юрий Андреевич. — Я думаю, не лишения и скитания, не неустойчивость и частые перемены, а господствующий в наши дни дух трескучей фразы, получивший такое распространение, — вот это самое: заря грядущего, построение нового мира, светочи человечества. А на деле оно именно и высокопарно по недостатку дарования. Сказочно только рядовое, когда его коснется рука гения. Лучший урок в этом отношении Пушкин. Какое славословие честному труду, долгу, обычаям повседневности! Теперь у нас стало звучать укорительно мещанин, обыватель» [1, с. 344]. Попутно заметим, что Живаго демонстрирует способность вынести, пережить, пересилить жизненные и исторические невзгоды собственными внутренними силами, не допуская упадничества и отчаяния, не прибегая к вспомогательным средствам, вроде алкоголя и наркотиков, как, например, партизанский начальник Ливерий, грешивший нюханьем кокаина.

Апология жизни — фундаментальная, глубинная идея романа, формирующаяся в ходе его развертывания и результирующая трагический опыт переходности, стояния между жизнью и смертью — экзистенциальный опыт обрете-

ния подлинного бытия. Не случайно и фамилия героя — Живаго — содержит в себе указание на жизнь, имеет единый с жизнью корень. Более того, многие исследователи считают, что автор предпочитает имя, соотносящееся с образом Иисуса Христа — «сына Бога Живаго» [2]. Принятие жизни самой по себе, независимо от ее характера и содержания, постулируется Пастернаком как выражение человеческой мудрости, ориентированной на сохранение жизни как важнейшего дара, требующего трепетного отношения. Осмысливая практику первых полереволюционных лет в России, Живаго размышляет: «За это время пора было прийти к чему-нибудь. А выяснилось, что для вдохновителей революции суматоха перемен и перестановок — единственная родная стихия, что их хлебом не корми, а подай им что-нибудь в масштабе земного шара. Построения миров, переходные периоды — это их самоцель. <...> Человек рождается жить, а не готовиться к жизни. И сама жизнь, явление жизни, дар жизни так захватывающе нешуточны!» [1, с. 358].

Настоящим гимном жизни звучит размышление Юрия Андреевича о Ларе, отождествляемой им с самой жизнью:

«Вот весенний вечер на дворе. Воздух весь размечен звуками. Голоса играющих детей разбросаны в местах разной дальности, как бы в знак того, что пространство все насквозь живое. И эта даль — Россия, его несравненная, за морями на шумевшая, знаменитая родительница, мученица, упрямец, сумасбродка, шалая, боготворимая, с вечно величественными и гибельными выходками, которых никогда нельзя предвидеть! О как сладко существовать! Как сладко жить на свете и любить жизнь! О как всегда тянет сказать спасибо самой жизни, самому существованию, сказать это им самим в лицо!

Вот это-то и есть Лара» [1, с. 457].

Такое отождествление не случайно для Пастернака. Как отмечает исследователь И.А. Птицын, «Лариса Антипова, Тоня Громеко, Марина Шапова, Сима Тунцева — все эти женщины становятся в романе Пастернака... носительницами черт их великого прообраза — Богоматери, о чем в “концентрированном виде”... сказано в стихотворении “Рождественская звезда”» [3].

В разговоре с Ливерием Аверкиевичем Живаго признается, что впадает в отчаяние всякий раз, когда я слышит о переделке жизни: «Переделка жизни! Так могут рассуждать люди, хотя, может быть, и выдавшие виды, но ни разу не узнавшие жизни, не почувствовавшие ее духа, души ее. Для них существование — это комок грубого, не облагороженного их прикосновением материала, нуждающегося в их обработке. А материалом, веществом, жизнь никогда не бывает. Она сама, если хотите знать, непрерывно себя обновляющее, вечно себя перерабатывающее начало, она сама вечно себя переделывает и претворяет, она сама куда выше наших с вами тупоумных теорий [1, с. 401].

Отмеченное приятие жизни не является в данном случае признаком пассивности, беспринципного конформизма. Напротив, оно предполагает наличие устойчивых внутренних оснований, обеспечивающих способность вынести все ее испытания. Именно это — формирование и укрепление собственного внутреннего мира — представлено в романе Пастернака в качестве предпосылки, определяющей жизненную позицию Живаго, ее содержание и направлен-

ность. Автор специально акцентирует этот процесс, сравнивая самоощущения десятилетнего Юры на похоронах матери и уже зрелого, двадцатидвухлетнего Юрия на похоронах Анны Ивановны:

«Он до сих пор помнил, как он безутешно плакал, пораженный горем и ужасом. Тогда главное было не в нем (курсив наш. — З.Ф.). Тогда он едва ли даже соображал, что есть какой-то он, Юра, имеющийся в отдельности и представляющий интерес или цену. Тогда главное было в том, что стояло кругом, в наружном. <...> Совсем другое дело было теперь. Все эти двенадцать лет школы, средней и высшей, Юра занимался древностью и Законом Божиим, преданиями и поэтами, науками о прошлом и о природе, как семейною хроникой родного дома, как своею родословною.

Сейчас он ничего не боялся, ни жизни, ни смерти, все на свете, все вещи были словами его словаря. Он чувствовал себя стоящим на равной ноге со вселенною...» [1, с. 134–135].

Однако это ощущение прочности, равновесия должно было подвергнуться испытанию.

Вызванное войной и революцией потрясение, разрушение традиционных основ жизни вновь побуждает Живаго сосредоточиться на своей внутренней жизни, практически пренебрегая жизнью внешней — в этом объяснение его бытовой деградации. Последняя предстает как невозможность включиться в новую социальную жизнь, чуждую ему по самой сущности, — именно потому, что ему удалось сохранить целостность своего внутреннего мира (в отличие от друзей его юности Гордона и Дудорова, эволюционировавших в соответствии с новыми условиями и утратившими свое лицо). Оставив свою последнюю семью, он сообщил им, что «в целях скорейшей и полной переделки своей судьбы хочет побыть некоторое время в одиночестве, чтобы в сосредоточенности заняться делами, когда же хоть сколько-нибудь укрепитесь на новом поприще и убедитесь, что после совершившегося перелома возврата к старому не будет, выйдет из своего тайного убежища и вернется к Марине и детям» [1, с. 557]. Но «укрепиться на новом поприще» не получается — это противоречило бы всем жизненным устоям Юрия Андреевича. Напротив, потребность выразить, излить на бумаге и тем самым сохранить свое понимание жизни, ее глубинный сакральный смысл становится единственной целью его жизни в этот последний период.

«Жилая комната доктора была пиршественным залом духа, чуланом безумств, кладовой откровений» — так описывает Пастернак одинокое, почти лишенное признаков материального, бытового существования и полностью поглощенное творчеством пребывание Живаго в его последнем пристанище — комнате в Камергерском переулке [1, с. 559]. Стихи — выражение его подлинной, внутренней жизни, его подлинного Я. Рождение их естественно и почти произвольно. Стремление работать, жажда творчества, потребность высказать свое внутреннее, глубинное сопровождает Живаго на протяжении всей жизни как главная, важнейшая интенция его жизни. Не случайно во время болезни, в состоянии тифозного бреда, когда внешние содержания и ограничения утрачивают свою силу и в горизонте сознания

остаётся и доминирует только сущностное, фундаментальное, он полностью погружается в работу:

«Можно работать. И вот он пишет.

Он пишет с жаром и необыкновенной удачей то, что он всегда хотел и должен был давно написать, но никогда не мог, а вот теперь оно выходит» [1, с. 361].

Знаменательно, что творчество увязывается Пастернаком с образом смерти (выступающей в бредовом сознании Юрия Андреевича в облике его сводного брата Евграфа). «Совершенно ясно, что мальчик этот — дух его смерти или, скажем просто, его смерть» [1, с. 361]. Писатель отчетливо формулирует здесь экзистенциальную проблему: «Но как же может он быть его смертью, когда он помогает ему писать поэму, разве может быть польза от смерти, разве может быть в помощь смерть?» [1, с. 361]. Речь, несомненно, идет о величайшем событии в жизни личности, своеобразной инициации — о переходе от неподлинного к подлинному бытию. Смерть означает здесь не что иное, как отказ, освобождение от рабства внешнему, утилитарному, меркантильному и — обретение «самости», внутренней свободы, подлинного Я. Это «Я» заключается и обнаруживается в его творчестве, которое выступает как выражение опыта «перехода». Не случайно в состоянии бреда он «пишет поэму не о воскресении и не о положении во гроб, а о днях, протекших между тем и другим. Он пишет поэму «Смятение» [1, с. 261]. Однако, несомненно, явление смерти в позитивной ипостаси есть также и проявление во сне глубинной христианской направленности Живаго: «Христос освобождает людей от вечной власти смерти». На христианскую символику романа Б. Пастернака указывают многие авторы [3; 4].

В этом свете семантика бытовой деградации и смерти Живаго значительно снижается, ибо подлинным итогом его жизни являются стихи, поэтическое приложение, в котором символически выражено его внутреннее видение описанных событий, вся совокупность экзистенциального опыта человека переходной эпохи. «Сейчас, как никогда, ему было ясно, что искусство всегда, не переставая, занято двумя вещами. Оно неотступно размышляет о смерти и неотступно творит этим жизнь. Большое, истинное искусство, то, которое называется Откровением Иоанна, и то, которое его дописывает» [1, с. 138].

Библиографический список

1. Пастернак Б. Доктор Живаго // Собрание сочинений: в 2 т. СПб., 2010. Т. 2.
2. Коровина Е. Семантика имени в романе «Доктор Живаго». URL: <http://letopisi.org/index.php>
3. Птицын И.А. Христианская символика в романе Б. Пастернака «Доктор Живаго»: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Череповец, 2000. URL: <http://cheloveknauka.com/hristianskaya-simvolika-v-romane-b-pasternaka-doktor-zhivago>
4. Камельянова Ф.Ф. Вечные идеи и ценности в романах Ф.М. Достоевского «Идиот» и Б.Л. Пастернака «Доктор Живаго». URL: <http://psibook.com/literatura/vechnye-idei-i-tsennosti-v-romanah-f-m-dostoevskogo-idiot-i-b-l-pasternaka-doktor-zhivago-opyt-sopostavitelnogo-izucheniya.html> дата обращения 10.11.15

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПОЛИТИКА И УПРАВЛЕНИЕ В РОССИИ: ВЗГЛЯД МОЛОДЫХ УЧЕНЫХ

V.A. Kholodov

**The State and Civil Society
in the Concept of the Russian
Liberalism (Second Half of XIX –
Early XX Century)**

The analysis of theoretical provisions concerning interrelation of the state and civil society in the Russian liberal thought of the second half of XIX – the beginning of the XX century is carried out. The focus is on the position of the Russian liberal thought regarding the moral problems of interaction of the state and institutes of civil society. The short review of modern understanding of the category “civil society” is submitted.

Key words and word-combinations: state, civil society, liberalism, Russia.

Проводится анализ теоретических положений взаимосвязи государства и гражданского общества в русской либеральной мысли второй половины XIX – начала XX в. Акцентируется внимание на позиции русской либеральной мысли относительно нравственных проблем взаимодействия государства и институтов гражданского общества. Представлен краткий обзор современного понимания категории «гражданское общество».

Ключевые слова и словосочетания: государство, гражданское общество, либерализм, Россия.

УДК [1:316]:94(47)
ББК 60.027+63.3(2)

В.А. Холодов

ГОСУДАРСТВО И ГРАЖДАНСКОЕ ОБЩЕСТВО В КОНЦЕПЦИЯХ РУССКОГО ЛИБЕРАЛИЗМА (вторая половина XIX – начало XX века)

В современном Российском государстве, находящемся в обстановке усиливающегося внешнего давления, сохраняется острая необходимость «не оставить без внимания» ключевые внутренние задачи [1]. К числу таких задач, безусловно, можно отнести перманентное совершенствование механизмов функционирования и взаимодействия как гражданского общества и государства в целом, так и отдельных составных частей государственного аппарата, в частности правоохранительных органов. Кроме того, девальвация морально-нравственных ценностей российского общества, обусловленная приобщением к так называемым «западным ценностям», обнажила нравственно-правовые проблемы взаимодействия государства и его структурных элементов с институтами гражданского общества.

Сегодня, как никогда, очевидна необходимость поиска исторической основы

«русской модели» взаимодействия государства и гражданского общества, максимально приближенной к психолого-ментальным свойствам российского народонаселения. В связи с этим обращение внимания на данную проблематику в контексте идей русской либеральной мысли второй половины XIX — начала XX в. представляется весьма целесообразным и значимым.

До исторического рубежа формирования современной российской государственности, базирующейся на положении о том, что «Россия есть демократическое федеративное правовое государство с республиканской формой правления» [2, ч. 1 ст. 1], Россия редко ассоциировалась с понятием «либерализм» [3, с. 9]. Однако во второй половине XIX — начале XX в. в императорской России формируется целая плеяда либеральных мыслителей, затрагивающих проблематику взаимодействия государства и гражданского общества. Современное прочтение идей данных мыслителей позволяет по-новому взглянуть как на ход русской интеллектуальной традиции, так и на нравственно-правовые проблемы взаимодействия государства и гражданского общества, актуальные для России XXI в.

Поднятая еще Г.В.Ф. Гегелем проблема соотношения личности, общества и государства стала одним из ключевых вопросов в либеральном направлении русской мысли второй половины XIX — начала XX в. Сквозь призму данной проблематики выстраиваются все основные концептуальные положения русского либерализма обозначенного периода. Собственно гегелевские представления о соотношении личности, общества и государства, в свою очередь, находились под влиянием предшествующих концепций. Как отмечает В.С. Нерсисянц, «на гегелевские представления о первичности государства по отношению к личности и обществу и о характере их соотношения решающее влияние оказали идея Платона о субстанциональном характере нравственного целого полиса и положение Аристотеля о том, что государство предшествует индивиду, как целое — части, и что государство в качестве совершенной формы общения есть по природе объекта первое по сравнению с семьей и селением» [4, с. 47].

В продолжение затронутой Гегелем тематики русская либеральная мысль второй половины XIX — начала XX в. также касается прежде всего вопросов соотношения личности, общества и государства. В частности, Борис Николаевич Чичерин рассматривает понятие личности и ее взаимоотношения с обществом, философски трактует право и нравственность, развивает идею внутренней и внешней свободы, исследуя общественную свободу и общественные союзы. Так, он объясняет сущность человеческих обществ: «Человеческие общества суть не учреждения, а союзы лиц. Если между этими лицами устанавливается живая связь, если вырабатываются общие интересы и учреждения, то все это совершается не иначе, как путем взаимодействия самостоятельных единиц, одаренных каждая собственным сознанием и собственной волей... Не лица существуют для учреждений, а учреждения для лиц» [5, с. 225].

Рассуждая над проблемами соотношения частных и государственных интересов, Б.Н. Чичерин дает определение самому понятию «гражданское общество». В его трактовке гражданское общество — это «совокупность частных

отношений между лицами, управляемых гражданским или частным правом» [5, с. 257]. Б.Н. Чичерин настаивает на том, что кроме отдельных лиц в обозначенную «совокупность» входят и разнообразные частные союзы. Кроме того, подчеркивается постоянное взаимодействие общества и государства, их взаимовлияние.

Рассуждает Б.Н. Чичерин и о роли правоохранительных органов в государстве при их взаимодействии с институтами гражданского общества. По этому вопросу его мнение сводится к следующему: «В правительственной власти являются элементы двоякого рода: правительственный и общественный. В войске, призванном охранять безопасность государства как целого, первый господствует исключительно; тут никакое выборное начало не допускается. Однако, для охранения внутреннего порядка, рядом с войском может быть учреждена и милиция, основанная на выборном начале. Насколько она может быть полезна или вредна — это вопрос практических соображений» [5, с. 322].

Заостряя вопрос о соотношении нравственности и законности при взаимодействии государства и гражданского общества, Б.Н. Чичерин настаивает на том, что именно в законах должна выражаться нравственная сторона деятельности государства. «Государство, — пишет Б.Н. Чичерин, — настолько носит в себе сознание нравственных начал, насколько оно управляется законом и настолько уклоняется от нравственных требований, насколько в нем предоставляется простора произволу» [5, с. 307].

Развивая идею Б.Н. Чичерина о нравственной стороне деятельности государства, другой знаменитый представитель русского либерализма второй половины XIX — начала XX в. Богдан Александрович Кистяковский утверждал о необходимости определенной ограниченности власти в правовом государстве. Таковы его рассуждения на данный счет: «В правовом государстве власти положены известные пределы, которых она не должна и правовым образом не может переступить. Ограниченность власти в правовом государстве создается признанием за личностью неотъемлемых, ненарушимых и неприкосновенных прав... Среди этих неотъемлемых, непосредственно присущих человеку прав на первом месте стоит свобода совести. Вся сфера мнений, убеждений и верований должна быть безусловно неприкосновенна для государства» [6, с. 525].

Затрагивает Б.А. Кистяковский и нравственно-правовые проблемы взаимодействия государства в лице органов государственной власти и граждан. Ключевое значение для действенного «противостояния» органам государственной власти он считает наличие широкого спектра публичных прав. Суждение Б.А. Кистяковского на этот счет выглядит следующим образом: «Органы государственной власти бывают действительно связаны законом только тогда, когда им противостоят граждане, наделенные субъективными публичными правами. Только имея дело с управомоченными лицами, могущими предъявлять правовые притязания к самому государству, государственная власть оказывается вынужденной неизменно соблюдать законы» [6, с. 527].

Указывает Б.А. Кистяковский и на непрременный атрибут функционирования гражданского общества и правового государства. В качестве такового он видит народное представительство и утверждает, что «без активного отношения к правовому порядку и к государственным интересам, исходящего из недр самого народа, правовое государство немислимо» [6, с. 533].

Размышления над проблемой взаимодействия личности, общества и государства направляли русскую либеральную мысль второй половины XIX — начала XX в. на выявление нравственной основы общества. В данном отношении заслуживают отдельного внимания положения либеральной концепции значимого представителя русского либерализма обозначенного периода — Павла Ивановича Новгородцева.

П.И. Новгородцев, определяя высшие ценности для взаимодействия общества и государства, утверждает следующее: «Но высшей нормой, которая должна быть принята при этом во внимание, может быть только то начало, которое является нравственной основой общественности. Таковой основой служит принцип личности, и те требования, которые выводились ранее из идеи народного суверенитета, на самом деле должны быть выведены из этой основной нормы общественных отношений. Так, если теория народного суверенитета требует признания зависимости власти от народа, то это требование в представлении о народе как о союзе свободных и равноправных лиц, как о нравственном единстве. Если теория народного суверенитета требует далее устранения привилегий и неравенств, то и это опять-таки находит свое последнее обоснование в виде равенства граждан как лиц» [7, с. 240].

Анализируя концептуальные положения русского либерализма второй половины XIX — начала XX в. в контексте современных представлений о гражданском обществе, можно найти немало общих точек соприкосновения. В частности, современные авторы, вторя русской либеральной мысли обозначенного периода, настаивают на активном взаимодействии гражданского общества и государства. Уместно привести следующее определение гражданского общества: «Гражданское общество представляется нам в виде явления, наличие самоуправляемости которого является одной из основных его характеристик. Оно существует не вопреки, а благодаря государству, и в созданных для него условиях, в первую очередь нормативных, взаимодействует с государственными органами, реализуя функции, осуществление которых затруднительно либо невозможно для государства» [8, с. 82].

Некоторые современные авторы определяют гражданское общество как «совокупность исторически обусловленных социальных институтов, в которых закреплены нормы и правила организации совместной деятельности людей, с целью достижения общих для большинства граждан интересов» [9, с. 44]. Данным положением подчеркивается прямая историческая обусловленность основных институтов гражданского общества, что напрямую взаимосвязано с идеями русского либерализма второй половины XIX — начала XX в.

В исследованиях современного периода заостряются некоторые проблемные стороны, возникающие при формировании сбалансированной модели взаимодействия государства и гражданского общества. Например, подни-

маются проблемы гражданской самоидентификации общества [10], уровня партнерских отношений государства, гражданского общества и бизнеса [11], отношений между гражданским обществом и государством в переходных условиях [12] и ряд других.

Отдельное внимание, безусловно, уделяется современными авторами проблеме взаимодействия правоохранительных органов и гражданского общества. В данном контексте, в частности, обосновывается позиция о необходимости усиления педагогического компонента в подготовке сотрудников правоохранительных структур в целях повышения эффективности их взаимодействия с институтами гражданского общества [13].

Подводя итог анализу нравственно-правовых проблем взаимодействия государства и гражданского общества в контексте русской либеральной мысли второй половины XIX — начала XX в. и их современному прочтению, можно обратиться к пророческим словам А.Д. Градовского: «Две идеи поставлены в настоящее время друг против друга: идея индивидуальности и идея ответственности. Это противоположение не ново; мы встречаем его на разных ступенях европейской истории и в разные ее эпохи, только под разными названиями» [14, с. 54]. Думается, что лишь взвешенный баланс интересов частного и общественного может способствовать слаженному взаимодействию государства, в частности в лице правоохранительных органов и гражданского общества.

Библиографический список

1. Селютина Е.Н., Холодов В.А. Проблемы модернизации российского государства и Великие реформы Александра II: современный взгляд // Вестник государственного и муниципального управления. 2014. № 4(15). С. 121–128.
2. Конституция Российской Федерации: по сост. на 2014 г.; с коммент. юристов. М., 2014.
3. Валицкий А. Философия права русского либерализма. М., 2012.
4. Нерсесянц В.С. Гегель. М., 1979.
5. Чичерин Б.Н. Философия права. М., 2011.
6. Кистяковский Б.А. Избранное: в 2 ч. М., 2010. Ч. 1.
7. Новгородцев П.И. Избранные труды. М., 2010.
8. Усватов И.С. К вопросу о структуре гражданского общества: определение понятия института гражданского общества // Пробелы в российском законодательстве. 2009. № 4.
9. Скоробогатов В.В. Институты гражданского общества: основные теоретические подходы к исследованию в контексте взаимодействия гражданского общества и государства // Актуальные вопросы современной науки. 2010. №15.
10. Денисов В.М. Гражданское общество как механизм гражданской самоидентификации общества // Менеджмент в России и за рубежом. 2012. № 1. С. 56–63.
11. Ильин В.А. На трудном пути к сильному гражданскому обществу // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2012. № 6. С. 9–29.
12. Деметрадзе М.Р. Проблемы отношений между гражданским обществом и государством в переходных условиях // Юриспруденция. 2008. № 11. С. 43–58.
13. Гуров Д.В. Формирование готовности сотрудников правоохранительных структур к осуществлению педагогического взаимодействия с гражданским обществом // Инновации в образовании. 2011. № 4. С. 72–81.
14. Градовский А.Д. Сочинения. СПб., 2001.

D.S. Onishchuk

**Political Risks in the System
of the State Innovation Policy**

Particular attention is paid to the political risks which are associated with the implementation of various innovations. The need to consider political risks while pursuing the state innovation policy is recognized, and the possibility of delegating powers in the process of their monitoring and research to narrow-purposed organizations is considered.

Key words and word-combinations: political risks, state innovation policy, delegation, government powers, narrow-purposed organizations.

Детальное внимание уделяется политическим рискам, сопряженным с внедрением различных инноваций. Признается необходимость учета политических рисков при реализации государственной инновационной политики. Рассматривается возможность делегирования полномочий по их мониторингу и изучению узкопрофильным организациям.

Ключевые слова и словосочетания: политические риски, государственная инновационная политика, делегирование, государственные полномочия.

УДК 323(470+571):330.322
ББК 66.3(2Рос)+65.263

Д.С. Онищук

**ПОЛИТИЧЕСКИЕ РИСКИ
В СИСТЕМЕ
ГОСУДАРСТВЕННОЙ
ИННОВАЦИОННОЙ
ПОЛИТИКИ**

Первое десятилетие XXI в. показало необходимость поиска современными государствами не только своего места на международной арене, но и различных способов повышения эффективности функционирования в рамках кризисных и посткризисных ситуаций. Ключевую роль в формировании политики общества начинают играть наука и образование, а разработка научно-технических инноваций становится основным конкурентным преимуществом на международных рынках.

В подобных условиях стимулирование развития инноваций становится выгодным государству, так как помогает с меньшими затратами ресурсов (временных, технических, интеллектуальных и т.д.) получать конечные продукты, более того, делать это более качественно. Так, в одном из определений инновация представлена как «одновременно развивающийся комплексный процесс создания, распространения и использования новшества, которое способствует развитию и повышению эффективности работы предпринимательских фирм» [1, с. 84]. Еще одна дефиниция определяет инновацию как «совокупность новых потребляемых идей, воплощающих их технологий, которыми могут быть удовлетворены общественные потребности, вместе с процессами технологизации идей, сами обще-

ственные потребности вместе с процессами, осуществляющими потребление технологий, последствия влияния процессов на общественные потребности» [2, с. 131]. Во всяком случае конечным итогом разработки любой инновации будут являться либо новые, либо усовершенствованные продукты или услуги.

Государственная политика любой страны, в свою очередь, направлена на решение значимых социально-экономических проблем, постановку и достижение целей развития всего общества либо его определенных сфер. В целом это «политический курс, то есть сознательно выработанная политическая стратегия, включающая в виде необходимых компонентов определение цели и способы ее достижения» [3, с. 27].

Государственная инновационная политика — это определенная деятельность государства, направленная на внедрение и поддержку развития научно-технических и иных инноваций во всех сферах общественной жизни с целью получения положительного экономического и социально-политического эффекта. Формирование инновационной государственной политики является одной из приоритетных задач каждой современной экономики.

Общество постоянно стремится к развитию и поиску эффективных способов повышения качества жизни. Однако необходимо учитывать, что «развитие требует внедрения инноваций, часто связанных с риском» [4, с. 3]. Кроме того, отношение самого общества к различным новшествам далеко не всегда бывает однозначным. Несомненно, «пессимизм в отношении новых технологий долгое время считался ретроградским заблуждением» [5, с. 64]. Боязнь сокращения рабочих мест за счет появления новых отраслей, замены ручного труда машинным и другого постепенно уходила благодаря «реорганизации производственных факторов в новые комбинации» [5, с. 64]. Однако присутствие различных рисков при внедрении инноваций какого угодно характера отрицать нельзя. В рамках реализации государственной инновационной политики имеет смысл говорить о рисках политических.

В современном мире, изобилующем научно-техническими новшествами, сама суть общественно-политической жизни начинает заметно усложняться, а свобода индивидуальных действий, так же как и масштабы происходящих социально-политических изменений, — расширяться. В таких условиях видоизменяются понимание целей развития общества, путей их реализации, а также политическая, экономическая и социальная сферы в целом. Одним из ключевых направлений исследовательской деятельности в подобных условиях становится повышение стабильности политической и экономической систем, поддержание устойчивости развития общества. Данные задачи начинают составлять неотъемлемую часть стратегического планирования и государственного управления, вступая подобным образом в зону действия законов некоторых теорий риска.

Необходимость изучения политических рисков как в теоретическом, так и в практическом разрезе признается ведущими отечественными и иностранными политологами. Более того, совершенствование моделирования и системы оценки рассматриваемого феномена жизненно важно для повышения эффективности функционирования всего механизма государственной политики, а

также отдельных политических решений и взаимодействия с международным сообществом в частности. Однако для лучшего понимания возможных путей использования феномена на практике следует прежде всего провести его теоретический анализ. Исследование политического риска начнем с рассмотрения его непосредственной дефиниции. В общем смысле оно представляет собой «вероятность нежелательных последствий возможных политических и других решений, связанных политическими событиями, способными принести тот или иной ущерб их участникам в реализации их интересов» [6, с. 851].

Политический риск как один из видов феномена риска развивается в контексте неопределенности, различных конфликтов, которые и определяют его характер и особенности в каждом конкретном случае. Под неопределенностью в рамках данной статьи понимается «невозможность давать четкие прогнозы на короткую и длинную перспективу в условиях многовариантности и неоднозначности происходящих процессов, вызванных какими-либо трансформациями устоявшейся системы взаимосвязей» [7, с. 26]. Следовательно, политический риск изменчив из-за нестатичной природы конфликта и неопределенности; при любом изменении обеих категорий трансформируется и характер политических рисков.

Отметим, что одним из ключевых отличий рассматриваемого феномена от других видов риска является его сильная зависимость от особенностей поведения и принятия решений отдельных лиц, в чьих руках сосредоточены определенные властные полномочия. Данный субъективный фактор делает природу политического риска более сложной и изменчивой, а значит, и менее поддающейся исследованию, основанному исключительно на традиционных методах анализа. Политический риск «присутствует повсюду и не подчиняется никакой строгой логике» [8, с. 12], поэтому применять классические математические методы исчисления и экстраполяции при его изучении не представляется целесообразным.

Задачи государства в условиях инновационной политики не ограничиваются обеспечением стабильности общества на базе административного управления и поддержания баланса интересов. Скорее можно говорить о создании социально-экономической среды, в которой не только сам субъект государственного управления осуществлял бы инновационную деятельность, но и были бы созданы все условия для внедрения и развития новых товаров и услуг, а также реализации творческого потенциала для любого индивида. Без наличия подобной среды не возможны не только сам процесс создания инноваций, но и, что еще более важно, их эффективная реализация в дальнейшем. Помимо того, «нововведения призваны помочь государственным учреждениям обратиться к исходным задачам гражданской службы, не связанной исключительно с обеспечением некоего постоянного уровня благ, но также со стремлением к их стабильному приращению» [9, с. 292], а потому государство, задействуя множество ресурсов в целях создания определенных условий для функционирования инновационной деятельности, должно четко осознавать, насколько эффективны и перспективны предлагаемые новшества.

В основе формирования любой государственной политики лежит процесс принятия решений, а точнее — сложный, многоуровневый механизм, вклю-

чающий в себя работу множества акторов, анализ информации различного характера, направленный на решение важных для государства социальных, экономических и политически значимых проблем. Выбор оптимального решения всегда сопряжен с определенным риском, так как его осуществление связано с постоянно меняющимися внешними факторами, далеко не все из которых возможно точно просчитать.

Элемент непредсказуемости вносит и личностный аспект принятия государственных решений. Несомненно, наиболее полно он проявляется непосредственно в личности лидера страны, являющегося «рупором деятельности всей системы государственного управления, ответственным и за удачу, и за неуспех принятых государственных решений» [10, с. 56]. Однако это характеризует и политических управленцев, обладающих более скромным объемом полномочий. На любом уровне государственной власти при принятии политических решений присутствует человеческий фактор, что подтверждает венчурный характер государственной политики в целом.

С учетом перечисленных факторов делегирование функций по внедрению определенных новшеств в любой сфере развития общества априори приводит к повышению вероятности возникновения непредвиденных результатов от нее, которые смогут иметь непосредственное отношение к восприятию гражданами оправданности решений государственного аппарата. Чем менее изучены какие-либо процессы, товары, технологии или услуги, тем более рискованно их использовать. Когда руководство страны делает ставку на внедрение новых технологий, оно берет на себя ответственность перед своими гражданами за конечный результат их использования гораздо больше, чем при принятии любых других государственных решений. Итоги государственной политики, реализованной без учета риска возможных неблагоприятных последствий, не будут удовлетворять потребности социума и ухудшат его отношение к принимаемым государством решениям.

Политические риски также могут стать серьезным барьером в рамках привлечения инвестиций в различные инновационные проекты. Как зарубежные, так и отечественные предприниматели с опаской относятся к тем проектам, реализуемым в рамках неопределенного политического курса, неустойчивых властных отношений внутри государственного аппарата, несовершенного законодательства и т.д. Вместе с тем инвестиционная привлекательность новых технологий играет далеко не последнюю роль в рамках реализации государственной инновационной политики. Для любого стартапа, даже если государство выступает его инициатором, необходимо присутствие заинтересованных сторон, готовых поддержать его развитие материально и идеологически. Учет возможных политических рисков в данной ситуации увеличивает вероятность привлечения подобных инвесторов.

Таким образом, важно учитывать политические риски в рамках реализации государственной инновационной политики. Федеральные и региональные инновационные программы нужны для обеспечения поступательного развития всех сфер жизни общества, государственная политика должна на них опираться с учетом тех политических рисков, которые могут возникнуть в рамках их реализации. Другой вопрос состоит в разработке методологии максимально полного изучения возможности появления и предотвращения подобных рисков.

Представляется, что в рамках инновационной деятельности государство должно проводить отдельную работу по мониторингу и исследованию сопутствующих каждому нововведению рисков. Подчеркнем, что соответствующие полномочия могли бы делегироваться на уровень профильных ассоциаций, союзов или организаций. В зависимости от типа инноваций и той сферы деятельности, в которой применяются усовершенствованные технологии, государство может выбирать для сотрудничества профессионалов, имеющих полномочия более детально анализировать ряд угроз и возможностей, влекущих за собой внедрение той или иной инновации.

Сфера деятельности государственного аппарата очень широка, в контексте государственной инновационной политики может приниматься огромное количество решений стратегического характера; держать под контролем все аспекты подобных решений без помощи узкопрофильных специалистов достаточно проблематично: «Государство очень часто стремится показать, что оно полностью контролирует внутренние процессы, хотя в действительности его власть существенно ограничена» [9, с. 305]. Особое внимание стоит уделять механизмам мониторинга и последующего предупреждения политических рисков путем создания специальных институтов и структур, основные задачи которых будут заключаться в исследовании возможных угроз при внедрении инноваций в той или иной области.

Итак, роль политических рисков в рамках формирования государственной инновационной политики весьма высока, а степень их учета напрямую влияет на эффективность ее реализации. При этом опираться исключительно на государственные институты в процессе изучения и предупреждения подобных рисков не представляется целесообразным. Взаимодействие с коммерческим сектором либо с узкопрофильными организациями в данном случае может повысить объективность оценки соответствующих рисков. Нужно четко обозначать степень ответственности, которую будут нести не только государственные акторы, но и подключенные к их работе коммерческие или общественные организации. Безусловно, со стороны общества конечным носителем ответственности за внедрение инновационных решений в экономику страны всегда будет являться государство, «ведь общество имеет все основания ожидать, что государство не складывает с себя ответственности за оказываемые по его поручению услуги» [9, с. 306]. Однако именно своевременное делегирование соответствующих полномочий может значительно повысить эффективность государственной инновационной политики.

Библиографический список

1. Балабанов И.Т. Инновационный менеджмент: учеб. пособие для вузов. СПб.; М.; Харьков, 2001.
2. Теслинов А.Г. Концептуальное проектирование сложных решений. СПб., 2009.
3. Категории политической науки: учеб. для студентов вузов, обучающихся по специальности «Политология» / под ред. А.Ю. Мельвиля. М., 2002.
4. Вишняков Я.Д. Общая теория рисков: учеб. пособие для студ. высших учеб. Заведений. 2-е изд., испр. М., 2008.

5. Есть ли будущее у капитализма: сб. статей / И. Валлерстайн, Р. Коллинз, М. Манн, Г. Дерлугьян, К. Калхун. М., 2015.
6. Общая и прикладная политология / под общ. ред. В.И. Жукова, Б.И. Краснова. М., 1997.
7. *Плотинский Ю.М.* Риск в социальных реформах // Вестник Московского университета. Сер. 18: Социология и политология. 1996. № 2.
8. *Benmansour H., Vadlar C.* Le risque politique dans le nouveau contexte international. P., 1995.
9. *Малган Дж.* Искусство государственной стратегии: Мобилизация власти и знания во имя всеобщего блага. М., 2011.
10. *Чернышев Б.В.* Разработка и принятие государственных решений в России. Саратов, 2003.

A.V. Kudaev

**The System of Social Guarantees
as a Factor of Workers' Labor
Potential Self-Development**

Social guarantees as a mechanism of smoothing social and economic contradictions in a society in whole and in separate organizations in particular are investigated. It is proved that social guarantees in modern conditions are shown not only as a system of socially responsible charity of the state or separate social organizational systems, but also as a structural and functional mechanism of insuring restoration and self-development conditions for workers and their families labor potential.

Key words and word-combinations: social standards, social guarantees functions, labor potential.

Исследуются социальные гарантии как механизм сглаживания социально-экономических противоречий в обществе в целом и в отдельных организациях в частности. Доказывается, что социальные гарантии в современных условиях проявляются не только как система социально ответственной благотворительности государства или отдельных социальных организационных систем, но и как структурно-функциональный механизм обеспечения условий восстановления и саморазвития трудового потенциала работников и их семей.

Ключевые слова и словосочетания: социальные стандарты, функции социальных гарантий, трудовой потенциал.

УДК 349.2
ББК 67.405.1

А.В. Кудяев

**СИСТЕМА
СОЦИАЛЬНЫХ ГАРАНТИЙ
КАК ФАКТОР
САМОРАЗВИТИЯ
ТРУДОВОГО ПОТЕНЦИАЛА
РАБОТНИКОВ**

Диспропорции в развитии трудового потенциала являются результатом понижения эффективности образовательной системы России, а также ухудшения общих социально-экономических условий жизнедеятельности семей работников. Снижение реального уровня семейного дохода ведет не только к формированию диспропорций в системе стимулирования труда в целом, но и к росту социальной напряженности в трудовых организациях, торможению процессов саморазвития трудового потенциала работников.

Современные исследователи в связи с этим констатируют, что расширенное воспроизводство трудового потенциала работников осуществляется двойственно. С одной стороны, это процесс целевого

образовательного производства и культурного совершенствования [1, с. 53]; с другой — результат расширенного и качественного потребления, развития «комплексов потребностей различных групп людей, которые, в свою очередь, определяют развитие потребительной определенности общей способности человека к труду» [2, с. 89]. В данном контексте несложно заметить, что в современных условиях хотя и возрастает роль материального стимулирования развития трудового потенциала, но основополагающее значение по-прежнему имеет система социальной защиты, способная обеспечить стабилизацию условий жизнедеятельности семьи, сохранить на необходимом уровне духовное и материальное потребление ее членов. Устойчивый рост потребления обеспечивает восстановление трудовых способностей человека, создает социально-экономические возможности его саморазвития.

В новых условиях важно рассмотреть социальную защиту не только как систему социально ответственной благотворительности государства или отдельных социальных организационных систем, но и как структурно-функциональный механизм обеспечения условий восстановления и саморазвития трудового потенциала субъектов труда. Для решения этой задачи используем методологию структурно-функционального подхода. Последняя позволит исследовать функции социальной защиты со следующих позиций: 1) восстановительной (как механизм поддержания и создания социально-экономических условий саморазвития трудового потенциала); 2) образовательно-коррекционной (как механизм обеспечения социальных гарантий возможности образовательного самовосстановления трудового потенциала).

Рассмотрим подробнее проявления функций социальной защиты на мировом, общественном, внутриорганизационном уровнях в рамках структурно-функционального методического подхода. Обоснуем двойственность проявления функций социальной защиты: 1) восстановительную, направленную на обеспечение нормальных социально-экономических условий восстановления и потребительного саморазвития трудового потенциала; 2) образовательно-коррекционную, направленную на обеспечение прав доступа к образованию и обеспечение возможности целевого формирования профессиональных способностей, возможностей образовательного совершенствования работников «как субъектов собственного воспроизводства и развития» [3, с. 168].

На международном уровне определяют общие принципы социальной защиты, способной обеспечить общие условия развития человеческого потенциала. Здесь обосновывается необходимость и конкретизируются параметры политики мирового сообщества, имеющей в основе социальную защиту людей, проживающих на различных территориях мира, разрабатываются критерии и оценивается уровень человеческого потенциала населения разных стран.

По сути анализируемые социальные процессы институционализируются в форме социально-экономических практик: на уровне мирового сообщества (принятие ООН «Всеобщей декларации прав человека», 1948 г.); уровне отдельных обществ (разработка и внедрение государственной социальной политики, определяющей систему государственных социальных гарантий, реализуемых через макромеханизмы социальной защиты); уровне организационных объединений и отдельных организационных структур (разработка и внедре-

ние внутриведомственной или внутриорганизационной социальной политики, определяющей систему корпоративных социальных гарантий, реализуемых через микромеханизмы социальной защиты).

На международном уровне представлен только перечень рекомендаций мирового сообщества, призванный обеспечить оптимальное человеческое развитие всего населения планеты. Анализ текстов Доклада о развитии человеческого потенциала ООН начиная с 1991 г. и до 2014 г. показывает, что до последнего времени эксперты не уточняют базовых индикаторов социальной защиты, определяющих саморазвитие трудового потенциала человека [4, с. 15].

Одновременно специалисты-эксперты выявляют и обосновывают связь между уровнем социальной защиты и реализацией сдвигов в системе показателей человеческого потенциала трудоспособного населения. При этом обосновывается и доказывается тезис о том, что абсолютно точного (идеального) метода расчета зависимости процессов реализации параметров социальной защиты и индикаторов роста трудового потенциала не существует.

Таким образом, косвенная связь между эффективностью социальной политики, направленной на социальную защиту, и развитием трудового потенциала представляется исследователями уже на международном уровне. В рамках современного международного опыта, отраженного в докладах экспертов ООН, учет тенденций развития человеческого потенциала по разным странам, регионам и организациям зависит не только от уровня дохода и материальной поддержки (защиты) граждан, но и от ряда конкретизированных показателей социальной защиты, определяющих предоставление услуг в области здравоохранения, образования, жилья, питания. Эксперты ООН доказывают, что перечисленные показатели влияют не только на условия, качество жизни населения всех стран, но и формируют определенный стиль социального потребления, системно определяя рост уровня жизни, рождаемости, долголетия, сокращение смертности, интеллектуальное, образовательное, физическое развитие трудового потенциала.

Общественный уровень. На основе международного опыта, с учетом решений и рекомендаций ООН разрабатываются национальные социальные проекты восстановления трудового потенциала населения, регулируются параметры корпоративной социальной политики по доходу, здравоохранению, образованию, жилью, питанию. Социологи прослеживают конкретную связь между социальной эффективностью политики государства, уровнем реализации социальных гарантий и развитием трудового потенциала населения [5]. Общественная система социальных гарантий регулирует процессы социальной поддержки населения по различным направлениям, важнейшие из которых — доход, здравоохранение, образование. Трудовой потенциал на уровне общества системно отражает «совокупность дохода, здоровья, способностей, знаний, профессиональной квалификации, умений и навыков, культуры и нравственности, которые в определенных условиях, при необходимых ресурсах обеспечивают жизнедеятельность и процесс труда» [2, с. 120].

Разрабатываемые на общественном уровне социальные гарантии реализуются в форме социальной защиты и поддержки семьи и определяют выравнивание общих условий воспроизводства трудового потенциала на различных уровнях жизнедеятельности: общественном, региональном, отраслевом,

организационном. Эффективный механизм социальных гарантий определяет возможность равного доступа населения к материальным, информационным, образовательным ресурсам общества. Анализ практик реализации социальных гарантий субъектов труда разных стран подтверждает данную гипотезу.

В Германии, Франции, Италии наблюдается рост национального богатства, расширяются источники дохода развитых сообществ в целом, а также большинства регионов и хозяйствующих организаций. Вместе с тем данная тенденция рассматривается не как процесс, автоматически обеспечивающий динамичный рост трудового потенциала отдельных профессиональных групп, а лишь как социально-экономическая предпосылка, создающая возможность его саморазвития. Рост дохода на разных уровнях может объективно обеспечить условия социального и экономического роста как страны в целом, так и ее отдельных социально-экономических институтов, но не является его автоматическим проявлением. По сути социальная защита по показателям материального дохода выравнивает уровень жизни различных групп населения, а также создает условия саморазвития общих способностей акторов. Обеспечение жизненно необходимого общего дохода человека, с одной стороны, влияет на объективные условия жизни населения, с другой стороны, обеспечивает активизацию саморазвивающихся практик количественного и качественного воспроизводства способностей человека к труду.

Таким образом, можно констатировать, что на общественном уровне конкретизируются параметры, цели и задачи социальной политики. Определяется ее направленность на обеспечение социальных гарантий по получению дохода, жилья, услуг здравоохранения, образования. Общественные социальные гарантии по материальному достатку — это базовая основа обеспечения расширенного самовоспроизводства трудового потенциала работника и его семьи. Поддержание стабильного, социально необходимого дохода граждан прямо, а также косвенно определяет условия формирования качества жизни, благосостояния, потребления, а значит, и потребительского саморазвития потенциала человека в рамках той или иной общественной совокупности.

Общественные социальные гарантии определяют прежде всего гарантии получения минимального размера реального дохода. Важно учесть, что данные гарантии распространяются на все важные для человеческой жизнедеятельности блага и услуги как минимального набора финансовой поддержки, питания, одежды, жилья, образования, услуг здравоохранения. Широкий набор гарантий социальной защиты представляет собой важнейшее институциональное условие развития не только отдельных регионов, но и всего общества в целом. При этом эффективная система общественных социальных гарантий является базой не только обеспечения социальных прав развития личностей, но и одновременно механизмом, гарантирующим стабильное восстановление, развитие, накопление трудового потенциала человека. Общественный механизм социальных гарантий, направленный на поддержание определенного материального достатка граждан, обеспечивает достаточный уровень потребления населения страны, что, в свою очередь, создает объективные условия активизации процесса потребительской амортизации и саморазвития их трудовых способностей.

На внутриорганизационном уровне, уже исходя из параметров социальной политики общества, конкретизируются параметры корпоративной социальной политики по доходу, здравоохранению, образованию, жилью, питанию. Здесь уточняются и корректируются характеристики восстановления трудового потенциала отдельных групп работников и их семей. Различные организации проявляются не только как сложные системы, включающие отдельных индивидов, объединенных связями, взаимозависимостями, отношениями, но и как целостный комплекс динамично функционирующих факторов, направленных на достижение не только экономических, но и социальных целей, реализации социальной политики, обеспечивающей саморазвитие трудового потенциала работника и членов его семьи.

Разработка и широкое внедрение практик социальной политики на микроуровне не только обеспечивает социальную защиту конкретных работников и их семей, но и является результатом сформированной социальной потребности хозяйственных организаций иметь высококвалифицированные трудовые ресурсы при минимальном проявлении недугов и болезней ее членов. В рамках отдельных хозяйственных организаций внедряется система норм жизнедеятельности, социального контроля поведения акторов. Работник получает материальную поддержку; вводятся также внутриорганизационные социальные программы служебного жилья, общественной гигиены; обеспечиваются образовательные и здравоохранительные проекты социальной защиты хозяйственных организаций; растет интеграция деятельности отдельных организаций и государства, муниципальных структур.

В результате внутриорганизационной социальной политики дополняются и обогащаются государственные социальные программы. Формируется корпоративный уровень социальных стандартов человеческой жизнедеятельности членов (персонала) отдельных организаций. Последнее приводит к тому, что, с одной стороны, развивается система социальных (материальных и нематериальных) гарантий функционирования членов отдельных организаций; с другой — усиливается уровень интеграции организационных систем, отдельных структурных подразделений, личностей. Одновременно совершенствуется общественная и организационная культура, устанавливаются как формальные, так и неформальные нормы, правила, принципы социального взаимодействия, регулирующие поведение отдельных работников и жизнедеятельность всего трудового коллектива.

Обобщая изложенное, можно сделать вывод, что в интегрированном контексте социальная политика на уровне общества, региона, отдельных организаций определяет систему социальных гарантий по поддержке уровня жизни населения. Социальные гарантии по сути направлены на обеспечение социально принятых и действующих минимальных государственных стандартов, то есть обеспечение необходимого материального стандарта жизни населения страны в целом и служащего-работника отдельных организаций и его семьи. Социальные гарантии по доходу, во-первых, обеспечивают восстановление трудового потенциала акторов, во-вторых, создают условия саморазвития трудовых потребностей и способностей, обеспечивают условия профессионального роста, обновления всей системы человеческой жизнедеятельности. Именно материальный блок системы социальной защиты формирует дополнительные компоненты, оп-

ределяющие защитные функции государства и каждой отдельной организации в области жилья, образования, здравоохранения, питания, одежды.

Социальные гарантии в области образовательных практик населения способствуют поддержанию нормальных условий образовательного воспроизводства трудового потенциала. Можно констатировать, что поддержание образовательных практик на определенном уровне способствует сокращению безграмотности и оптимизирует целевые процессы, направленные на формирование образовательного трудового потенциала. Безграмотность в широком смысле — это результат положения части социально незащищенных семей, находящихся на недопустимо низком уровне материального, а также образовательного достатка, а значит, и на недопустимо низком уровне материального и духовного потребления.

Социальные гарантии в области практик здравоохранения способствуют поддержанию нормальных условий физического воспроизводства трудового потенциала. Последнее необходимо не только для того, чтобы поддержать достойное существование человека, но и для того, чтобы обеспечить возможность профилактики собственного здоровья и развития физических способностей к труду [6]. Социальные гарантии в области жилья, питания, одежды способствуют стабилизации восстановления функциональных способностей человека, удовлетворению базовых потребностей субъекта. Последнее обеспечивает восстановление и частичное развитие физического трудового потенциала актора.

Самовозрастание трудового потенциала является результатом усиления социальных гарантий общества, регионов и отдельных организаций. Реализация социальных гарантий должна приводить к сглаживанию различий в социально-экономических процессах саморазвития способностей разных групп населения, развитию демократических прав и свобод трудовой реализации. В результате личные трудовые способности и потребности сотрудников отдельных организаций и общества в целом интегрируются, становятся более цельными, стабильными и однородными.

Итак, социальные гарантии представляют собой, с одной стороны, механизм обеспечения социальных прав, стабилизации условий социально-экономического взаимодействия субъектов труда. С другой стороны, система социальных гарантий создает материальные, образовательные, здравоохранительные, бытовые условия саморазвития трудового потенциала. Уровень и характер социальной защиты выступают как фактор обеспечения условий саморазвития трудового потенциала в отдельных организациях и обществе в целом. Одновременно социальные гарантии на промежуточном уровне приводят к положительным изменениям всего спектра жизнедеятельности человека, а также росту продолжительности жизни, рождаемости, улучшению здоровья, образования населения.

Социальные гарантии имеют несколько структурных направлений. Поддержание уровня жизни в рамках установленных норм государственных минимальных стандартов представляет собой важнейшую цель механизма социальных гарантий. Ввиду того, что уровень жизни характеризуется сложной и многогранной системой показателей, то и система социальных гарантий —

структурно сложная система. Наиболее значимые направления социальных гарантий следующие: доход, жилье, образование, здравоохранение, культура, питание, одежда, социально-бытовое обслуживание.

Базовое направление социальных гарантий обеспечивает защиту по параметру дохода субъекта труда и его семьи. Механизм социальной защиты здесь призван обеспечить общественно необходимый уровень жизни для работника, что является базовым, «критическим» рычагом воздействия на трудовой потенциал его семьи в целом. Поддержание общественно необходимого уровня жизни не только создает условия восстановления, но и частичного саморазвития физических, а также интеллектуальных способностей к трудовой деятельности.

Социальные гарантии необходимо рассматривать как механизм сглаживания социально-экономических противоречий в обществе в целом и в отдельных организациях в частности. Одновременно социальные гарантии представляют собой предпосылку и базу государственно гарантированного обеспечения процессов восстановления и саморазвития трудового потенциала субъектов труда, создания относительно равных условий накопления трудовых способностей как членов отдельных хозяйственных организаций и их семей, так и общества в целом. Важно отметить, что социальные гарантии при стратегическом рассмотрении не только направлены на обеспечение минимальных стандартов по параметрам уровня жизни субъектов, восстановление ими накопленного трудового потенциала, но и определяют стабилизацию условий жизнедеятельности граждан. Они обеспечивают устойчивость процессов создания и накопления общественных ценностей, стабильность перспективного социально-экономического развития как отдельных субъектов труда и их семей, так и организационных структур общества в целом.

Таким образом, достижение эффективных социальных гарантий по направлению дохода и уровня жизни обеспечивает условия восстановления трудового потенциала в текущем периоде человеческой жизнедеятельности, одновременно расширяет трудовое использование деятельных профессиональных возможностей в стратегической перспективе. Тем самым социальные гарантии направлены на обеспечение стабильности трудового функционирования человека в текущем периоде. Одновременно они обеспечивают и стратегические возможности роста доходов трудового субъекта, изменения его статуса в перспективе.

Социальные гарантии — это инструмент стабилизации восстановительных практик способностей акторов. Они не могут обеспечивать динамичный целевой рост трудового потенциала, не определяют и не призваны оптимизировать процессы его социально-экономического использования. Поддерживая, а в определенных случаях и создавая условия роста уровня жизни, социальные гарантии выступают как средство стабилизации восстановления способностей и расширения возможностей трудовых субъектов, одновременно обеспечивая возможность расширенного самовоспроизводства человеческого капитала, но не саму трудовую деятельность и профессиональное накопление физических и интеллектуальных способностей к труду.

Библиографический список

1. Баландина Т.М. Социальное проектирование развития организационной культуры // Вестник Саратовского государственного социально-экономического университета. 2005. № 11.
2. Быченко Ю.Г. Накопление человеческого капитала в экономике, основанной на знаниях. Саратов, 2007.
3. Заславская Т.И. Современное российское общество: социальный механизм трансформаций. М., 2004.
4. Программа развития ООН «Новые аспекты процесса развития человека». М., 1994.
5. Быченко Ю.Г., Логинова Л.В. Социальная политика как механизм развития социального потенциала российского общества // Вестник Саратовского государственного социально-экономического университета. 2012. № 1.
6. Кудяев А.В. Интегрированная оценка реализации социальных гарантий // Вестник Поволжского института управления. 2015. № 4 (49).

D.A. Samarov

**Innovation Management
in the System of Agricultural Insurance:
Russian and Foreign Experience**

The experience of implementation of an agricultural insurance system in Russia and countries with significant agricultural resources is analyzed. It is substantiated that the implementation of innovative models of management in the system of agricultural insurance, as well as comprehensive elaborateness of the system of measures of state support and protection of farmers from different climate-based risks would result in the creation of a sustainable system of business operation in the sphere of agricultural production.

Key words and word-combinations: innovation, management, agricultural insurance, agro-industrial complex.

Анализируется опыт реализации системы агрострахования в России и странах, обладающих значительными сельскохозяйственными ресурсами. Обосновывается, что реализация инновационных моделей управления в системе агрострахования, а также комплексная проработанность системы мер государственной поддержки и защиты сельхозпроизводителей от различных климатических рисков приведут к созданию устойчивой системы функционирования бизнеса в сфере сельскохозяйственного производства.

Ключевые слова и словосочетания: инновации, менеджмент, агрострахование, агропромышленный комплекс.

УДК 65.011
ББК 60.823.1

Д.А. Самаров

**ИННОВАЦИОННЫЙ
МЕНЕДЖМЕНТ В СИСТЕМЕ
АГРОСТРАХОВАНИЯ:
РОССИЙСКИЙ
И ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ**

Сложность и особенности сельскохозяйственного производства характеризуются высоким уровнем рисков инновационных процессов в аграрном секторе. Риск финансирования научно-производственных результатов, риск временного разрыва между затратами и результатами, неопределенность спроса на инновационную продукцию не могут заинтересовать частных инвесторов вкладывать капитал в развитие сельского хозяйства. Создание и реализация инновационных моделей управления в АПК обуславливают включение в нее большого числа общественных и экономических институтов для интеграции возмож-

ностей науки, бизнеса и образования. В тех странах, где не внедряются инновации, формируется устойчивая тенденция их зависимости от импорта продукции и услуг.

Решение этой проблемы для России является крайне важным и актуальным в условиях ее интеграции в систему международных хозяйственных связей. Успехи в этом направлении во многом будут определяться способностью внедрения инноваций в качестве обязательного и основополагающего условия по обеспечению качественного прорыва в технико-технологической базе предприятий АПК, позволяющих им производить конкурентоспособную продукцию, соответствующую мировым стандартам [1]. Все это предопределяет своеобразие подходов и методов управления инновационным процессом, сочетание различных типов инноваций, усиления роли государства в стимулировании инноваций.

Особую важность государственная поддержка сельского хозяйства и реализация системы мер в рамках агрострахования представляют для стран, имеющих мощный сельскохозяйственный потенциал, использование которого сопряжено с большим количеством рисков. Характерным примером в этом плане является политика сельхозподдержки Индии. Для реализации системы мер государственной поддержки сельхозпроизводителей от сельскохозяйственных рисков правительством страны принята государственная программа, осуществляемая при финансовой помощи Всемирного Банка. Программа использует для расчета страховых выплат сведения о среднем количестве урожая в определенном районе и потерях. Реализация данной программы сопряжена с решением ряда проблем, требующих инновационных подходов. Так, значимой проблемой является процесс сбора сведений о потерях урожая в том или ином районе в связи с его трудоемкостью и продолжительностью, приводящих к появлению различных неточностей и манипуляции сведениями со стороны страховщиков.

Решение этой проблемы видится в реализации инновационных технологий «дистанционного зондирования», с помощью которого выявляются регионы с низкой урожайностью, требующие страховой помощи в первую очередь. Для минимизации различных неточностей и профилактики недобросовестного использования данных страховщиками осуществляется полномасштабное применение средств мобильной связи с фиксацией аудио- и видеоданных, которые с помощью средств GPS-навигации точно привязываются по координатам и по времени [2].

Аналогичные подходы предлагаются и реализуются в системе агрострахования России. Например, созданная в конце 2010 г. межведомственная исследовательская группа «Институт инновационных технологий» (ИГ ИИТ) реализует комплекс мер по адаптации технологии дистанционного зондирования земли и метеонаблюдений для их использования в агростраховании. Группа сформирована из представителей компаний, предоставляющих услуги в сфере высоких технологий на основе космического мониторинга, а также страховых компаний и научных учреждений. Основное направление деятель-

ности исследовательской группы — это создание мультиресурсной платформы «Мониторинг опасных природных процессов, управление рисками и экспертиза в АПК». Внимание ведущих бизнес-структур в сфере АПК к результатам работы группы обусловлено прежде всего актуальностью создания эффективной системы агрострахования и повышенным вниманием государства к страхованию из-за глобальных и часто повторяющихся в последнее время опасных погодных явлений [3].

Страхование как форма государственной поддержки является важным инструментом стимулирования развития агропромышленного комплекса. В системе государственных мер в сфере сельского хозяйства оно занимает особое значение также и в силу того, что сложность работы в агропромышленном комплексе заключается не только в производстве и трудоемкости тех или иных видов работ, но и в том, что сельское хозяйство подвержено рискам, связанным с погодными и природно-климатическими условиями. Например, в России в 2012 г. 20 субъектов объявили о засухе, которая в той или иной мере коснулась этих регионов, хотя она была меньше, чем в 2010 г. В стране погибло около 6 млн гектар пашни, что составляет 7,9% от общей посевной площади. Государство направляет значительные финансовые ресурсы на компенсацию сельхозпроизводителям этих потерь, тем самым стимулируя и поддерживая их деятельность [4]. Реализация стратегии страхования рисков в сфере сельскохозяйственного производства на основе государственной поддержки предприятий АПК открывает дополнительные возможности для его стабильной работы.

Система государственной поддержки АПК строится на основе программно-целевого подхода. Реализуемые правительственные программы постоянно совершенствуются в направлении создания эффективного механизма стимулирования сельского товаропроизводителя. Российские парламентарии совместно с Правительством РФ изучают возможность увеличения бюджетного наполнения реализуемых государственных программ в сфере АПК, в частности по растениеводству и животноводству. Помимо инициатив, связанных с увеличением бюджетного финансирования, анализируется практика законодательного обеспечения процесса стимулирования сельхозпроизводителей в рамках Федерального закона от 25 июля 2011 г. № 260-ФЗ «О государственной поддержке в сфере сельскохозяйственного страхования». Принятый Государственной Думой во втором чтении законопроект № 403685-6 «О внесении изменений в Федеральный закон “О государственной поддержке в сфере сельскохозяйственного страхования” и о внесении изменений в Федеральный закон “О развитии сельского хозяйства” (об уточнении порядка осуществления сельскохозяйственного страхования)» направлен на защиту российских сельхозпроизводителей и совершенствование механизма их страхования и мер государственной поддержки в сфере АПК.

Принятие поправок в рамках этого законопроекта во многом будет определять систему экономических отношений, которые складываются между

государством, сельхозпроизводителями и страховыми компаниями. Вносимые поправки значительно расширили ответственность страховых компаний. Увеличен перечень страховых рисков, которые подлежат страхованию, снижен порог наступления страхового события, исчисляемый как процент от объема планируемого урожая. В целом все эти законодательные изменения будут способствовать расширению сельскохозяйственных площадей, которые прошли процедуру страхования сельскохозяйственных рисков, связанных с производством сельхозпродукции. Эти меры полностью соответствуют тем приоритетам, обозначенным в этой ситуации Президентом и Правительством РФ.

Отметим, что в мировой практике эффективность внедрения и реализации системы страхования в АПК напрямую зависит от того, какой объем посевных площадей застрахован [5]. Специфика развития АПК обусловлена активным воздействием на него факторов природной среды. Выявление видов страховых рисков и их определение является актуальным аспектом рассмотрения в целом проблемы устойчивости агропромышленного комплекса. Следует обозначить максимально полный перечень рисков, которые оказывают на него воздействие. В перечне рисков, которым подвержено сельскохозяйственное производство, наряду с общими рисками, проявляющимися в сельском хозяйстве во всех странах, существуют и риски, которые являются специфическими для той или иной страны и обусловлены спецификой ее экономики. Экономическая специфика России обусловлена происходящими преобразованиями, направленными на ее интеграцию в глобальную экономическую систему на основе развития рыночных отношений.

Исследователи, занимающиеся вопросами классификации рисков, разрабатывают и предлагают различные классификационные модели. Комплексное их рассмотрение позволяет сформировать наиболее полное представление о факторах риска, которым подвержено сельскохозяйственное производство [6]. Проводя ранжирование рисков, исследователи выделяют их по степени значимости следующим образом: 1) риски, связанные с погодными условиями, подверженностью болезням и вредителям, технологическим воздействиям и экологическим факторам загрязнения и глобальным климатическим изменениям; 2) воздействие неопределенности, обусловленное колебанием цен и динамикой рынка (спрос — предложение, обменный курс, тарифы и транспортные услуги и т.д.); 3) риски регуляторного свойства, к которым относятся требования по безопасности продуктов питания и охране окружающей среды; 4) группа рисков, связанная с качеством и количеством факторов производства, например ухудшением качества посевного материала, вносимых удобрений, используемой сельскохозяйственной техники и т.д. [7—9].

В самом общем виде при выявлении показателей риска и их измерении все будет сведено к сопоставлению этих измеренных показателей с их ожидаемыми значениями в зависимости от тех целей и задач, которые были поставлены и определены вначале. Анализ страхования рисков в аг-

ропромышленном комплексе России не может быть рассмотрен в отрыве от экономического анализа общего состояния всей сельскохозяйственной отрасли. Ключевой проблемой, оказывающей доминирующее влияние на развитие отрасли, признана неоднородность ее климатических условий. Из всех климатических зон, в которых территориально расположена Россия, приблизительно только 30% площади можно оценить как благоприятные для ведения сельского хозяйства с минимальным риском. В среднем по стране неблагоприятное воздействие климатического фактора на урожай наблюдается один раз в два-три года. Вторая проблема — низкий, по сравнению со среднеевропейским, уровень поддержки российских сельхозпроизводителей, а также неэффективное использование тех средств, которые выделяются. Третья проблема связана с высокой степенью изношенности сельскохозяйственной техники и ее низкой производительностью. Четвертая проблема, как отмечают эксперты, — влияние человеческого фактора, связанного с уровнем управленческой квалификации и компетентности [10]. В этих условиях государству необходимо сформировать условия и предложить практические меры по решению этих проблем и созданию действующего механизма поддержки сельского товаропроизводителя. Развитие системы агрострахования в перечне этих мер является одним из главных направлений в деятельности государства.

В России доля сельскохозяйственного сегмента национальной экономики в общем ВВП не превышает десятой части, и такова же часть занятых в сельском хозяйстве. Почти половина продовольствия, которое потребляется россиянами, импортируется. В связи с этим вопрос устойчивого функционирования и развития аграрного сектора экономики имеет важное значение для обеспечения ее продовольственной безопасности. Доктрина продовольственной безопасности Российской Федерации определяет понятие «продовольственная безопасность» как состояние экономики страны, при котором обеспечивается продовольственная независимость Российской Федерации, гарантируется физическая и экономическая доступность для каждого гражданина страны пищевых продуктов, соответствующих требованиям законодательства Российской Федерации о техническом регулировании, в объемах не меньше рациональных норм потребления пищевых продуктов, необходимых для активного и здорового образа жизни.

Система мер по поддержке государством сельского товаропроизводителя определяется проводимой бюджетной политикой, которая в соответствии с Федеральным законом «О развитии сельского хозяйства» определяет ряд форм субсидирования по различным направлениям, в частности на развитие системы страхования рисков в сельском хозяйстве. Начиная с 2012 г. в России идет развертывание системы агрострахования с государственной поддержкой. Ее основные составляющие: добровольное страхование; мультирисковая модель, широкий перечень культур; покрытие практически всех культур; страхование осуществляется частными страховыми компаниями. С реализацией этой модели связываются ожидания по снижению стоимости страхования, которая

должна привести к увеличению площади застрахованных посевов. Это повлияет на повышение финансовой устойчивости сельских товаропроизводителей и позволит сократить бюджетные расходы на компенсационные выплаты при чрезвычайных ситуациях.

Проведенный анализ позволяет сделать вывод, что система агрострахования с государственной поддержкой как перспективное направление развития аграрного сектора в Российской Федерации требует дальнейшего совершенствования законодательной и нормативной базы, направленной на формирование единых, понятных и прозрачных правил. Выделяемое в настоящее время бюджетное субсидирование на агрострахование недостаточно и не отвечает потребностям отрасли. В реализуемой государственной программе поддержки сельского хозяйства не нашла своего отражения агроклиматическая специфика различных регионов России. При реализации системы мер по государственной поддержке сельского хозяйства и выработке российской стратегии агрострахования необходимо учитывать происходящие глобальные процессы, связанные с изменением климата, и накопленный опыт в этой сфере других стран. Основные тенденции развития системы агрострахования в мире обусловлены устойчиво регистрируемым увеличением частоты происходящих природных катастроф, снижением площадей, используемых для производства сельскохозяйственной продукции, увеличением спроса на нее. Общее, что объединяет в этом вопросе различные страны, — это формирование эффективной системы страхования сельскохозяйственных рисков на основе агрострахования, спрос, который в результате этих процессов будет только расти.

Во многих странах мира агрострахование является одним из самых эффективных механизмов финансовой защиты сельхозпроизводителя. Рассматривая практику реализации и функционирования системы агрострахования в США, странах ЕС и других странах, можно отметить много общего в ее организации: обеспечение сельскохозяйственных рисков осуществляется государством и страховщиками совместно; реализуется система государственно-частного партнерства; формируются страховые фонды, осуществляется ежегодная актуализация тарифов и субсидий на предмет их достаточности и ряд других черт. Наличие общих черт сочетается с обязательной спецификой системы агрострахования в каждой стране, что зависит от ее природно-климатических и экономических особенностей.

Итак, реализация инновационных управленческих моделей окажет позитивное воздействие на решение задачи воспроизводства и предотвращения деградации сельскохозяйственных угодий, повышения регулятивной функции государства и саморегулирующей функции бизнеса как на региональном, так и на муниципальном уровне посредством активизации и разработки соответствующих программ развития.

Основой инновационной модели должна стать система мер по агрострахованию сельских товаропроизводителей, технологическое переоснащение сельскохозяйственных предприятий, применение ресурсосберегающих техно-

логий, направленных на снижение энергопотребления сельскохозяйственных производств, его информационное и инфраструктурное наполнение, развитие логистики и перерабатывающего сегмента сельскохозяйственного производства в соответствии с потребностями отрасли и рынка.

Библиографический список

1. Генералова С.В., Щербаков В.А., Рябова А.И. Механизм создания и оценка эффективности микроэкономических инновационных систем на сельскохозяйственных предприятиях. Саратов, 2013.
2. Индия: инновации в агростраховании. URL: http://tristar.com.ua/1/news/india_innovatsii_v_agrostrahovanii_27871.html
3. Храбсков Е.Н. Системе агрострахования в России – инновационный путь развития. URL: <http://www.ininfo.ru/mag/2011/2011-03/2011-03-005.html>
4. Панков Н. Через 5–10 лет экономика России будет прирастать сельским хозяйством // Промышленник России. 2012. Дек.
5. Voehlje M.D., Trede L.D. Risk Management Agriculture // Journal of American Society of Farm Management, Rural Appraisers. 1977. Vol. 41. P. 20–27.
6. Саяхова Э.В. Страхование рисков в сельском хозяйстве. URL: [http://www.iupr.ru/domains_data/files/zurnal_10/Sayahova%20E.V.\(socialno-ekonomicheskie%20aspekty%20razvitiya%20sovremennogo%20gosudarstva\)%20\(2\).pdf](http://www.iupr.ru/domains_data/files/zurnal_10/Sayahova%20E.V.(socialno-ekonomicheskie%20aspekty%20razvitiya%20sovremennogo%20gosudarstva)%20(2).pdf)
7. Круглова Н.Е. Инструменты управления рисками в сельском хозяйстве: от диверсификации до погодных фьючерсов. URL: http://science-bsea.bgita.ru/2010/ekonom_2010_2/kruglova_instrument.htm
8. Страхование / под ред. В.В. Шахова, Ю.Т. Ахвледиани. 3-е изд., перераб. и доп. М., 2011.
9. Егоров Д.И. Страхование сельскохозяйственных рисков: дис. ... канд. экон. наук. М., 2010.
10. Основные показатели сельского хозяйства в России. URL: http://gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/doc_1140096652250

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Африкантов Константин Петрович — кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии и социальной политики Поволжского института управления имени П.А. Столыпина — филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ
e-mail: africans@mail.ru

Бударина Ксения Александровна — аспирант кафедры политологии и государственной политики Орловского филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ
e-mail: budarina_ksenia@bk.ru

Вилков Александр Алексеевич — доктор политических наук, заведующий кафедрой политических наук Саратовского государственного университета имени Н.Г. Чернышевского
e-mail: vil57@yandex.ru

Гадисов Сеймур Рамазанович — преподаватель кафедры гражданского права и процесса, аспирант кафедры теории права Поволжского института управления имени П.А. Столыпина — филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ
e-mail: seytmur01@bk.ru

Гамова Инна Валериевна — кандидат медицинских наук, доцент кафедры аллергологии и иммунологии Саратовского государственного медицинского университета имени В.И. Разумовского
e-mail: innapris@yandex.ru

Герасимова Валентина Владимировна — доктор экономических наук, профессор, заведующий кафедрой экономики и таможенного дела Поволжского института управления имени П.А. Столыпина — филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ
e-mail: kafeconomics@pags.ru

Демидов Александр Иванович — доктор философских наук, заведующий кафедрой теоретической и прикладной политологии Саратовской государственной юридической академии
e-mail: ademidov@ssla.ru

Демидова Марина Владимировна — кандидат философских наук, доцент кафедры философии Поволжского института управления имени П.А. Столыпина — филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ
e-mail: demidovamv@rambler.ru

Долгов Виктор Михайлович — доктор исторических наук, заведующий кафедрой политических наук Поволжского института управления имени П.А. Столыпина — филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ
e-mail: TVDB2008@yandex.ru

Долгова Галина Николаевна — доктор политических наук, профессор кафедры политических наук Поволжского института управления имени П.А. Столыпина — филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ
e-mail: TVDB2008@yandex.ru

Зароченцева Нина Владимировна — аспирант кафедры уголовного процесса Саратовской государственной юридической академии, помощник прокурора Измалковского района Липецкой области
e-mail: belokurova606@yandex.ru

Ковач Юлия Олеговна — соискатель кафедры гражданского права и процесса Поволжского института управления имени П.А. Столыпина — филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ
e-mail: kowach_ne@mail.ru

Константинова Елена Петровна — кандидат экономических наук, доцент, старший научный сотрудник Центра психолого-экономических исследований СНГ РАН
e-mail: conelena@yandex.ru

Кудаев Александр Викторович — адъюнкт Саратовского военного института внутренних войск МВД России
e-mail: alex14011977@mail.ru

Кудаяров Каньбек Акматбекович — аспирант кафедры стран постсоветского зарубежья Института постсоветских и межрегиональных исследований Российского государственного гуманитарного университета
e-mail: kana8306@mail.ru

Кузнецов Николай Иванович — доктор экономических наук, ректор, заведующий кафедрой экономики агропромышленного комплекса Саратовского государственного аграрного университета имени Н.И. Вавилова
e-mail: rector@sgau.ru

Мансуров Айрат Мансурович — аспирант кафедры экономики и таможенного дела Поволжского института управления имени П.А. Столыпина — филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ
e-mail: meon_nauka@mail.ru

Меркулов Павел Александрович — кандидат философских наук, доцент, директор Орловского филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ
e-mail: merkulov-pa@ganepa.ru

Онищук Дарья Станиславовна — аспирант кафедры государственного управления Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова
e-mail: Darya.onishchuk@mail.ru

Пилипенко Елена Александровна — кандидат физико-математических наук, докторант кафедры философии и методологии науки Саратовского государственного университета имени Н.Г. Чернышевского
e-mail: e.pilipenko@bk.ru

Пляйс Яков Андреевич — доктор исторических наук, доктор политических наук, заведующий кафедрой общей политологии Финансового университета при Правительстве РФ
e-mail: spn2004@rambler.ru

Присяжнюк Дарья Игоревна — кандидат социологических наук, старший преподаватель кафедры общей социологии Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», Москва
e-mail: daria.prisyazhnyuk@socpolicy.ru

Розеватов Денис Александрович — кандидат филологических наук, заведующий кафедрой прикладной лингвистики и межкультурной коммуникации Поволжского института управления имени П.А. Столыпина — филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ
e-mail: den18w@mail.ru

Романцов Александр Николаевич — доктор экономических наук, профессор кафедры менеджмента организации Поволжского института имени П.А. Столыпина — филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ
e-mail: romanzov@yandex.ru

Ручин Алексей Владимирович — кандидат социологических наук, социолог социологического центра Саратовского государственного технического университета имени Гагарина Ю.А.
e-mail: ralexey@inbox.ru

Ручин Владимир Алексеевич — кандидат философских наук, доцент кафедры социологии, социальной антропологии и социальной работы Саратовского государственного технического университета имени Гагарина Ю.А.
e-mail: r-vl@yandex.ru

Самаров Денис Андреевич — аспирант кафедры экономики и таможенного дела Поволжского института управления имени П.А. Столыпина — филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ

e-mail: dsamarov@bk.ru

Семенова Вера Геннадьевна — кандидат политических наук, доцент кафедры политических наук Саратовского государственного университета имени Н.Г. Чернышевского

e-mail: semenovavg@mail.ru

Сидорова Елена Юрьевна — доктор экономических наук, заведующий кафедрой маркетинга, внешнеторговой деятельности и учета на предприятиях Поволжского института имени П.А. Столыпина — филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ

e-mail: ejsidorova@ya.ru

Скороходова Ольга Сергеевна — кандидат политических наук, доцент кафедры политических наук Поволжского института управления имени П.А. Столыпина — филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ

e-mail: olsko@yandex.ru

Соловьев Александр Иванович — доктор политических наук, заведующий кафедрой политического анализа Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова

e-mail: alesol@mail.ru

Суворов Валерий Владимирович — кандидат исторических наук, ассистент кафедры философии, гуманитарных наук и психологии Саратовского государственного медицинского университета имени В.И. Разумовского

e-mail: valeriy_s@inbox.ru

Уколова Надежда Викторовна — доктор экономических наук, доцент кафедры бухгалтерского учета, анализа и аудита Саратовского государственного аграрного университета имени Н.И. Вавилова

e-mail: ukolovanv@sgau.ru

Ушаков Дмитрий Алексеевич — старший преподаватель кафедры огневой подготовки Саратовского военного института внутренних войск МВД России

e-mail: uda76@mail.ru

Фомин Олег Николаевич — доктор политических наук, заместитель директора Поволжского института управления имени П.А. Столыпина — филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ

e-mail: onfomin5@yandex.ru

208   2015 ● № 6 (51)

Фомина Зинаида Васильевна — доктор философских наук, профессор кафедры гуманитарных дисциплин Саратовской государственной консерватории имени Л.В. Собинова
e-mail: zinaf33@yandex.ru

Холодов Владимир Александрович — кандидат исторических наук, доцент кафедры теории и истории государства и права Орловского филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ
e-mail: vohol1@rambler.ru

Шакирова Елена Юрьевна — кандидат философских наук, профессор кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин Военного учебно-научного центра Военно-воздушных сил Военно-воздушной академии имени проф. Н.Е.Жуковского и Ю.А.Гагарина (филиал в г. Сызрань)
e-mail: 5526reu@mail.ru

Шиндряева Ирина Викторовна — преподаватель кафедры экономики и менеджмента Волгоградского государственного медицинского университета
e-mail: i.shindryaeva@yandex.ru

Шиханова Юлия Анатольевна — кандидат экономических наук, доцент кафедры экономики агропромышленного комплекса Саратовского государственного аграрного университета имени Н.И. Вавилова
e-mail: anna310395@mail.ru

Яковлева Анна Петровна — кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права и процесса Поволжского института управления имени П.А. Столыпина — филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ
e-mail: yakovleva.anna1@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Konstantin Petrovich Afrikantov — Candidate of Science (Sociology), Docent of the Sociology and Social Policy Chair, Stolypin Volga Region Institute of Administration of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration
e-mail: africans@mail.ru

Ksenia Aleksandrovna Budarina — post-graduate student of the Political Science and Public Policy Chair, Orel Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration
e-mail: budarina_ksenia@bk.ru

Aleksandr Alekseevich Vilkov — Doctor of Sciences (Politics), Head of the Political Sciences Chair, Saratov State University named after N.G. Chernyshevsky
e-mail: vil57@yandex.ru

Seymur Ramazanovich Gadisov — lecturer of the Civil Law and Proceedings Chair, post-graduate student of the Theory of Law Chair, Stolypin Volga Region Institute of Administration of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration
e-mail: seymur01@bk.ru

Inna Valerievna Gamova — Candidate of Sciences (Medicine), Docent of the Immunology and Allergology Chair, Saratov State Medical University named after V.I. Razumovsky
e-mail: innapris@yandex.ru

Valentina Vladimirovna Gerasimova — Doctor of Sciences (Economics), Professor, Head of the Economics and Customs Business Chair, Stolypin Volga Region Institute of Administration of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration
e-mail: kafeconomics@pags.ru

Aleksandr Ivanovich Demidov — Doctor of Sciences (Philosophy), Head of the Theoretical and Applied Political Science Chair, Saratov State Academy of Law
e-mail: ademidov@ssla.ru

210   2015 ● № 6 (51)

Marina Vladimirovna Demidova — Candidate of Sciences (Philosophy), Docent of the Philosophy Chair, Stolypin Volga Region Institute of Administration of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

e-mail: demidovamv@rambler.ru

Viktor Mikhailovich Dolgov — Doctor of Sciences (History), Head of the Political Sciences Chair, Stolypin Volga Region Institute of Administration of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

e-mail: TVDB2008@yandex.ru

Galina Nikolaevna Dolgova — Doctor of Sciences (Politics), Professor of the Political Sciences Chair, Stolypin Volga Region Institute of Administration of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

e-mail: TVDB2008@yandex.ru

Nina Vladimirovna Zarochentseva — post-graduate student at the Criminal Procedure Chair of Saratov State Academy of Law, assistant Public Prosecutor for Izmalkovsky district of the Lipetsk Region

e-mail: belokurova606@yandex.ru

Yulia Olegovna Kovach — competitor of the Civil Law and Proceedings Chair, Stolypin Volga Region Institute of Administration of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

e-mail: kowach_ne@mail.ru

Elena Petrovna Konstantinova — Candidate of Sciences (Economics), Docent, Senior Scientific Employee, Psychological and Economical Research Center of the Scientific Research Center of the Russian Academy of Science

e-mail: conelena@yandex.ru

Aleksandr Viktorovich Kudaev — post-graduate student, Saratov Military Institute of the Internal Troops of the Ministry of Internal Affairs of Russia

e-mail: alex14011977@mail.ru

Kanybek Akmatbekovich Kudayarov — post-graduate student of the Post-Soviet Foreign Countries Chair, Institute of Post-Soviet and Interregional Research, Russian State University of Humanities

e-mail: kana8306@mail.ru

Nikolai Ivanovich Kuznetsov — Doctor of Sciences (Economics), Rector, Head of the Economics of Agro-Industrial Complex Chair, Saratov State Agrarian University

e-mail: rector@sgau.ru

Airat Mansurovich Mansurov — post-graduate student of the Economics and Customs Business Chair, Stolypin Volga Region Institute of Administration of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

e-mail: meon_nauka@mail.ru

Pavel Aleksandrovich Merkulov — Candidate of Sciences (Philosophy), Docent, Director of the Orel branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration
e-mail: merkulov-pa@ranepa.ru

Daria Stanislavovna Onishchuk — post-graduate student of the Public Administration Chair, Lomonosov Moscow State University
e-mail: Darya.onishchuk@mail.ru

Elena Aleksandrovna Pilipenko — Candidate of Sciences (Physics and Mathematics), doctoral student of the Philosophy and Methodology of Science Chair, Saratov State University named after N.G. Chernyshevsky
e-mail: e.pilipenko@bk.ru

Yakov Andreevich Plyais — Doctor of Sciences (History), Doctor of Sciences (Politics), Head of the General Political Science Chair, Financial University under the Government of the Russian Federation
e-mail: spn2004@rambler.ru

Daria Igorevna Prisyazhnyuk — Candidate of Sciences (Sociology), senior lecturer of the General Sociology Chair, National Research University — Higher School of Economics, Moscow
e-mail: daria.prisyazhnyuk@socpolicy.ru

Denis Aleksandrovich Rozevatov — Candidate of Sciences (Philology), Head of the Applied Linguistics and Cross-Cultural Communication Chair, Stolypin Volga Region Institute of Administration of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration
e-mail: den18w@mail.ru

Aleksandr Nikolaevich Romantsov — Doctor of Sciences (Economics), Professor of the Organization Management Chair, Stolypin Volga Region Institute of Administration of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration
e-mail: romanzov@yandex.ru

Aleksey Vladimirovich Ruchin — Candidate of Sciences (Sociology), sociologist at the Sociological Center, Saratov State Technical University named after Yuri Gagarin
e-mail: ralexey@inbox.ru

Vladimir Alekseevich Ruchin — Candidate of Sciences (Philosophy), Docent of the Sociology, Social Anthropology and Social Work Chair, Saratov State Technical University named after Yuri Gagarin
e-mail: ralexey@inbox.ru

Denis Andreevich Samarov — post-graduate student of the Economics and Customs Business Chair, Stolypin Volga Region Institute of Administration of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration
e-mail: dsamarov@bk.ru

212   2015 ● № 6 (51)

Vera Gennadievna Semenova — Candidate of Sciences (Politics),
Docent of the Political Sciences Chair, Saratov State University named after
N.G. Chernyshevsky

e-mail: semenovavg@mail.ru

Elena Yurievna Sidorova — Doctor of Sciences (Economics), Head of the
Marketing, Foreign Trade and Accounting Chair, Stolypin Volga Region Institute
of Administration of the Russian Presidential Academy of National Economy and
Public Administration

e-mail: ejsidorova@ya.ru

Olga Sergeevna Skorokhodova — Candidate of Sciences (Politics),
Docent of the Political Sciences Chair, Stolypin Volga Region Institute of
Administration of the Russian Presidential Academy of National Economy
and Public Administration

e-mail: olsko@yandex.ru

Aleksandr Ivanovich Soloviev — Doctor of Sciences (Politics), Head of the
Political Analysis Chair, Lomonosov Moscow State University

e-mail: alesol@mail.ru

Valery Vladimirovich Suvorov — Candidate of Sciences (History), assistant
lecturer of the Philosophy, Humanities and Psychology Chair, Saratov State
Medical University named after V.I. Razumovsky

e-mail: valeriy_s@inbox.ru

Nadezhda Viktorovna Ukolova — Doctor of Sciences (Economics), Docent
of the Accounting, Auditing and Analysis Chair, Saratov State Agrarian University
named after N.I. Vavilov

e-mail: nv.ukolova@yandex.ru

Dmitry Alekseevich Ushakov — Senior Lecturer of the Weapons Proficiency
Chair, Saratov Military Institute of the Internal Troops of the Ministry for
Internal Affairs of Russia

e-mail: africans@mail.ru

Oleg Nikolaevich Fomin — Doctor of Sciences (Politics), Deputy Director
of Stolypin Volga Region Institute of Administration of the Russian Presidential
Academy of National Economy and Public Administration

e-mail: onfomin5@yandex.ru

Zinaida Vasilievna Fomina — Doctor of Sciences (Philosophy), Professor
of the Humanities Chair, Saratov State Conservatoire named after L.V. Sobinov

e-mail: zinaf33@yandex.ru

Vladimir Aleksandrovich Kholodov — Candidate of Sciences (History),
Docent of the Theory and History of State and Law Chair, Orel branch of the
Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

e-mail: vohol1@rambler.ru

Elena Yurievna Shakirova — Candidate of Sciences (Philosophy), Professor of the Humanitarian and Socio-Economic Disciplines Chair, Military Educational-Research Centre of Air Force of the Air Force Academy named after Professor N.E. Zhukovsky and Yu.A. Gagarin (branch in Syzran)
e-mail: 5526reu@mail.ru

Irina Viktorovna Shindryaeva — lecturer of the Economics and Management Chair, Volgograd State Medical University
e-mail: i.shindryaeva@yandex.ru

Yulia Anatolievna Shikhanova — Candidate of Sciences (Economics), Docent of the Economics of Agro-Industrial Complex Chair, Saratov State Agrarian University named after N.I. Vavilov
e-mail: anna310395@mail.ru

Anna Petrovna Yakovleva — Candidate of Sciences (Law), Docent of the Civil Law and Proceedings Chair, Stolypin Volga Region Institute of Administration of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration
e-mail: yakovleva.anna1@yandex.ru

СОДЕРЖАНИЕ

ЧЕТВЕРТЬ ВЕКА ПОЛИТИЧЕСКОЙ НАУКИ В РОССИЙСКОЙ ПРОВИНЦИИ

4

Всероссийская научно-практическая конференция
«Четверть века политической науки в российской провинции»
(г. Саратов, Поволжский институт управления имени П.А. Столыпина —
филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы
при Президенте РФ, 14–15 мая 2015 г.) 4

Пляйс Я.А.

Современное политологическое пространство России: состояние и проблемы 6

Соловьев А.И.

Российская политология в современном контексте: субъективные заметки 10

Вилков А.А.

Практика преподавания политологии в вузе: проблемы и перспективы 17

Фомин О.Н.

Возвращение российской властной идеологии в русло
традиционной политической культуры 22

Демидов А.И.

Дискурсивные политические практики как виды «мыселедействия» 29

Долгов В.М., Долгова Г.Н.

Региональная политика: теоретические модели и современная практика России 35

ПУБЛИЧНАЯ ВЛАСТЬ, ГОСУДАРСТВЕННОЕ И МУНИЦИПАЛЬНОЕ УПРАВЛЕНИЕ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

45

Кузнецов Н.И., Уколова Н.В., Шиханова Ю.А.

Человеческий потенциал как фактор создания инновационного производства
в России 45

Романцов А.Н., Сидорова Е.Ю.

Направления развития корпоративной культуры
в производственной организации 54

Герасимова В.В., Мансуров А.М.

Механизм управления развитием предприятия в составе
государственно-частного партнерства 61

<i>Семенова В.Г., Скороходова О.С.</i>	
Партийная детерминация региональных политических режимов (на примере Саратовской области)	67
<i>Бударина К.А., Меркулов П.А.</i>	
Медиаполитическая система в становлении общественно-политической субъектности молодежи	73

**ЕВРАЗИЙСКОЕ ПРОСТРАНСТВО:
ИНТЕГРАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ
И РЕГИОНАЛЬНЫЙ ОПЫТ УПРАВЛЕНИЯ**
80

<i>Константинова Е.П.</i>	
Международный опыт приватизации: причины, цели, факторы	80
<i>Розеватов Д.А.</i>	
Феномен цветных революций: социокультурный аспект	88
<i>Суворов В.В.</i>	
Положительный образ Востока и национально-культурная идентичность в России (вторая половина XIX — начало XX века)	95
<i>Кудаяров К.А.</i>	
Турецко-киргизское сотрудничество в военной сфере.....	101

**ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ
В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ**
107

<i>Яковлева А.П.</i>	
Состязательность административного судопроизводства и активная роль суда....	107
<i>Зароченцева Н.В.</i>	
Принципы построения согласительных процедур в современном уголовном процессе России.....	112
<i>Ковач Ю.О.</i>	
Юридическая конструкция взаимодействия гражданского общества и государства	118
<i>Гадисов С.Р.</i>	
Угрозы государственному суверенитету в условиях глобализации	123

**СОЦИАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА
В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**
128

<i>Ручин В.А., Ручин А.В.</i>	
Высшее образование как ключевой фактор инновационной предпринимательской среды.....	128
<i>Гамова И.В., Присяжнюк Д.И.</i>	
Практики самосохранительного поведения как приоритет государственной политики здравоохранения	136

Шиндряева И.В.

Профессиональные ценностные ориентации молодежи в контексте
поколенческой теории..... 144

Африкантов К.П., Ушаков Д.А.

Педагогические условия формирования индивидуального стиля общения
будущего офицера в военном вузе 149

**ФИЛОСОФИЯ И КУЛЬТУРА СОЦИУМА:
ПОДХОДЫ, КОНЦЕПЦИИ, МНЕНИЯ
155**

Шакирова Е.Ю.

Социокультурные и аксиологические аспекты безопасности..... 155

Пилипенко Е.А.

Концепт мифологического времени 162

Демидова М.В.

Социальные лифты эпохи символического капитализма: философия
и методология исследования 169

Фомина З.В.

Человек эпохи исторических катастроф..... 174

**ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПОЛИТИКА
И УПРАВЛЕНИЕ В РОССИИ:
ВЗГЛЯД МОЛОДЫХ УЧЕНЫХ
181**

Холодов В.А.

Государство и гражданское общество в концепциях русского либерализма
(вторая половина XIX — начало XX века) 181

Онищук Д.С.

Политические риски в системе государственной инновационной политики..... 186

Кудаев А.В.

Система социальных гарантий как фактор саморазвития трудового
потенциала работников..... 191

Самаров Д.А.

Инновационный менеджмент в системе агрострахования: российский
и зарубежный опыт..... 198

**СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ
205**

**INFORMATION ABOUT THE AUTHORS
210**

CONTENTS

A QUARTER-CENTURY OF POLITICAL SCIENCE IN THE RUSSIAN PROVINCE

4

- All-Russian Research-to-Practice Conference
“A Quarter-Century of Political Science in the Russian Province”
(Saratov, Stolypin Volga Region Institute of Administration
of the Russian Presidential Academy of National Economy
and Public Administration, May 14–15, 2015) 4
- Plyais Ya.A.*
Contemporary Political Science Field of Russia: Condition and Problems 6
- Soloviev A.I.*
Russian Political Science in the Modern Context: Subjective Notes 10
- Vilkov A.A.*
Practice of Teaching Political Science in a Higher Education Institution:
Problems and Prospects..... 17
- Fomin O.N.*
The Return of the Russian Authority Ideology into the Framework
of the Traditional Political Culture 22
- Demidov A.I.*
Discourse Political Practices as Types of “Mental Action” 29
- Dolgov V.M., Dolgova G.N.*
Regional Policy: Theoretical Models and Contemporary Practice of Russia 35

PUBLIC AUTHORITIES AND PUBLIC ADMINISTRATION IN THE RUSSIAN FEDERATION

45

- Kuznetsov N.I., Ukolova N.V., Sbikhanova Yu.A.*
Human Potential, the Basic Factor of Innovative Production Formation in Russia 45
- Romantsov A.N., Sidorova E.Yu.*
Lines of Development of Corporate Culture in a Production Organization 54
- Gerasimova V.V., Mansurov A.M.*
The Mechanism of Enterprises Development Management as Part of
a Public-Private Partnership 61
- Semenova V.G., Skorokhodova O.S.*
Party Determination of Regional Political Regimes
(Case Study of the Saratov Region) 67

218   2015 ● № 6 (51)

Budarina K.A., Merkulov P.A.

Media Political System in Formation a Public and Political Position of Youth 73

**THE EURASIAN SPACE:
INTEGRATION PROCESSES AND REGIONAL
MANAGEMENT EXPERIENCE**

80

Konstantinova E.P.

International Experience of Privatization: Causes, Goals and Factors 80

Rozevatov D.A.

The Phenomenon of Color Revolutions: Sociocultural Aspect 88

Suvorov V.V.

Positive Image of the East and the National Cultural Identity in Russia
(Second Half of the XIX – Early XX Century) 95

Kudayarov K.A.

The Turkish-Kyrgyz Collaboration in the Military Sphere 101

LEGAL REGULATION IN CONTEMPORARY RUSSIA

107

Yakovleva A.P.

Adversarial Administrative Legal Proceedings and the Active Role of the Court ...107

Zarochentseva N.V.

Principles of Constructing Conciliation Procedures in Modern Criminal
Justice Process of Russia 112

Kovach Yu.O.

Legal Construction of the Interaction between Civil Society and the State 118

Gadisov S.R.

Threats to National Sovereignty in Conditions of Globalization 123

SOCIAL POLICY IN THE RUSSIAN FEDERATION

128

Ruchin V.A., Ruchin A.V.

Higher Education as a Key Factor of Innovative Business Environment 128

Gamova I.V., Prisyazhnyuk D.I.

Practices of Health Behavior as a Priority of the State Healthcare Policy 136

Shindryaeva I.V.

Professional Value Orientations of Youth in the Context
of Generational Theory 144

Afrikantov K.P., Ushakov D.A.

Pedagogical Conditions of a Future Officer's Individual Communication Pattern
Formation in Conditions of a Military Higher Education Institution 149

**PHILOSOPHY AND CULTURE OF SOCIETY:
APPROACHES, CONCEPTS, OPINIONS
155**

<i>Shakirova E.Yu.</i> Sociocultural and Axiological Aspects of Security	115
<i>Pilipenko E.A.</i> The Concept of Mythological Time	162
<i>Demidova M.V.</i> Social Mobility in the Era of Social Capitalism: Philosophy and Means of Research	169
<i>Fomina Z.V.</i> A Man of the Epoch of Historical Disasters	174

**PUBLIC POLICY AND ADMINISTRATION IN RUSSIA:
YOUNG SCIENTISTS' VIEW
181**

<i>Kholodov V.A.</i> The State and Civil Society in the Concept of the Russian Liberalism (Second Half of XIX — Early XX Century)	181
<i>Onishchuk D.S.</i> Political Risks in the System of the State Innovation Policy	186
<i>Kudaev A.V.</i> The System of Social Guarantees as a Factor of Workers' Labor Potential Self-Development.....	191
<i>Samarov D.A.</i> Innovation Management in the System of Agricultural Insurance: Russian and Foreign Experience.....	198

**INFORMATION ABOUT THE AUTHORS
210**

Научное издание

**ВЕСТНИК
ПОВОЛЖСКОГО ИНСТИТУТА
УПРАВЛЕНИЯ**

Научный журнал

№ 6 (51)

Редакторы Ю.Н. Бирюкова, М.Н. Ефимова, Е.В. Феклистова
Компьютерная верстка Е.Ю. Голубевой

Тем. план 2015 г., п. № 940

Подписано к печати 23.11.2015 г. Формат 70x100¹/₁₆.

Бумага офсетная. Гарнитура Лазурского.

Усл. печ. л. 18,06. Уч.-изд. л. 18,0. Тираж 500. Заказ 575.

Поволжский институт управления имени П.А. Столыпина.
410031, Саратов, ул. Соборная, 23/25.

**Требования к рукописям научных статей,
представляемым для публикации в научном журнале
«Вестник Поволжского института управления»**

1. Редакцией журнала принимаются к рассмотрению статьи, связанные с управленческой тематикой (управление политическими, социальными, экономическими процессами, правовое регулирование различных сфер жизни общества и государства, социальное и гуманитарное развитие, актуальные проблемы современной России и международного сообщества). Редакция оставляет за собой право публиковать статьи и по иным направлениям науки.

2. Статьи представляются ответственному секретарю журнала не менее чем за три месяца до планируемой даты опубликования в номере журнала.

3. Автор представляет статью на бумажном и электронном носителях, объемом 0,3–0,5 п.л. (8–12 стр. печатного текста 14 кеглем 1,5 интервалом со стандартными полями). Сноски оформляются в квадратных скобках по тексту статьи, с указанием номера источника по библиографическому списку и страницы либо статьи нормативного акта, на которые ссылается автор (например: [8, с. 16], [8, ст. 16]). Библиографический список формируется в конце статьи по мере упоминания источников в тексте (не по алфавиту и не по иерархии источников). Не допускается дублирование наименований, а также указание под одним номером нескольких наименований источников или используемой литературы. Оформление библиографического списка должно соответствовать ГОСТ Р.7.0.5. – 2008. Для нормативных актов в списке указывается начальная и последняя редакция. Библиографический список входит в общее количество страниц статьи автора.

4. Помимо текста статьи автором представляются единым отдельным файлом в электронном виде на русском и английском языках:

а) краткая (2–4 коротких предложения) аннотация с обязательным указанием названия статьи, фамилии и инициалов автора, индексов УДК и / или ББК (только на русском языке), и / или DOI, и / или других классификационных индексов или систем регистрации;

б) ключевые слова и словосочетания (не более трех);

в) приставный библиографический список;

г) сведения об авторе – Ф.И.О. (полностью), должность и место работы или учебы, контактная информация (почтовый адрес, адрес электронной почты, контактный телефон).

Ответственность за достоверность указанных сведений несет автор статьи.

5. Статьи оцениваются членами редакционной коллегии, специалистами института или других вузов по профилю, соответствующему содержанию статьи. Статья направляется на рецензию без указания Ф.И.О. и иных данных, позволяющих идентифицировать автора. Автор вправе ознакомиться с выполненной рецензией. Автор вправе представить заверенную рецензию научного руководителя, доктора / кандидата наук соответствующего профиля.

6. Плата за публикацию статьи в журнале с аспирантов не взимается.

Ответственный секретарь научного журнала
«Вестник Поволжского института управления»

Акаев Дмитрий Валерьевич
(8452) 65 35 77

vestnikpags@mail.ru (в теме сообщения обязательно указывать: «Вестник»)

Материалы журнала размещены по адресу: <http://vestnik.pags.ru/vestnik>